



NORWEGIAN JOURNAL OF DEVELOPMENT OF THE INTERNATIONAL SCIENCE

№25/2018

Norwegian Journal of development of the International Science

ISSN 3453-9875

VOL.4

It was established in November 2016 with support from the Norwegian Academy of Science.

DESCRIPTION

The Scientific journal “Norwegian Journal of development of the International Science” is issued 12 times a year and is a scientific publication on topical problems of science.

Editor in chief – Karin Kristiansen (University of Oslo, Norway)

The assistant of the editor in chief – Olof Hansen

- James Smith (University of Birmingham, UK)
- Kristian Nilsen (University Centre in Svalbard, Norway)
- Arne Jensen (Norwegian University of Science and Technology, Norway)
- Sander Svein (University of Tromsø, Norway)
- Lena Meyer (University of Gothenburg, Sweden)
- Hans Rasmussen (University of Southern Denmark, Denmark)
- Chantal Girard (ESC Rennes School of Business, France)
- Ann Claes (University of Groningen, Netherlands)
- Ingrid Karlsen (University of Oslo, Norway)
- Terje Gruterson (Norwegian Institute of Public Health, Norway)
- Sander Langfjord (University Hospital, Norway)
- Fredrik Mardosas (Oslo and Akershus University College, Norway)
- Emil Berger (Ministry of Agriculture and Food, Norway)
- Sofie Olsen (BioFokus, Norway)
- Rolf Ulrich Becker (University of Duisburg-Essen, Germany)
- Lutz Jäncke (University of Zürich, Switzerland)
- Elizabeth Davies (University of Glasgow, UK)
- Chan Jiang (Peking University, China)

and other independent experts

1000 copies

Norwegian Journal of development of the International Science

Iduns gate 4A, 0178, Oslo, Norway

email: publish@njd-iscience.com

site: <http://www.njd-iscience.com>

CONTENT

PEDAGOGICAL SCIENCES

Levitska L.

FORMATION OF PROFESSIONAL AND VALUE ORIENTATIONS OF STUDENTS OF HUMANITARIAN SPECIALTIES IN THE EDUCATIONAL PROCESS OF THE UNIVERSITY3

Shelomentseva O., Mirzagasanova R.

PREFERENCES IN CAREER ORIENTATIONS OF STUDENTS OF 6 COURSE OF MEDICAL FACULTY AT KRASNOYARSK STATE MEDICAL UNIVERSITY NAMED AFTER PROFESSOR V.F. VOINO-YASENETSKY8

Shipaeva T.

PREPARATION OF COMPETENT AND QUALIFIED SPECIALISTS IN MODERN CONDITIONS11

PHILOLOGICAL SCIENCES

Koldasbaeva Z., Abisheva K., Yusbekova N., Kapanova A.

METHODS AND FORMATION OF POLICULTURAL CONSCIOUSNESS OF A LANGUAGE PERCEPTION 14

Maharramova N.

ON THE MULTICULTURAL LIFE OF MEDIEVAL BRITAIN 19

Omarbekova G.

GLOBAL DISCOURSE AS A RESULT OF CULTURAL EXPANSION AND ACCULTURATION..... 23

Veljkovic M.

RUSSIAN SIMILES WITH A COMPONENT "DEVIL" IN THE CONTEXT OF SERBIAN LANGUAGE..... 38

Phenkina L.

MYTHOPOETICS OF THE HOUSE IN THE WORKS OF S.T. AKSAKOVA "FAMILY CHRONICLE. CHILDHOOD YEARS OF BAGROV - GRANDSON "AND THE STORIES OF B. P. YEKIMOV" "SOLONICH ", " WHITE WATERS "41

Funikova S.

TOPONYMY AS A LINGUISTIC PHENOMENON (TO THE BACKGROUND)43

PHILOSOPHICAL SCIENCES

Baranov E.

SOME PROPERTIES OF LOVE AS THE HIGHEST FORM OF HUMAN VALUE ATTITUDE: PHILOSOPHICAL ANALYSIS47

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

Ayoub E., Ștefârța A.

A COMPARATIVE VIEW ON VIOLENCE AND SELF-DEVELOPMENT OF PEOPLE IN ARAB SECTOR OF ISRAEL..... 51

Pecherskaya N.

INTERETHNIC RELATIONS AND NATIONAL IDENTITY IN MODERN RUSSIA: PROBLEMS AND DEVELOPMENT PROSPECTS IN THE CONTEXT OF ETHNIC PSYCHOLOGY..... 55

Peshkova N.

FORMATION OF VALUABLE ORIENTATIONS OF TEENAGERS WITH EASY DEGREE OF MENTAL RETARDATION60

PEDAGOGICAL SCIENCES

FORMATION OF PROFESSIONAL AND VALUE ORIENTATIONS OF STUDENTS OF HUMANITARIAN SPECIALTIES IN THE EDUCATIONAL PROCESS OF THE UNIVERSITY

Levitska L.

candidate of pedagogical Sciences, docent, Associate Professor of the Department of Pedagogy of Kyiv National Taras Shevchenko University, city of Kiev

ФОРМУВАННЯ ПРОФЕСІЙНО-ЦІННІСНИХ ОРІЄНТАЦІЙ СТУДЕНТІВ ГУМАНІТАРНИХ СПЕЦІАЛЬНОСТЕЙ В ОСВІТНЬОМУ ПРОЦЕСІ УНІВЕРСИТЕТУ

Левицька Л.А.

кандидат педагогічних наук, доцент, доцент кафедри педагогіки Київського національного університету імені Тараса Шевченка, місто Київ

Abstract

The essence of the phenomenon of "formation of professional-value orientations of students" is revealed in the article, functions of professional-value orientations are defined and peculiarities of their formation in the training of future specialists in humanities. A model was developed and pedagogical conditions for the formation of professional-value orientations of students of humanitarian specialties of the university were substantiated.

Анотація

У статті розкрито сутність феномену «формування професійно-ціннісних орієнтацій студентів», визначено функції професійно-ціннісних орієнтацій та особливості їх формування у професійній підготовці майбутніх фахівців гуманітарних спеціальностей. Розроблено модель та обґрунтовано педагогічні умови формування професійно-ціннісних орієнтацій студентів гуманітарних спеціальностей університету.

Keywords: values, values orientations, professional-value orientations of students, model of formation of professional-value orientations of students of humanities, pedagogical conditions for the formation of students' professional and value orientations.

Ключові слова: цінності, ціннісні орієнтації, професійно-ціннісні орієнтації студентів, модель формування професійно-ціннісних орієнтацій студентів гуманітарних спеціальностей, педагогічні умови формування професійно-ціннісних орієнтацій студентів.

Ціннісні орієнтації студентів є одним із важливих компонентів у структурі особистості: розкривають ставлення до навколишнього світу та знаходять свій вияв в інтересах, потребах, поглядах, оцінках, мотивах соціальної та професійної діяльності. Формування системи цінностей молодих людей, їх трансформування в ціннісні орієнтації визначені як пріоритетні завдання сучасної вищої школи, що задекларовано Законами України «Про освіту» і «Про вищу освіту», Національною стратегією розвитку освіти в Україні на 2012–2021 роки та ін.

Аналіз психолого-педагогічної літератури засвідчив, що проблемі формування професійно-ціннісних орієнтацій студентів гуманітарних спеціальностей, для яких вони є одним із найважливіших елементів у структурі професійного образу світу, у навчальному процесі університету увага майже не приділяється. У вищій школі й досі формування професійно-ціннісних орієнтацій студентів фрагментарне і здебільшого зводиться лише до вивчення предметів соціально-гуманітарного циклу. Звідси помилковим є ототожнення понять цінностей і ціннісних орієнтацій; відсутність розуміння механізмів трансформації цінностей у ціннісні орієнтації особистості, недостатньо обґрунтована методика діагностики рівня сформованості професійно-ціннісних орієнтацій студентів. Означена ситуація сповільнює впровадження аксіологічного підходу в

практику професійної підготовки студентів в університеті.

Відсутність ґрунтовних і системних наукових досліджень із проблеми формування професійно-ціннісних орієнтацій студентів гуманітарних спеціальностей загострює суперечності між: суспільними потребами у формуванні ціннісної сфери особистості майбутнього фахівця і її недооцінкою при підготовці студентів в університеті; об'єктивно високим ціннісно-розвивальним потенціалом освітнього середовища університету і практично недостатнім рівнем сформованості професійно-ціннісних орієнтацій студентів; зрослими вимогами до професійно-ціннісних орієнтацій майбутнього фахівця та відсутністю науково обґрунтованої методики реалізації цього процесу у закладі вищої освіти.

Мета статті – теоретично обґрунтувати модель та педагогічні умови формування професійно-ціннісних орієнтацій студентів гуманітарних спеціальностей в освітньому процесі університету. Відповідно до мети визначено завдання дослідження: 1) на основі уточнення змісту ключових понять дослідження розкрити сутність поняття «формування професійно-ціннісних орієнтацій студентів гуманітарних спеціальностей»; визначити функції професійно-ціннісних орієнтацій та особливості їх фор-

мування у професійній підготовці майбутніх фахівців гуманітарних спеціальностей; 2) теоретично обґрунтувати модель формування професійно-ціннісних орієнтацій студентів гуманітарних спеціальностей в освітньому процесі університету; 3) визначити педагогічні умови формування професійно-ціннісних орієнтацій студентів гуманітарних спеціальностей.

Дефінітивний аналіз поняття «професійно-ціннісні орієнтації особистості» (Б. Ананьєв, І. Бех, І. Ісаєв, М. Каган, О. Камінська, Є. Климов, О. Леонтєв, Н. Миронова, Л. Оршанський, Є. Подольська, Н. Шемигон та ін.) засвідчив його складність і зв'язок з поняттями: «цінність», «професійна цінність», «ціннісна орієнтація особистості» тощо.

Поняття «**ціннісні орієнтації особистості**» слід розглядати як прийняті й усвідомлені особистістю цінності, що обумовлюють вибір нею певного типу поведінки, вчинків, способу життєдіяльності.

Встановлено, що **цінність** є суб'єктивно-об'єктивною, а **ціннісна орієнтація** – суб'єктивною, а відтак, перехід цінностей у ціннісні орієнтації є свідченням об'єктивності особистості. Оскільки ціннісні орієнтації є, по-перше, засобом виявлення суб'єктивного ставлення індивіда до навколишнього світу і, по-друге, інтегральним психічним новоутворенням, що забезпечує цілісність свідомості, емоційно-чуттєвої сфери й поведінки суб'єкта, то саме **ціннісні орієнтації** на основі особистісної орієнтації та ціннісного значення; спрямовують навчально-професійне пізнання; сприяють ціннісному відбору об'єктів пізнання; стимулюють як до реалізації професійних можливостей, так і до втілення незадоволених потреб особистості із саморозвитку, самореалізації.

Професійно-ціннісні орієнтації студентів гуманітарних спеціальностей є стійкою системою особистісних і професійно усвідомлених особистістю цінностей, які слугують орієнтирами професійної активності, мотиватором професійного самовдосконалення та регулятором професійно-ціннісної позиції. З'ясовано, що **професійно-ціннісні орієнтації студентів** гуманітарних спеціальностей містять низку спільних ознак, охарактеризованих вище, однак опосередковуються особливостями гуманітарних професій, відображають зміст та сутність професійної діяльності, визначають її мету та засоби, регулюють поведінку особистості в діяльності.

Слід зазначити, що **професійно-ціннісні орієнтації** майбутніх фахівців мають такі **функції**: *діагностично-пізнавальну* (встановлення реального рівня професійної готовності й пізнання нового в контексті професійної діяльності), *прогностично-мотиваційну* (прогнозування майбутньої професійної діяльності, її результатів та мотивація професійного самовдосконалення), *контрольно-оцінну* (контроль і оцінка особистих професійних знань, умінь і навичок), *рефлексивно-регулятивну* (самопізнання, регуляція професійно-ціннісної позиції, саморегуляція).

Визначено, що **формування професійно-ціннісних орієнтацій студентів** гуманітарних спеціальностей є багатоаспектним, цілеспрямованим та керованим процесом професійно-ціннісного становлення особистості, який спрямований на трансформацію особистісних і професійних цінностей студентів у професійно-ціннісні орієнтації для забезпечення ефективної реалізації соціально-компетентної та професійної ціннісно-орієнтованої їхньої діяльності.

Встановлено, що **особливості формування професійно-ціннісних орієнтацій студентів** гуманітарних спеціальностей в освітньому процесі університету зумовлені: необхідністю врахування специфіки професійної підготовки майбутніх фахівців; доцільністю створення сприятливого для розвитку ціннісної сфери особистості освітнього університетського середовища; поліфакторністю цього процесу; наявністю специфічних характерних якостей і властивостей такої соціальної групи, як студентство, й вікових особливостей юнацтва як етапу особистісного становлення майбутнього фахівця.

Варто зазначити про необхідність визначення **критеріїв сформованості професійно-ціннісних орієнтацій студентів**, а саме: 1) *когнітивний* (усвідомлене оцінює володіння професійними знаннями; сутнісно-функціональне розуміння понять «цінності», «ціннісні орієнтації особистості»; наявність пізнавального інтересу до майбутньої професійної діяльності); 2) *мотиваційний* (мотивація професійної діяльності; мотивація активності та творчості у професійній діяльності); 3) *діяльнісний* (наявність практичних професійних умінь і навичок; творчість у професійній діяльності; активність у професійній діяльності); 4) *особистісний* (рівень самооцінки особистості та самооцінки реалізації життєвих цілей особистості студента; соціальні та життєві цінності; цінності та ціннісні орієнтації; реальна структура ціннісних орієнтацій особистості; рівень співвідношення «цінності» і «доступності» в різних життєвих сферах; рівень організації та активності процесу реалізації життєвих покликань; рівень само актуалізації [2; 6].

Для визначення *рівня сформованості професійно-ціннісних орієнтацій студентів* гуманітарних спеціальностей за кожним із критеріїв розроблено та впроваджено *методику діагностики їх сформованості*: 1) *за когнітивним критерієм* (аналіз успішності студентів, аналіз творчих і контрольних робіт, тест незавершених речень, бесіди та спостереження); 2) *за мотиваційним критерієм* (бесіди, спостереження, анкетування, діагностика мотивації професійної діяльності (К. Земфір у модифікації А. Реана), аналіз творчих робіт); 3) *за діяльнісним критерієм* (спостереження, анкетування, аналіз творчих робіт, аналіз поведінки студентів у певній педагогічній ситуації, розв'язання вправ, експертні оцінки, методика виявлення творчого потенціалу особистості студента (Н. Кіршевої, Н. Рябчикової)); 4) *за особистісним критерієм* (бесіди, анкетування, спостереження, методики дослідження рівня самооцінки, самооцінки реалізації життєвих цілей особистості (М. Молочников), «життєве покликання»

(О. Мотков), дослідження рівня реальної гармонійності цілісних показників базової особистості, визначення життєвих цінностей особистості (Must-test) (П. Іванов, С. Колобова), дослідження соціальних цінностей особистості, «ціннісні орієнтації» (М. Рокича), діагностика реальної структури ціннісних орієнтацій особистості (С. Бубнова), оцінки рівня самоактуалізації (за опитувальником А. Шострома) та індивідуальних особливостей саморегуляції).

За частотою й силою проявів визначених показників кожного із критеріїв схарактеризовано *рівні сформованості професійно-ціннісних орієнтацій студентів*: низький, середній, достатній і високий.

Низький рівень сформованості професійно-ціннісних орієнтацій властивий студентам, які володіють елементарними професійними знаннями, фрагментарним розумінням сутності та функцій ціннісних понять; у них відсутній пізнавальний інтерес до майбутньої професійної діяльності; переважає зовнішня мотивація до професійної діяльності і відсутня мотивація до творчої діяльності та активності у професійній діяльності. Ці студенти не усвідомлюють рольову поведінку в майбутній професійній діяльності, не володіють практичними професійними вміннями та навичками, ініціативною; є пасивними в міжособистісній взаємодії; у них відсутня чіткість в ієрархії цінностей, у сформованості життєвих цілей і вираженості життєвої позиції, у гармонійності цілісних показників базової особистості; вони не готові до саморегуляції та самоактуалізації.

Середній рівень сформованості професійно-ціннісних орієнтацій притаманний студентам, які мають достатні професійні знання, поверхово володіють ціннісними поняттями, частково розуміючи їх сутність і функції; ситуативно виражений пізнавальний інтерес до майбутньої професії; у них домінує зовнішня мотивація вибору майбутньої професії над внутрішньою. Такі студенти ситуативно усвідомлюють особисту роль у майбутній професійній діяльності; володіють навичками й вміннями майбутньої професійної діяльності; є ситуативно активними та творчими; визнають значення загальнолюдських цінностей, хоча переважають індивідуальні цінності. Їм властиві помірна реалізованість життєвих цілей, гармонійність цілісних показників базової особистості та вираження життєвої позиції, ситуативна трансформація професійних цінностей у професійно-ціннісні орієнтації та елементарна готовність до саморегуляції та самоактуалізації.

Достатній рівень сформованості професійно-ціннісних орієнтацій зафіксовано у студентів, які володіють якісними професійними знаннями, ціннісними поняттями з елементами творчої їх інтерпретації, вираженим пізнавальним інтересом до майбутньої професійної діяльності, мотивацією досягнення та професійної діяльності з рівномірним розподілом зовнішньої та внутрішньої мотивації, широким репертуаром рольової професійної поведінки. Вони мають професійні практичні вміння та навички; є ініціативними, активними та творчими, впевненими у власних силах, у т.ч. й у майбутній

професійній діяльності; репрезентують ціннісні орієнтації на термінальному та інструментальному рівнях; трансформують професійні цінності у професійно-ціннісні орієнтації; їм властиві достатність гармонійності цілісних показників базової особистості та готовності до саморегуляції й самоактуалізації.

Високий рівень сформованості професійно-ціннісних орієнтацій характерний студентам із системними і ґрунтовними професійними знаннями, усвідомленим і оцінним володінням ціннісними поняттями, вираженим пізнавальним інтересом до майбутньої професії; яскраво вираженою внутрішньою вмотивованістю до навчальної, науково-дослідницької, громадсько-корисної та майбутньої професійної діяльності. Їм властиві багатогранний і усвідомлений репертуар професійних ролей, активність, відповідальність, участь у студентському самоврядуванні, лідерство, творчість; свідомий вибір аксіологічних орієнтирів, усвідомлене сприйняття професійних цінностей і трансформація їх у професійно-ціннісні орієнтації; усвідомлення професійно-ціннісних орієнтацій як мотиватора професійної діяльності та регулятора професійного самовдосконалення; гармонійність цілісних показників базової особистості та готовність до саморегуляції й самоактуалізації.

Досліджено, що за всіма визначеними критеріями сформованості професійно-ціннісних орієнтацій студентів гуманітарних спеціальностей університету переважають достатній (43,57 % у контрольній та 43,85 % в експериментальній групі) і середній (45,75 % та 45,68 % відповідно) рівні. Значна частина студентів гуманітарних спеціальностей (5,23 % у контрольній групі та 4,82 % в експериментальній) має низький рівень сформованості професійно-ціннісних орієнтацій, водночас лише 5,45 % студентів контрольної та 5,65 % – експериментальної групи мають високий рівень сформованості професійно-ціннісних орієнтацій.

Однак, слід зазначити, що відносно краще виражений рівень сформованості професійно-ціннісних орієнтацій студентів гуманітарних спеціальностей за діяльним та особистісним критеріями, що пояснюється сензитивністю юнацького віку для особистісного становлення в цілому і ціннісної та професійно-ціннісної сфери особистості зокрема, а також особливостями професійно-ціннісного зростання студентства як особливої соціальної спільноти. Водночас, виявлено, що студенти недостатньо визначають роль та місце ціннісних орієнтацій у професійному становленні, що потребує актуалізації їхньої мотивації до розвитку особистісної ціннісної сфери [1; 3; 4].

З'ясовано, що найнижчими є показники сформованості професійно-ціннісних орієнтацій студентів гуманітарних спеціальностей за когнітивним критерієм: студенти поверхово володіють ціннісними категоріями «цінність», «ціннісна орієнтація», «професійна цінність», «професійно-ціннісна орієнтація», функції цінностей, види цінностей тощо, часто ототожнюючи або підміняючи ці поняття; репродуктивно відтворюють знання, навіть

не усвідомлюючи їхньої сутності, використовують елементарні методи наукового пізнання. Отже, слід констатувати про недостатню ефективність організації освітнього процесу в університеті з формування у студентів професійно-ціннісних орієнтацій.

Теоретично обґрунтована модель формування професійно-ціннісних орієнтацій студентів гуманітарних спеціальностей університету охоплює такі блоки: **цільовий** (мета, завдання, методологічні

підходи, принципи), **змістовий** (навчальний курс «Професійно-ціннісні орієнтації майбутніх фахівців», система аксіологічно спрямованих завдань науково-дослідної роботи та практичної підготовки), **технологічний** (форми та методи, педагогічні умови формування професійно-ціннісних орієнтацій студентів) та **результативний** (критерії, показники та рівні сформованості професійно-ціннісних орієнтацій та отриманий результат) (рис. 1).

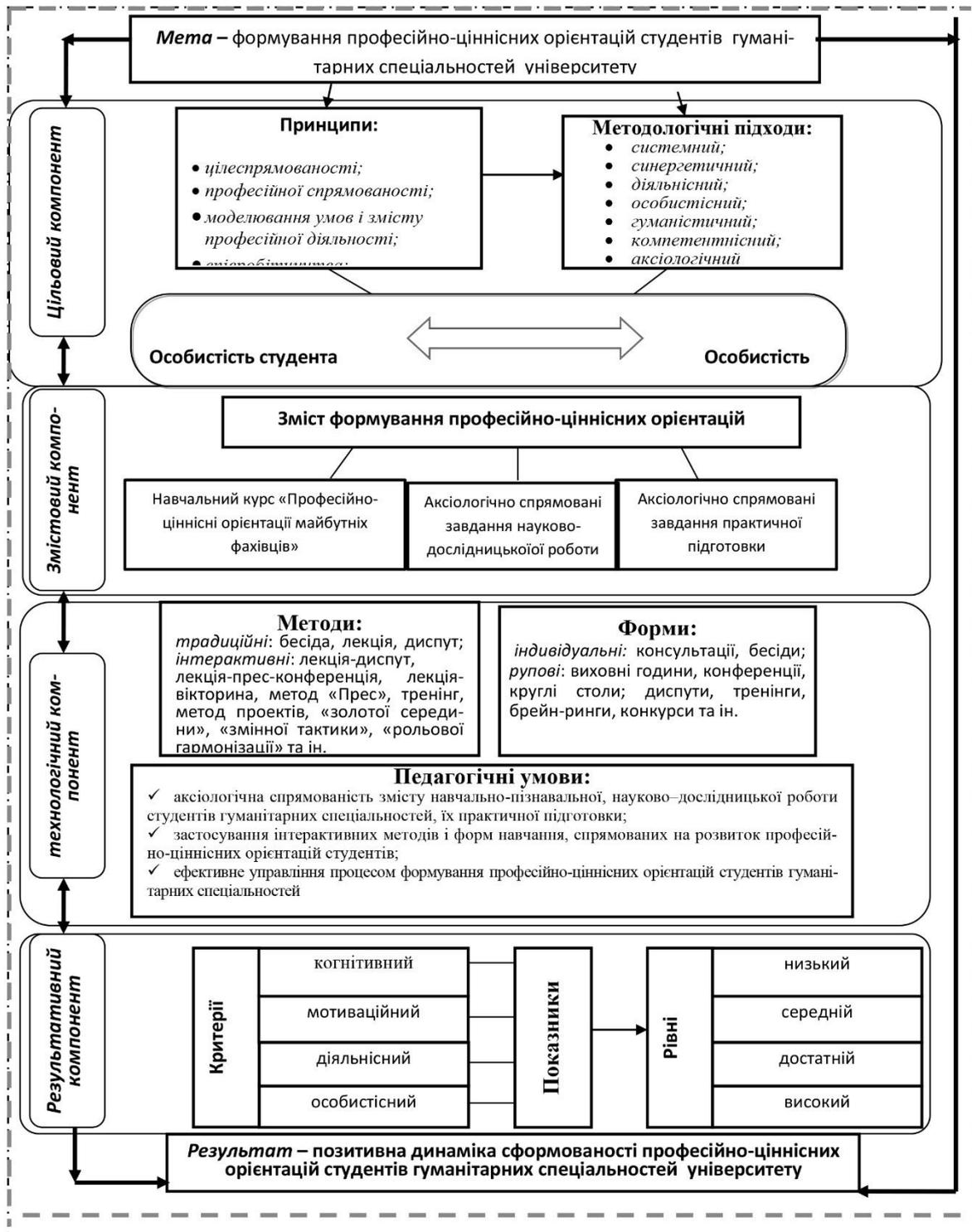


Рис. 1. Модель формування професійно-ціннісних орієнтацій студентів гуманітарних спеціальностей у навчальному процесі університету

Ефективними педагогічними умовами формування професійно-ціннісних орієнтацій студентів гуманітарних спеціальностей в освітньому процесі університету є: забезпечення аксіологічної спрямованості змісту навчально-пізнавальної, науково-дослідницької роботи студентів, їхньої практичної підготовки; застосування інтерактивних методів і форм навчання, спрямованих на розвиток професійно-ціннісних орієнтацій у студентів; ефективне управління процесом формування професійно-ціннісних орієнтацій студентів гуманітарних спеціальностей.

Задля забезпечення аксіологічної спрямованості змісту навчально-пізнавальної, науково-дослідницької роботи студентів гуманітарних спеціальностей, їхньої практичної підготовки – було розроблено та апробовано навчальний курс «Професійно-ціннісні орієнтації майбутніх фахівців», який реалізовувався через лекційні, практичні й семінарські заняття, самостійну та індивідуальну роботу.

Навчальний процес в університеті є важливим чинником формування професійно-ціннісних орієнтацій студентів. А відтак, головну увагу в процесі викладання навчального курсу та залучення студентів до науково-дослідницької роботи і практичної підготовки було акцентовано на необхідності трансформації одержаних знань у переконання, цінності, ціннісні орієнтації та у практичну діяльність.

Тому завдання як навчальної діяльності, так і науково-дослідницької роботи студентів, програм проходження ними різних видів практик було модифіковано аксіологічною наповненістю. Ці завдання вирізнялися креативністю та неординарністю їх розв'язання.

У процесі формування професійно-ціннісних орієнтацій студентів гуманітарних спеціальностей ефективними виявилися проблемні лекції, лекції-візуалізації, дискусії, диспути, семінари, конференції, ігри, тренінги, захисти проєктів; моделювання конкретних ситуацій, кейс-метод тощо.

Для ефективного управління процесом формування професійно-ціннісних орієнтацій студентів гуманітарних спеціальностей особлива роль відводиться особистості викладача як професійно компетентній особистості зі сформованими професійно-ціннісними орієнтаціями. Саме цілеспрямована діяльність викладача, який створює ціннісно-орієнтоване освітнє середовище в університеті з урахуванням особливостей професійної підготовки майбутніх фахівців, їхніх особистісних рис, потреб суспільного розвитку, спонукає студентів не просто

запам'ятовувати інформацію, а й осмислювати її, робити певні висновки, узагальнення, висловлювати свою думку, виробляти певну позицію, прагнути до професійного самопізнання, самовдосконалення, самоосвіти та самовиховання.

Отже, слід зазначити, що ціннісні орієнтації особистості визначаються як прийняті й усвідомлені цінності, що обумовлюють вибір нею певного типу поведінки, вчинку, способу життєдіяльності. Доведено, що у структурі особистості ціннісні орієнтації слугують фундаментом, на якому будується лінія професійної поведінки. На етапі первинного вибору професії починають формуватися професійні цінності, що визначаються особистістю як найбільш значущі. У процесі професійного розвитку цінності перевіряються, доповнюються, набувають дедалі більшого особистісного значення, а сама особистість ідентифікує себе як представника цієї професії.

Проведене дослідження не вичерпує всіх пошуково-дослідницьких аспектів означеної проблеми. Подальшого аналізу та вивчення потребують аспекти застосування нових інтерактивних технологій в освітньому процесі університету для формування ціннісної сфери майбутніх фахівців.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ:

1. Артимонова Т. Основні духовні пріоритети студентської молоді: напрями трансформацій / Т. Артимонова // Вища школа України. 2008. № 1. С. 72 – 75.
2. Цінності освіти та виховання: наук.-метод. зб. За заг. ред. Сухомлинської О.В. К. 1997. 224 с.
3. Енциклопедія освіти. К.: Юрінком Інтер. 2008. 1040 с.
4. Желанова В.В. Теоретико-методологічні аспекти проблеми цінностей особистості / В.В. Желанова, А.В. Пецанова // Вісник Луганського національного педагогічного університету ім. Т.Шевченка (педагогічні науки). 2008. № 7. С. 114 – 119.
5. Сільська молодь України: стан, проблеми ті шляхи їх вирішення: щорічна доповідь Президентів України, Верховній Раді України, Кабінету Міністрів України про становище молоді в Україні (за підсумками 2003 р.). К.: Державний ін-т проблеми сім'ї та молоді, 2004. С. 113.
6. Сухомлинська О. В. Цінності у вихованні молоді та дітей: стан розроблення проблеми. Педагогіка і психологія. 1997. № 1. С. 105–111.

PREFERENCES IN CAREER ORIENTATIONS OF STUDENTS OF 6 COURSE OF MEDICAL FACULTY AT KRASNOYARSK STATE MEDICAL UNIVERSITY NAMED AFTER PROFESSOR V.F. VOINO-YASENETSKY

Shelomentseva O.

Candidate of Biological Science, Associate Professor of the Department of Human Anatomy and Histology, Krasnoyarsk State Medical University named after Prof. V. F. Voino-Yasenetsky, Ministry of Health of the Russian Federation.

Mirzagasanova R.

Student of 2 course of medical faculty, Krasnoyarsk State Medical University named after Prof. V. F. Voino-Yasenetsky, Ministry of Health of the Russian Federation

ИССЛЕДОВАНИЕ КАРЬЕРНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СТУДЕНТОВ ШЕСТОГО КУРСА ЛЕЧЕБНОГО ФАКУЛЬТЕТА КРАСНОЯРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МЕДИЦИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. ПРОФЕССОРА В.Ф. ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКОГО

Шеломенцева О.В.

Кандидат биологических наук, доцент кафедры анатомии и гистологии человека, ФГБОУ ВО Красноярский государственный медицинский университет имени проф. В. Ф. Войно-Ясенецкого МЗ РФ.

Мирзагасанова Р.В.

Студент 2 курса лечебного факультета, ФГБОУ ВО Красноярский государственный медицинский университет имени проф. В. Ф. Войно-Ясенецкого МЗ РФ.

Abstract

In article results of the research devoted to identification most and the least significant career orientations at students of the 6th course of medical faculty of the Krasnoyarsk state medical university of professor V.F. Voyno-Yasenetsky of 2012 of receipt are described. The research showed that the leading career orientations are "Stability of the place of work" and "Service" (42.3% and 14.1% respectively); the least significant career orientation - "Stability of the residence" (39.74%).

Аннотация

В статье описываются результаты исследования, посвященного выявлению наиболее и наименее значимых карьерных ориентаций у студентов 6 курса лечебного факультета Красноярского государственного медицинского университета им. профессора В.Ф.Войно-Ясенецкого 2012 года поступления. Исследование показало, что ведущими карьерными ориентациями являются «Стабильность места работы» и «Служение» (42,3% и 14,1% соответственно); наименее значимой карьерной ориентацией - «Стабильность места жительства» (39,74%).

Keywords: career orientation, lifeline, degree of significance, management, autonomy, professional competence, service, call, stability of the place of work, stability of residence, integration of lifestyles.

Ключевые слова: карьерные ориентации, якорь, степень значимости, менеджмент, автономия, профессиональная компетентность, служение, вызов, стабильность места работы, стабильность места жительства, интеграция стилей жизни.

Введение

Вопросы формирования профессиональной направленности студентов являются важными в деятельности современного высшего учебного заведения. Именно в процессе обучения в вузе определяются не только жизненные и мировоззренческие позиции будущего специалиста, закладываются основы будущей профессиональной деятельности, но и происходит начальное «освоение» профессией. В этой связи особую значимость приобретает исследование ценностных ориентаций молодежи в области профессиональной деятельности (так называемых карьерных ориентаций). [1]

Оценка профессиональной пригодности, являясь актуальной проблемой современной социологии, психологии и педагогики, предполагает достаточно разработанный инструментарий. Так, на подготовительном этапе исследования нами были

выбраны и изучены несколько методик выявления профессиональной ориентации и склонностей, среди них: методика Л.А. Йовайши, анкета "Ориентация" И.Л. Соломина, диагностика структуры сигнальных систем (Э.Ф. Зеер, А.М. Павлова, Н.О. Садовникова). Для решения поставленной цели была выбрана методика Шейна «Якоря карьеры». Результаты её применения были рассмотрены в статье авторов Могилевкина Е.А. и др. [3], Тороповой Г.В. и др. [4].

Карьерные ориентации представляют собой смысл, который человек хочет реализовать при выборе и осуществлении своего профессионального развития. Траекторию профессионального движения человек строит в соответствии со своими ценностями и опытом. Можно сказать, что, планируя своё профессиональное будущее, намечая конкретные события – цели, планы, человек исходит,

прежде всего, из определенной иерархии «карьерных якорей», представленной в его сознании. [5]

Целью нашего исследования является изучение предпочтений карьерных ориентаций у студентов 6 курса лечебного факультета Красноярского государственного медицинского университета им. профессора В.Ф.Войно-Ясенецкого 2012 года поступления. Достижение указанной цели осуществлялось посредством решения следующих основных

задач: анкетирование студентов; обработка полученных данных по предложенной методике; анализ и описание полученных результатов исследования.

Методика и процедура исследования

Методом нашего исследования являлись опрос респондентов, статистическая обработка и анализ полученных результатов. Группа респондентов представлена 78 студентами 6 курса лечебного факультета КрасГМУ. Эмпирические данные были получены в течение октября 2018 года.

Таблица 1. Ключи для опросника Э.Шейна «Якоря карьеры».

Карьерная ориентация	Номера вопросов	Количество вопросов
Профессиональная компетентность	1 9 17 25 33	5
Менеджмент	2 10 18 26 34	5
Автономия (независимость)	3 11 19 27 35	5
Стабильность места работы	4 12 36	3
Стабильность места жительства	20 28 41	3
Служение	5 13 21 29 37	5
Вызов	6 14 22 30 38	5
Интеграция стилей жизни	7 15 23 31 39	5

Для сбора информации о карьерных ориентациях был использован опросник «Якоря карьеры» Э. Шейна (Schein, 1990), состоящий из 41 утверждения. Студенты должны были дать оценку каждому тезису по 10 - балльной шкале, используя все значения шкалы (от 1 до 10). Опросники заполнялись респондентами в присутствии исследователя. Перед началом заполнения давалась четкая инструкция, которая также дублировалась письменно.

Данная методика активно используется при подборе кадров и в исследованиях, т.к. он сравнительно невелик по объему и довольно прост по своей структуре, «прозрачен» по смыслу для респондентов. Опросник Э. Шейна «Якоря карьеры» содержит восемь шкал (карьерных ориентаций), в структуру которых включены представления человека о собственных способностях и талантах, о собственных потребностях и мотивах, о собственных отношениях и ценностях. [2]

Полученные данные были внесены в таблицу Excel и обработаны в соответствии с ключом. По каждой из восьми карьерных ориентаций был произведен подсчет количества баллов. Для этого мы, пользуясь ключом (табл.1), суммировали баллы по каждой ориентации, затем полученную сумму разделили на количество вопросов (5 для всех ориентаций, кроме «стабильности»). Таким образом, мы выявили предпочтения карьерных ориентаций у каждого респондента.

Для дальнейшей обработки материала нами была проведена градация оценки ориентаций по полученным данным, в результате которой мы выделили следующие группы:

1) от «совершенно не важно» до «совершенно не согласен» – от 1 до 3 – не значимая карьерная ориентация;

2) от «иногда важно» до «согласен в некоторой степени» – от 4 до 7 – карьерная ориентация средней степени значимости;

3) от «исключительно важно» до «совершенно согласен» – от 8 до 10 – карьерная ориентация высокой степени значимости.

Анализ результатов

По результатам выполненного исследования был проведен анализ. Рассмотрены максимальное и минимальное значения карьерных ориентаций каждого респондента, основываясь на определенном принципе, который состоял из следующего:

1. Выборка минимального и максимального значений якорей у каждого студента.

2. Подсчет количества анкетированных по карьерным ориентациям максимального и минимального значений (расчет процентного соотношения получившихся групп).

3. Распределение значений по степени значимости: максимальных – «<8» или «>8», минимальных – «<3» или «>3». Подсчет процентного соотношения в полученных группах, выделенных по степени значимости подгрупп: максимальной степени – «<8» или «> 8» и минимальной – «<3» или «> 3».

По результатам анализа выявлено (рис.1), что большая часть студентов отдает свое предпочтение якорю «Стабильность места работы» (от 7 до 10) – 42,3%. Высокую степень значимости (>8) придают лишь 3,84%. Вторую позицию занимает якорь «Служение». Превалирующим он является у 14,1% студентов, а по степени значимости – 11,54%.

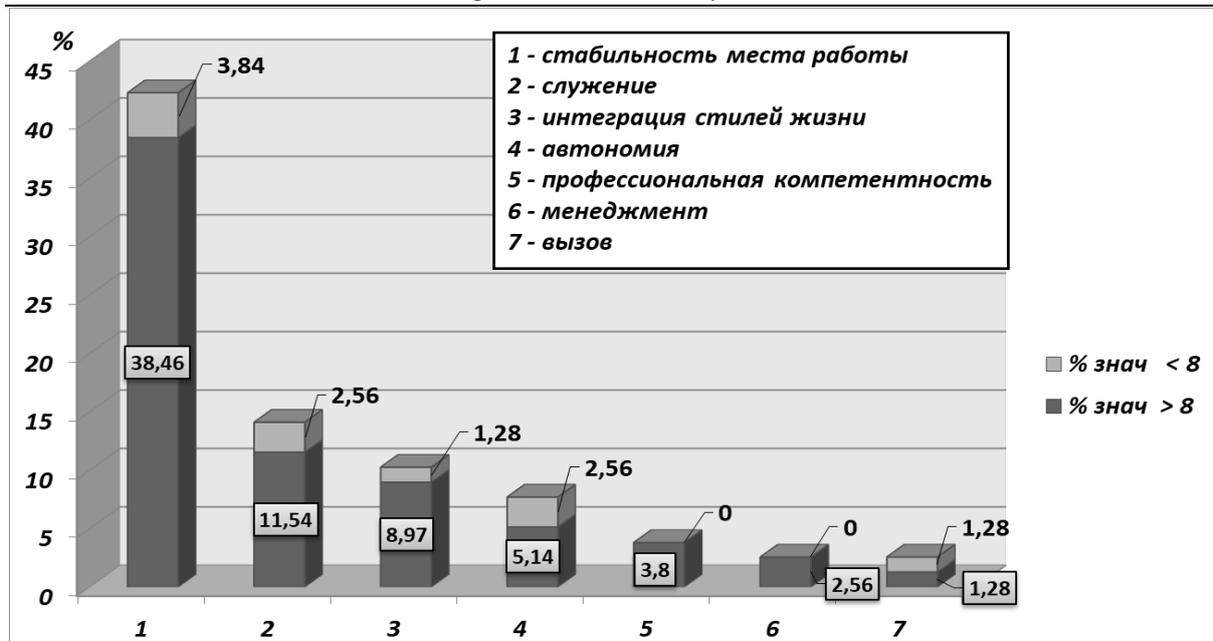


Рис. 1. Предпочтение карьерных ориентаций по степени значимости для студентов 6 курса специальности «лечебное дело» 2012 года поступления

Около 10,25% респондентов выделяют якорь «Интеграция стилей жизни», и лишь 6,74% придают ему высокое значение.

Остальные карьерные ориентации распределились по степени убывания: «Автономия» (независимость) – 7,7%, «Профессиональная компетентность» – 3,8%, «Менеджмент» и «Вызов» по 2,56%. При этом, «Профессиональная компетентность» и «Менеджмент» являются значимыми (>8) для всех, а «Автономия» и «Вызов» у 2,56% и 1,28% соответственно.

Также была определена группа студентов, выделяющая несколько карьерных ориентаций одновременно (16,7%). Две карьерные ориентации равное значение имеют у 11,56% (>8), три – у 3,86% (1/3 часть отдает якорям максимальное значение –

10). Лидирующими двойками якорей выступают «Стабильность места работы» и «Служение», «Стабильность места работы» и «Вызов», «Стабильность места работы» и «Интеграция стилей жизни»; лидирующей тройкой является группа, состоящая из таких якорей как «Стабильность места работы», «Служение» и «Интеграция стилей жизни». Примерно у 1,28% не было выявлено превалирующих якорей, следовательно, все карьерные ориентации имеют равное значение.

В свою очередь, анализ карьерных ориентаций с минимальным значением для старшекурсников показал (рис.2), что первое место из якорей занимает «Стабильность места жительства» (39,74%). Наименьшая градация степени значимости (1-3) наблюдается у 10,25% это группы.

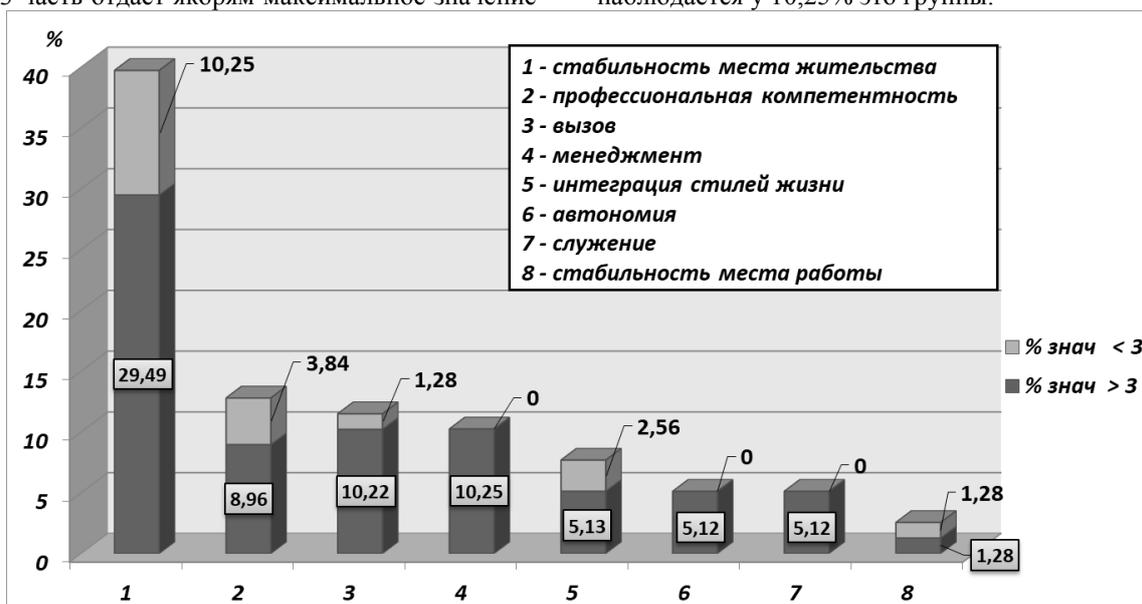


Рис. 2. Предпочтение карьерных ориентаций с минимальной степенью значимости для студентов 6 курса специальности «лечебное дело» КрасГМУ 2012 года поступления.

«Профессиональная компетентность», как не предпочтительная ориентация для карьерного роста, располагается на второй ступени (12,8%). При этом 3,84% придают этому якорю наименьшую степень значимости – <3.

На третьей ступени находится якорь «Вызов» (11,5%), который для малой доли анкетированных (1,28%) является совершенно не значимым (показатель менее 3). «Менеджмент» считают маловажным 10,25 % респондентов, «Интеграцию стилей жизни» – 7,69%, «Автономию» и «Служение» – по 5,12%, «Стабильность места работы» - 2,56%.

Отдельную группу составили студенты, которые выделяют несколько не значимых карьерных ориентаций в своей жизни (5,12 %). Таким образом, на тех, кто придает одновременно низкую степень значимости таким якорям, как «Менеджмент» и «Вызов», «Служение» и «Стабильность места жительства», «Вызов» и «Стабильность места жительства», «Стабильности места жительства и работы» приходится по 1,28% соответственно. Последняя из вышеперечисленных групп имеет наименьшую градацию по степени значимости (1-3).

Нужно отметить, что наши предположения сначала склонялись к тому, что иерархическая пирамида якорей с минимальным значением будет прямо противоположна иерархической пирамиде якорей с максимальным значением. Но после того, как был проведен анализ, выяснилось, что суждения наши были ошибочными. Отсюда следует, что каждый человек устроен по-разному, следовательно, и приоритеты в жизни у каждого абсолютно не похожи.

Заключение

В ходе исследования были изучены предпочтения карьерных ориентаций у студентов 6 курса лечебного факультета Красноярского государственного медицинского университета им. профессора

В.Ф.Войно-Ясенецкого 2012 года поступления. В результате анализа установлено, что ведущими карьерными ориентациями являются «Стабильность места работы» и «Служение» (42,3% и 14,1% соответственно). Наименее значимым якорем является «Стабильность места жительства» (39,74%).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Омельченко С.В., Прохоров А.В. К вопросу формирования профессиональной направленности личности у студентов технического профиля // *Universum: Психология и образование* [Электронный ресурс]. – 2014. – № 5-6(6) // Режим доступа:

<http://7universum.com/ru/psy/archive/item/1375>

2. Кольцова Е.А. Взаимосвязь между удовлетворенностью жизнью и карьерными ориентациями личности // *Организационная психология*. – 2012. – №4. – С.59-67.

3. Садон Е.В., Могилёвкин Е.А. Профессиональные компетенции как психологический фактор становления карьеры будущего специалиста // *Высшее образование сегодня*. – 2008. – № 10.

4. Торопова.Г.В Предпочтения в карьерных ориентациях студентов Красноярского государственного медицинского университета имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого/ Г.В.Торопова, О.В. Шеломенцева, Г.К. Ковалева. // *Сибирское медицинское обозрение*. [Электронный ресурс]. – 2016. – №6. – С. 60-65. // Режим доступа: http://smr.krasgmu.ru/journal/1641_60.pdf

5. Воронкова А.Б. Карьерные ориентации у студентов с разным уровнем удовлетворенности жизнью // *Международный студенческий научный вестник*. – 2015. – № 5-2 // Режим доступа: <https://www.eduherald.ru/ru/article/view?id=13265>

PREPARATION OF COMPETENT AND QUALIFIED SPECIALISTS IN MODERN CONDITIONS

Shipaeva T.

Ph.D., associate professor

FSBEI HE Volgograd State Agrarian University

ПОДГОТОВКА КОМПЕТЕНТНЫХ И КВАЛИФИЦИРОВАННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Шипаева Т.А.

к.х.н., доцент

ФГБОУ ВО Волгоградский государственный аграрный университет

Abstract

The article discusses what tasks teachers put using innovations in the conditions of informatization of education and factors in the training of specialists.

Аннотация

В статье рассматриваются какие задачи ставят преподаватели, использующие новаций в условиях информатизации образования и факторы при подготовке специалистов.

Keywords: competence, innovative technologies, interactive learning, methods, new model, strategy.

Ключевые слова: компетентность, инновационные технологии, интерактивное обучение, методика, новая модель, стратегия.

В связи с информатизацией образования, настало пересмотреть роль и место информационных технологий в процессе формирования коммуникативной компетенции будущего специалиста. В современных условиях подготовка компетентных и квалифицированных специалистов представляет собой одну из наиболее значимых проблем для успешного социально-экономического развития нашей страны. В качестве инновационного средства ее решения предлагается рассматривать компетентностный подход, который уже приобрёл социально значимый статус в области образования [1]. В связи с этим, задача обновления образования на основе компетентностного подхода, предусматривающего формирование новых институциональных механизмов управления в сфере образования,

Существуют две модели организации занятий – *директивная* и *интерактивная*. Первая предполагает достаточным механическое воспроизведение студентами некоторых сведений. Вторая исходит из необходимости достичь понимания транслируемой информации; построена на взаимодействии участников, предусматривает их постоянную связь и активность, нацелена на творческую переработку поступающих сведений.

В соответствии с ФГОС реализация учебного процесса должна предусматривать проведение занятий в интерактивных и активных формах. В течение периода обучения в вузе необходимо выбирать в первую очередь те методы, при которых появляется интерес студентов к изучаемому материалу. Оптимальное обучение возникает тогда, когда у людей есть возможность проявлять активность, взаимодействие (интерактивность). При этом живая заинтересованность студентов в изучаемом материале значительно снижает необходимость искусственно побуждать их к активным действиям. В процессе интерактивного обучения студенты переживают состояние успеха, чем и мотивируют свое активное поведение.

Интерактивная модель, поддерживая активность студентов, создает условия для более развитой внутренней их мотивации, формулируя тем самым более благоприятные условия для того, чтобы материал был не просто воспринят, но и усвоен по существу, заинтересованно. Применение этой модели приводит к тому, что в отличие от простого запоминания разрозненных сведений, на которое направлена директивная модель, у студентов возникает понимание – высшая форма приема и переработки информации, представляющая собой процесс раскрытия или установления связей и отношений между различными сведениями.

Таким образом, проводить обучение в интерактивном режиме: повысить интерес студентов к изучаемой дисциплине; приблизить учебу к практике повседневной жизни. Внимание к различного рода новшествам обусловлена, как видим, прежде всего, потребностью добиться устойчивого интереса студентов к изучаемому предмету, приблизить образование к практическим нуждам обучающихся.

В современном процессе реформирования высшего образования очень важно сохранить само

качество образования, определяемое рядом фактов: качественным составом преподавателей; информационной базой, в частности, наличием учебников и нормативной литературы; лабораторной базой образовательного процесса и так далее, - все то, что помогает студентам как можно лучше понять и усвоить учебный материал.

Обратимся к одному из определений инновационных образовательных технологий. Под ними подразумеваются способы создания, распространения, внедрения новых видов услуг. Выделяют три типа таких технологий: *радикальные* (реструктуризация процесса обучения или его значительной части); *комбинированные* (соединение ряда известных элементов или технологий в новую технологию или метод обучения); *модифицирующие* (улучшение метода или технологии обучения без существенного их изменения). Наибольшее значение имеют инновации в сфере высшего образования, направленные на переориентацию целей формирования личности профессионала (развитие, прежде всего, способностей к научно-технической и инновационной деятельности), а также на обновление содержания учебного процесса (исключение описательности в обучении, упор на формирование логического и образного мышления, акцент на практичность в обучении путем формирования знаний, навыков и умений в избранной профессии, ориентации на приоритет самообучения).

Как видно из приведенной трактовки, инновационная деятельность понимается весьма широко, практически без различия инновационных и нетрадиционных методах и технологий обучения. Поэтому возникает проблема их более четкого разграничения. Основная логика инновационного обучения – «от действия к знаниям».

Если говорить о подготовке специалистов, то обычно они имеют слабую мотивацию к освоению коммуникативной культуры. Для них ценность предлагаемых им навыков и умений не является самоочевидной («мы будем заниматься проектированием, разработкой программного обеспечения, а не проведением переговоров или составлением приказов; мы не планируем участвовать в свободных дискуссиях, нам вряд ли понадобится аргументировать свою точку зрения в какой-то профессиональной ситуации»). К тому же студенты вузов в большинстве своем не видят в себе ни способностей, ни даже их задатков, необходимых для активной коммуникативной деятельности. Поэтому и возникает необходимость в особых способах формирования их коммуникативной культуры [3, 40-46].

Опыт ведущих вузов страны и зарубежных вузов свидетельствует, что основу совершенствования и повышения коммуникативной культуры студентов в учебном процессе составляют активные методы обучения, реализуемые на базе систем и средств вычислительной техники. Например, внедрение компьютерной техники в курс химии начали с подготовки тестового контроля, максимально приближенные к материалу, излагаемому в курсе лекций.

Анализ полученных результатов показал, что тестовые задания (с использованием компьютеров и без них) развивают логическое мышление, поскольку требуется выбрать не только правильный ответ, но и проанализировать его, т. е. студент должен использовать такие функции мыслительного аппарата, как анализ, синтез, базовые знания как опору, чтобы в результате сопоставления ответов найти те, в которых заложены наиболее важные признаки, несущие полную и достоверную информацию.

Передача компьютерной функции контроля и экзаменатора имеет и отрицательные последствия: обедняется язык студента. Между тем, кроме знания и мыслей, должно быть еще и умение выражать свои (или хотя бы чужие) мысли литературным языком. Поэтому практикуется сочетание компьютерного опроса и собеседования с преподавателем. Таким образом, совместная работа педагога и студентов над созданием проектов с использованием компьютерных технологий повышает мотивацию студентов к изучению предмета, позволяет им проявить себя [2, 18].

В совокупности применение разносторонних инновационных методов обучения и контроля стимулирует познавательную активность студента, повышает прочность и глубину его знаний, способствует более осмысленному освоению изучаемого материала, приобретению навыков самостоятельной работы (самообразования), что немаловажно для дальнейшей жизни.

Необходимость воплощения в жизнь новой модели специалиста заставляет вузы совершенствовать образование в своих стенах. Сложившиеся годами система обучения вступает во взаимодействие с насущной потребностью в удовлетворении заказа на современного специалиста. Чтобы удовлетворить требования, предъявляемые со стороны совре-

менного общества студенту, а затем молодому специалисту, система высшего образования должна иметь опережающий характер, быть нацелена на потребности будущей постиндустриальной цивилизации, направлена на формирование творческих способностей человека.

Таким образом, реализация четко продуманной инновационной стратегии вуза, состоящей в привлечении студентов, аспирантов, преподавателей к работе информационными ресурсами – один из ведущих факторов формирования коммуникативной культуры молодых специалистов. Модернизация специалиста высшего образования направлена на удовлетворение запросов общества, которое желало бы видеть молодого специалиста, владеющего знаниями не только по своей специальности, но и знаниями всего профессионального направления. Поэтому необходимо разрабатывать новые подходы к обучению будущего специалиста с учетом запросов общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Иванов Д. А., Митрофанов К. Г., Соколова О. В. Компетентный подход в образовании. Проблемы, понятия, инструментарий. – М., 2008.
2. В. И. Гребенщикова – Использование компьютерных технологий на уроке химии в школе // Основные вопросы теории и практики преподавателя химии. Сборник научных и методических статей всероссийской научно-практической конференции. – Волгоград, 7 октября 2011 г. – М.: Планета, 2011. – С. 18.
3. Н. В. Муравьева – Коммуникативные игры как способ совершенствования речевых навыков // Проблемы и перспективы преподавания русского языка и культуры речи в неязыковых вузах. Материалы межвузовской научно-практической конференции. 15 мая 2003 г. – М.: 2003. – С. 40-46.

PHILOLOGICAL SCIENCES

METHODS AND FORMATION OF POLICULTURAL CONSCIOUSNESS OF A LANGUAGE PERCEPTION

Koldasbaeva Z.

Candidate of Pedagogical Sciences, Assistant Professor of Arkalyk State Pedagogical Institute named after I. Altynsarin. Arkalyk. Kazakhstan

Abisheva K.

Doctor of Philology Sciences, Professor of the Department of Social Humanities and Language Disciplines, University "Turan-Astana", Astana. Kazakhstan

Yusbekova N.

Master of Pedagogical Sciences, Senior Lecturer of the Department of Social, Humanitarian and Language Disciplines, University "Turan-Astana", Astana

Капанова А.

Master of Education, Lecturer of the Department of Social Humanities and Language Disciplines, University "Turan-Astana", Astana

СПОСОБЫ И ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО СОЗНАНИЯ ЯЗЫКОВОГО ВОСПРИЯТИЯ

Колдасбаева З.Ш.

кандидат педагогических наук, доцент Аркалыкского государственного педагогического института им. И.Алтынсарина.г.Аркалык

Абишева К.М.

доктор филологических наук, профессор кафедры социально-гуманитарные и языковых дисциплин, университет «Туран-Астана», г.Астана, Казахстан

Юсбекова Н.Н.

магистр педагогических наук, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарные и языковых дисциплин, университет «Туран-Астана», г.Астана

Капанова А.К.

магистр образования, преподаватель кафедры социально-гуманитарные и языковых дисциплин, университет «Туран-Астана», г.Астана

Abstract

Policulturalism is a pressing problem for modern societies, because its solution is important both for members of multilingual societies and for training mobile, international personalities who can successfully identify with communicators in the process of intercultural communication, and adapt to a different linguocultural community.

Аннотация

Поликультурализм представляет для современных социумов актуальную проблему, потому что решение ее важно как для членов многоязычных социумов, так и для подготовки мобильных, интернациональных личностей, способных успешно идентифицироваться как с коммуникантами в процессе межкультурной коммуникации, так и адаптироваться в ином лингвокультурном сообществе.

Keywords: policultural consciousness, intercultural communication, multilingual personality.

Ключевые слова: поликультурное сознание, межкультурная коммуникация, мультилингвальная личность.

В эпоху глобализации, когда усиливаются экономические, политические и культурные контакты между народами, интенсифицируются и процессы культурной интеграции, обусловленные как социокультурными, так и личностными факторами. С одной стороны повышается уровень миграции личностей в разные страны, их мобильности (учеба, миграция с целью проживания, туризм) с другой – актуализируются типы неконтактного двуязычия или многоязычия, развивающегося в случаях сознательного выбора личностями другого языка и культуры с целью, их усвоения и изучения как для удовлетворения собственных культурных потребностей, так и в силу профессиональной

необходимости (дипломаты, журналисты, переводчики, коммуникаторы). Поэтому в настоящее время мы говорим не сколько о языковой личности (В.В. Виноградов, Ю.Н. Караулов), не только о билингвальной личности (Е.Ф. Тарасов, Ю.А. Сорокин, Н.В. Уфимцева. У.М. Бахтикерева, М.Р. Кондубаева), коммуникативной личности (Н.Я. Лемякина), полилингвальной личности (С.С. Кунанбаева). В эпоху глобализации появилась необходимость в изучении личности нового типа поликультурной личности, отличающейся новыми чертами обусловленным к сегодняшней реальностью. На современном этапе изучения языковой

личности сложилось научное направление, занимающееся мультилингвальными исследованиями вследствие сложившейся в стране социокультурной ситуации мультилингвизма и мультикультурализма: во-первых, сложился опыт использования нескольких языков в рамках многоязычных социумов; во-вторых, появилась потребность в знании нескольких языков и культур как у профессиональных личностей, овладевших мультикультурализмом вследствие профессиональной потребности, так и у личностей мобильного типа (обучающихся за рубежом, контактирующих с иными коммуникантами в процессе кратковременных поездок за границу, туристических поездок и др.); В-третьих, в связи с интеграцией культур (в том числе и языков) у личностей, проживающих в различных социумах, возросло стремление к формированию в своем сознании базы полилингвальной, способствующей развитию его способностей к поликоммуникативной компетенции, что дает возможность индивиду вступать в продуктивные контакты с представителями иных лингвокультурных сообществ. Вместе с тем следует учитывать, что глобализирующиеся общества предъявляют новые требования к личностям, направленные на удовлетворение потребностей общества в поликультурных членах социума, компетентных в нескольких языковых и культурных системах, способных их коррелировать и использовать в условиях иноязычной среды общения. Введение в научный обиход понятий, “мультилингвальная личность”. [Coste D., Mooge D., Zarate G 2009], “интернациональная личность” [Вербицкая, 2001], полилингвальная личность [Кунанбаева 2017 : 11] представляется нам не совсем удачным, так как эти обозначения не заостряют внимания на необходимости овладения личностью несколькими языками, на развитии их способностей к мобильности. Они не учитывают потребность личности в овладении культурой другого народа. А между тем лингвострановедческий подход, использованный в работах В.Т. Костомарова Е.М. Верещагина, а этнокультуроведческий подход, выдвигавшие во главу угла способность личности к овладению культурой этноса, а также культурой народа, язык которой изучает личность, акцентировали внимание обучаемых на овладении культурой другого народа, выработки ими вторичного языкового сознания. По словам Е. Ф. Тарасова, «языковое общение, в том числе и общение – это процесс оперирования образами сознания на которые коммуниканты указывают при помощи тел знаков (означающих); общность языковых сознаний – необходимая предпосылка речевого общения, неполная общность является основной причиной коммуникативных конфликтов – конфликтов непонимания партнерами друг друга» [Тарасов 2000 : 30] Однако общность языковых сознаний не вполне обеспечивает продуктивное общение в процессе межкультурной коммуникации, так как незнание культуры, ценностей другого народа, культурных сценариев усвоения стандартов иной культуры, навыков использования их приводит к коммуникативным неудачам. Поэтому Н.Ф. Тарасов и говорил

о том, что человек социализирующийся в рамках своего общества, с одной стороны, дает возможность личности усвоить свою культуру, с другой – “ограничивает его рамками своей культуры” [Тарасова 2000 : 9-10]. Поэтому коммуниканты должны усвоить и культуру другого общества, так как именно общность присвоенной культуры обеспечивает возможность знакового общения, когда коммуниканты, манипулируя в межкультурном пространстве телами знаков, могут ассоциировать с ними одинаковые ментальные образы [Тарасов 2000 : 9-10]

Ассоциирование с телами знаков одинаковых ментальных образов предполагает формирование вторичного языкового сознания. Такое сознание понимается исследователями как такой уровень вторичной языковой личности когда она демонстрирует качественный уровень овладения языком и инокультурной в единстве (лингвокультурой стороны изучаемого языка (Халева 1989). В настоящее время, поскольку речь идет о формировании поликультурной личности, следует ставить вопрос о формировании мультикультурного сознания личности. Так, в трехязычных социумах, где функционируют национальный русский и английский языки (личности) формируют свое межкультурное сознание, коррелирующее с тремя языковыми картинками мира (национальной, русской, английской), представляющими “вербализованные образы сознания, складывающиеся в целостную картину” (Тимашева 2004 : 80). Такое сознание рассматривать как трехстороннюю сущность, включающее в себя как языковое, так и когнитивное и культурное сознания личности. Исследователи все еще выделяют отдельно все эти три вида сознания. Так, Ю.Н. Караулов понимает языковое сознание как совокупность вербально выраженных элементарных единиц знаний о мире усредненного, типового носителя языка (содержательно-статистический аспект языкового сознания декларативные знания), которая совместно со способами (функционально-динамический аспект - операционные знания) определяет иерархическую систему концептов, формирующих образ мира, или наивно-языковую картину мира как принадлежность естественно-говорящего индивида к соответствующему этносу (Караулов 1987). Когнитивное сознание характеризуется «как продукт познания вещей и как средство ориентировки с вещами» (Гальперин 1997). Культурное сознание же представляет собой совокупность ценностей культуры какого-либо народа, усвоенных личностью в процессе социализации в обществе. По мысли Д.Б. Гудкова и Д.Н. Шмелева, эти виды сознания нетождественны. Их нетождественность проявляется, во-первых, в том, что «никогда язык не устанавливает полного тождества между когнитивными единицами индивидуального сознания и «знаемыми» языковыми знаниями» [Шмелев, 1983]; во-вторых, когнитивные единицы и структуры имеют имплицитную природу и «далеко не всегда содержание нашего сознания может быть вербализовано и находить свое выражение в единицах языкового уровня» [Гудков, 2003, 99].

А между тем выделение трех отдельных видов сознания представляется нам нецелесообразным, так как языковое сознание индивида уже включает в себя когнитивное и культурное сознания, так как в составляющие ментального мира человека (мировосприятие, мироощущение, менталитет, а также ценности культуры) репрезентируются в сознании человека в виде когнитивных структур (схем, фреймов, концептов и др. моделей). Культурное пространство, по словам В. Тимашевой, также находит отражение в ментальном мире человека путем создания редуцированного варианта восприятия того или иного объекта культуры [Тимашева 2004 : 80]. Е.Ф. Тарасов утверждая, что языковое сознание и культура народа тесно связаны между собой, считает, что языковое сознание и выступает как опосредованный языком образ мира той или иной культуры т.е. как совокупность перцептивных, концептуальных и процедурных знаний носителя культуры об объектах реального мира [Тарасов 2003:5-6]. Поэтому В.В. Краснова, Д.Б. Гудков и В.И. Карасик и вводят в научный обиход понятие «национальное культурное пространство», которое включает в себя все существующие и потенциально возможные представления о феноменах культуры у членов национально-культурного сообщества (Гудков, Красных 1998). Если Д.Б. Гудков слабо увязывает национально-культурное пространство с когнитивно то В. И. Карасик акцентирует внимание на двух видах существования культурного пространства, как в виртуальном (в сознании членов этнических сообществ как совокупность ментальных представлений), так и в реальном видах, становясь ощутимым при столкновении с носителями иной культуры (Карасик 2003). К осознанию связи между виртуальным и реальным сознанием человека приходит позже и в В.В. Краснова, говоря о виртуальном и реальном видах сознания (Красных 1998). Поддерживая мнение ученых о частичной нетождественности когнитивного, культурного и языкового сознаний как компонентов языкового сознания, объективирующего эти виды сознания, мы считаем необходимым говорить об их тесной взаимосвязи. Поддерживая высказанные положения о нетождественности когнитивного и языкового сознаний, можно все же высказать мнение о их взаимосвязи, так как в основе языкового сознания лежат когнитивно-ментальные структуры и процессы (механизмы человеческого усвоения и восприятия мира, принципы их структурирования), репрезентируемые впоследствии на языковом уровне. Сознание, осуществляющее интериоризацию индивидом объективной действительности в процессе опредмечивания в форму структурированных и систематизированных представлений и знаний, фрагментов социокультурного опыта, вступает в сложные взаимоотношения с мышлением и языком. Воспринимая внешний мир в ходе речемыслительной деятельности, индивид сохраняет в своем сознании в опредмеченном виде результаты деятельности человека и оценку им предметов мысли. Существующая в имплицитном виде как совокупность знаний,

схем, представлений о мире, содержащая ценностные установки и принципы культуры каждого этнического сообщества, сознание имеет национальную специфику, так как устойчивые элементы культуры народов (ценностные принципы) входят в структуру сознания как сложное образование, включающее в себя элементы когнитивного, культурного и языкового сознаний.

Как видим, когнитивное, культурное и языковое сознание индивида тесно взаимосвязаны между собой, так как, во-первых, устойчивые элементы культуры как ментальные представления (образ культуры, знания, ценности культуры) репрезентируются в образовании личности как когнитивные структуры; во-вторых, все ментальные представления, сохраняющиеся в сознании в имплицитном виде; в-третьих, объективируются как компоненты мультисознания поликультурной личности, при помощи языковых единиц.

Структурными ее компонентами являются: 1) общая лингвокультурологическая база; 2) общий языковой тезаурусный фонд; 3) общая лингвокогнитивная база.

Необходимость формирования общей лингвокультурологической базы поликультурной личности обусловлена, во-первых тем обстоятельством, что в пределах лингвокогнитивного и культурного пространства функционирования данного сознания языки и культуры не функционируют обособленного в сознании личности, поскольку она «формирует на основе приобретенных ею знаний и навыков единую компетенцию, обобщающую весь культурный и лингвистический опыт, которым она владеет» [Хэкетт-Джонс 2016]. Такой единой компетенцией поликультурной личности является ключевая межкультурная компетенция, понимаемая как способность поликультурной личности к приобретению различных знаний: 1) культурных: об образе жизни других народов, о культурных сценариях проведения традиций, обычаев, обрядов других народов, о ценностях, ценностных ориентациях и менталитете другого народа; 2) прагматических знаний, предполагающих знание особенностей поведения инокультурного коммуниканта, умение использования культурных артефактов чужой культуры, навыков обращения с ними. Культурные стандарты разных народов с одной стороны локальны, с другой, могут обладать универсальностью локальная культура как набор этноинтегрирующих и этнофункциональных признаков и свойств, может быть и средством разобщения в случае общения коммуникантов с представителями других культур. И в этом случае коммуникантам следует учитывать следующие *дейксисы*, указывающие на принадлежность к чужой культуре: 1) различие культурных сценариев; 2) неадекватность разного рода операций, их набора, необходимого для обращения с культурными артефактами, их использования; 3) несовпадение культурных смыслов артефактов культур; 4) неадекватность ценностных ориентаций народов. Знание таких дейксисов представляется необходимым, так как культура тракту-

ется как «исторически выработанный тип деятельности со специфическими системами средств, которыми осуществляется деятельность, с системой сознания, связанного с определенным этносом, с некоторыми наборами технологий» [Уфимцева 1995]. Поэтому для усвоения культуры другого народа поликультурная личность должна акцентировать внимание на слове как языковой единице другого языка. Именно слово как знак дает сведения об имени, его способности не только называть имя предмета и обозначать его, но и давать представление об его образе. По словам Н.В.Уфимцевой, «в родной культуре за любым знаком стоят два набора сведений. Рефлексивный слой (знания) и способы действий. При заимствовании из иной культуры заимствуется рефлексивный слой, т.е. знания. Однако способ действия с предметом как правило, не может быть заимствован [Уфимцева 1953]. Умения и навыки использования чужого слова, усвоение его культурного смысла методов выявления текстового смысла (инференции, интерпретации) все еще не похучили достаточными освещениями. Поликультурная личность должна акцентировать внимание не только на овладении культурными знаниями, навыками использования их, но и уметь выявлять различия в культурных смыслах артефактов, культурных сценариев, традиций, обрядов, обычаев, знать образ жизни другого народа. Такая личность должна учитывать принципы культурной релятивности, проявляющейся в относительности культур разных народов, согласно которому каждое лингвокультурное сообщество описывает по-разному опыту свое восприятие мира. Кроме этого, она должна иметь представление и о когнитивном релятивизме, заостряющем внимание на выявлении прототипического и концептуального в когнитивных структурах. Теория прототипов предполагает формирование общих понятий, а также поиск общности между различными элементами. На основе нахождения их общих свойств, их можно группировать вместе. Общие свойства элементов можно выделить в результате соотнесения. Также общие свойства новой информации со схемой можно выделить в рамках общего лингвокогнитивного пространства. Так, лингвокультуремы как ключевые слова культуры, концепты категории можно рассматривать как прототипы, имеющиеся в каждой культуре, хотя содержание их и культурной смысл их неадекватны, например концепт «эмоция» выражает эмоции человека (позитивные и негативные). Гнев: *қабағын түю, сдвинуть грозно брови, get off my back; bear with a sore head*. Радость: *мэз-мейрам болу, like a dog with two tails full of the joys of spring*. Удивление: *разинуть рот, бетін шымшу, жағасын ұстау, eyes on stalks, knock your socks off*. Горе: *ломать руки, шашын жұлу, get a lot of grief*. Категория «глупый» – умный: *slow, dim; bright, sharpest intelligent*. Выделяются категории опираясь на теорию прототипов можно также выделить в рамках общего культурного пространства прототипные ключевые слова (лингво-культуры), лингвокультурные концепты,

категории (таксопрототипные эмоция и др.), например фразеологизмы их адекватны в них прототипы выражают схожие эмоциональные негативные эмоции: Выжимать коку с соком (жестко эксплуатировать), басын көтертпей жұмысқа салу (эксплуатировать); выражать горе (ломать руки, бетін тырнау, шашын жұлу); удивляться (разкинуть рот, бетін шымшу); выражать радость (на радостях, мэз-мейрам болды); жестокий (қара бауыр, без бүйрек, малта скуратов); на основании прототипов можно формировать и общие категории, включая в них слова из разных языков, имеющих сходные признаки, например, глупый: *Ежова голова, чугунные мозги, голова мякиной набита, ақылдан шайнам жоқ, су ми; умный, ума палата, ақылы аплатон, ақылы балқаш*.

Слова разных языков в мультисознании поликультурной личности как лингвокогнитивно-культурном пространстве сводятся в общий лингвистический тезаурус, составленный с учетом семантических примитивов» (согласно А.Вежбицкой). Тезаурус, понимаемый как: 1) хранилище, сокровищница; 2) способ хранения, который позволяет экономно моделировать мир [Караулов 1981:191], формируется в сознании личности на основе когнитивного культурного и семантического признаков. Тезаурусная организация знаний связана с глубинными когнитивными процессами (когнитивная обработка слов чужого языка, в процессе соконцептуализации и формирования значений слов, общих для коммуникантов, выделение общих прототипов в разных языках и сведение их в категории на основе адекватности, выявления категориальных и признаков дифференциальных слов, входящих в категорию сведения концептов прототипов языковых картин мира в общую концептосферу в рамках лингвокогнитивно-культурного пространства). В процессе познания объективного мира через призму своей языковой картины мира, также через восприятие его с позиций своей картины мира, индивид стремится свести воедино концептосферы различных картин мира и составить концептосферу, общую для различных картин мира на основе принципа когнитивной относительности, выделяя прототипы концепты, анализируя и сравнивая их, выявляя общее в них, и национально-специфическое. Точно так же осуществляет он и процессы таксономической и оценочной категоризаций на основе поиска семантических примитивов или прототипов (родовых слов, выражающих общие понятия), затем сводит в общие категории слова разных языков, овладевающих сходством с прототипом, опираясь при этом на классификационные когнитивные и дифференциальные признаки слов.

В ходе составления общего тезауруса на основе сведения в общее хранилище слов разных языков осуществляются различного рода контакты. Первый контакт, по словам Л.К. Жаналиной, осуществляется между языковым рядом и объективным миром (номинативная деятельность), второй происходит в процессе коммуникативной деятельности, которая воспроизводит мысли в соответ-

ствии с зафиксированной в тезаурусе системой концептов. На наш взгляд, в мультисознании поликультурной личной тезаурус строится на основе логических и когнитивных структур. Так, логические структуры универсальные для всех лингвокультурных сообществ, представляют собой результат понятийного глениения мира. Такое глениение мира неадекватно в разных языках, тем не менее на основе учета семантических примитивов можно составить предметно-понятийный каркас, который в общем тезаурусе дополняется в процессе реинтерпретации направленной на дополнение семантической карты какого-либо языка словами другого языка, обозначающими сходные фрагменты действительности и в этом случае логическо-понятийное глениение мира дополняется данными полученными в процессе. Действие семантического реинтерпретации принципа проявляется в том что, в тезаурусе выделяются определенные темы, предствляющие контекст для входящих в него слов. Такой способствующий контекст упорядочиванную сознания, ибо знания об окружающем мире хранятся в памяти и в сознании не в виде обработанных и подготовленных для устного «исполнения речевых текстов а в упорядоченном виде [Кацнельсон 1972] . Тематические группы слов в тезаурусе организованы и на основе семантического и когнитивного признаков так как в основе тематической группировки слов лежит не только предметный ряд, но и осмысление предметов и понятий о них в ходе речемыслительной деятельности индивидов. Связь логической и семантической сторон тезауруса с когнитивной реализуется в ходе первичной и вторичной концептуализации фрагментов окружающего мира: восприятие окружающей среды и формирование первичных концептов языковых наименований специфических в разных культурах и языках вследствие различия восприятий индивидов. В ходе вторичной концептуализации актуализируются образные значения слов, их коннотации как оценочные, субъективные знания. В процессе познавательной деятельности индивида формируется и культурно-ментальный смысл слов языка и привносится в его значение культурная информация.

Таким образом, мультисознание языковой личности представляет собой сложное единство как когнитивного, культурного и языкового сознаний, так и языковых картин мира, освоенных личностью в ходе изучения нескольких языков в процессе освоения языкового знака вместе с его ментальным образом и культурным смыслом, представленное в сознании личности как общее лингвокультурное и когнитивное пространство. В рамках данного пространства языки, языковые картины мира как культурные образы сознания разных народов хранятся не в обособленном виде, а в виде коррелирующей совокупности концептосфер, тезаурусов, сконструированных в процессе учета принципов культурной и когнитивной относительности (тео-

рии прототипов и семантических примитивов), когнитивной обработки когнитивных структур этого пространства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Coste D., Moore D., Zarate G. Plurilingual and Pluricultural competence : studies toward a Common European framework of Reference for language learning and teaching language policy division. Strasbourg, 2009. [Electronic resource] URL : http://www.coe.int/t/dg4/linguistic/source/source_publications/competenceblurilingue_09_web-en.pdf (Retrieved 28/02/2016).
2. Вербицкая Л.А. Глобализация и интернационализация в образовании и важность изучения иностранных языков // Мир русского слова, 2001, №2. С. 15-18.
3. Кунанбаева С.С. Концептологические основы когнитивной лингвистики в становлении полиязычной личности. Алматы, 2017, 264с.
4. Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания : формирование и функционирование. М: Институт языкознания РАН, 2000.
5. Халеева И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи (подготовка переводчиков). М, 1989.
6. Хоккет Джонс А.И. От билингвизма к полилингвизму: концепции многоязычия в условиях новой образовательной реальности // международный исследовательский журнал. Выпуск: №3 (45). Часть. С. 104-106.
7. Тимашева О.В. Введение в теорию межкультурной коммуникации. М. 2004. 192 с.
8. Тарасов Е.Ф. Языковое сознание: устоявшееся и спорное // языковое сознание: устоявшееся и спорное. М. 2003. с 5-6
9. Гудков Д.Б Красных В.В. Русские культурное пространство и межкультурная коммуникация. Доклад на Ломоносовских чтениях, филологический факультет МГУ, 1996г. // МГУ. М, 1998. Вып.2. С.124-133.
10. Карасик В.И. Когнитивная матрица культуры. М, 2003.
11. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация) М, 1998.
12. Уфимцева Н.В. Этнические и культурные стереотипы: кросскультурное исследование // Известия РАН. Серия литературы и языка, 1995. Т.54, л3.
13. Гальперин П.Я. Языковое сознание и некоторые вопросы взаимоотношений языка и мышления // Вопросы философии, 1997, л 4.
14. Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М, 1981.
15. Жаналина Л.К. Номинация и словообразовательные отношения. Алматы, 1993.
16. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. М, 1972.

ON THE MULTICULTURAL LIFE OF MEDIEVAL BRITAIN

Maharramova N.

*Azerbaijan University of Language***Abstract**

In this paper, we would like to discuss the multiculturalism of Britain in Middle Ages. Multiculturalism plays a great role in society and mutual understanding of people. Therefore, we first of all should speak about multicultural principles and ideas of people.

My investigation into history have been marked to accept the notion that people should live together in the historical process peacefully.

What do we understand when telling the expression "medieval multiculturalism"? A number of medieval authors, ranging from missionaries like William of Rubruck to merchants like Marco Polo to pilgrims like Ibn Battuta and Anselmo Adorno, wrote about different cultures, sometimes including thoughts of their own. This rich, contemporary ethnographic literature gives us much information about medieval people and their views to the multicultural world in which they lived, worked and so on.

While speaking about the multicultural London firstly we should speak about immigrants and their living conditions in those times. But if we examine the medieval past history we should remind immigrant problem and their help to the word – stock.

Keywords: multiculturalism, medieval Britain, polyethnic, identity, tolerance, immigrants, taxes

MAIN BODY

The language permits all people of different culture, or other people who have learnt the system of that culture, communication or interaction.

Outside the privileged circle of Anglocentrism, the peoples of Europe have for some time been writing about their own medieval history and literature. But this scholarship, usually in a bewildering range of languages, remains inaccessible to scholars and students limited to French or German.

A more realistic history of minority cultures may be, as the American experience suggests, a good way to start. Much of Europe's medieval history concerns how cultural homelands were absorbed or obliterated by larger groups seeking more land and power.

Medieval society repressed many cultures, but destroyed few. Centuries later demands for justice and homelands continue to haunt European consciences, there and in the neo-Europes as well.

When we want to speak about multiculturalism, tolerance and identity we should talk about medieval Britain multiculturalism.

While speaking about the Britain multiculturalism we should pay attention to the immigrant factors. The immigrants were one of the main factor influencing to lexical improvement of Britain. In the lexical stock, they occurred many words and phrases for the purpose of using in colloquial speech. All these words and expressions reflected in literary works.

So, new researches began to be shown in literature.

All in all, the survey of 1440 produced around 20,000 named persons of foreign birth. This number may look tiny in comparison with the record of immigration in later centuries, but we have to remember that the estimated population of England at this time was not greatly in excess of 2 million people. As late as the 1901 census, immigrants counted for about 1 per cent of the total population of the United Kingdom. That there was a comparable level in 1440 allows us to consider later medieval England not as an insular culture

but as a genuinely multicultural society.

While speaking about Britain we should note about taxes. Because it was one of the most debatable problem in Britain in Middle Ages.

Fortunately, in 1440, the English parliament inadvertently shone a light into the gloom by imposing a new tax on resident foreigners.

Immigrants had paid taxes before this time – the difference was simply that aliens were now to be a special fiscal category.

The motivation was ostensibly about finding new funds for the final, faltering stages of the Hundred Years' War. In reality, the initiative was just as much about regulation. Taking a census of resident foreigners could be a first step to greater controls at a time when there were significant political misgivings both about aliens' economic power and about national security. In the end, the wider potential of the census was not exploited.

There is every sign that the tax payers of 1440 were identified most readily in terms of the languages they spoke and the accents with which they attempted to communicate in English. A story circulated in late medieval England that the rebels of 1381, in seeking out the hated Flemings, had attacked anyone who could not say 'bread and cheese' in English. Here is a powerful reminder of the complicated and sometimes perilous existence that foreign-born residents could experience in England.

From the 1440s to the 1480s, parliament continued to impose taxes on aliens, and the Tudor regime included the category in the new, comprehensive subsidies developed from the 1520s. In none of these cases, however, did the numbers of persons assessed reach anything approaching the levels of 1440. This was partly a matter of definition: the Irish and the Gascons successfully made their case for immunity after 1440, and the crown offered a series of exemptions to prominent aliens in later taxes.

Because of those taxes there occurred tension. At the same time there were seen the differences between

the native and foreign-born populations. In the longer term, the 1440 tax experiment stands as a serious reminder of the high risks involved when governments attempt to grapple with the question of immigration, and of the trail of administrative failure and political disillusionment that so often results.

Some investigators note that the modern Britain history begins from that time. These are times that French army conquered UK. Today we may easily see the trails of these events in their language, in their speech continuum.

In 1362 there were accepted "parliamentary decree". The theme of this decree was the mixture of foreign dialects. We might see it in the official language of Britain. At that times Ch. Chaucer wrote his works in "vernacular" English. Because of his works that language type were popularised in the country.

Today the borrowing process is going on. "Lingvo-franca" has got leading place in the world.

So, UK is the country accepting multiculturalism centuries ago.

At the same time this country gives opportunity to the people of believing to different religions. They invite them not to choose "British ways", but to present their own culture and traditions. We should note that multiculturalism entered to Britain history not only with the history of immigrants. It sometimes was the result of state policy, sometimes there was connection with the dreams and activities of people.

J. B. Priestley classifies three types of community in Britain in his work "English Journey" at that time. They are:

1. metropolitan,
2. urban,
3. rural.

We should underline that Britain was the heart of "rural" type. By the way, we must note that the traditional UK passed the ways of "industrial", "imperial", "suburban", "metropolitan", "urban", "rural", "tourist", "multicultural" stages. All these stages had been left their trails.

As we spoke above, about the people living in Middle Ages a great ethnographic literature helps us.

Here we should speak about the work named "volume". This volume was published in 1982 Haskins' twelfth century Renaissance, but had some place for a broader perspective.

French scholars investigated about medieval people in a wide space. In order to get information historians owe a great debt to the Annales school and Marc Bloch for the noble vision of a total history incorporating the range of sources and peoples making the Middle Ages. We can name the best-known contemporary scholars in this field as Caroline Bynum, and John Boswell. This work in part rests on local studies, but most medievalists, thanks to the universality of Latin, at one time or another try their hand at medieval Europe, and sometimes this effort carries them to Russia, the Middle East, and North Africa.

And yet, when the city of London challenged Reginald's powers in 1377, it quite deliberately chose to undermine his authority by naming him as "Reginald Newport, Fleming". Suddenly, we open up a whole

new aspect of the life and career of Reynald Nieuport, as we might now call him. In the middle years of the 14th century, immigrants from Flanders had a particularly high profile in England. They came over, in quite significant numbers, as agricultural labourers, as skilled cloth weavers, and as merchants involved in international trade.

By the 1370s, however, they were increasingly seen as abusing their special privileges and enjoying unfair economic advantages over their English-born neighbours and co-workers.

England, we often observe, is a nation of immigrants. The standard story is that of a sequence of early invasions by the Romans, Anglo-Saxons, Vikings and Normans, followed by the arrival of the Huguenots as refugees from continental Europe during the Reformation, and then the rich mix of ethnicities and cultures brought on by the legacy of empire in the 19th and 20th centuries. An important part of this story concerns migration within the British Isles and the evidence for the movement and interaction of the English, Welsh, Irish and Scots. Much less appreciated are the individual stories of people like Reynald Nieuport who, in every generation, moved to England from all parts of Europe and further a field. It is only in recent years, with the free movement of people within the European Community, that we have begun to consider the possibility that immigration was a constant reality in pre-modern England.

The French writer Philippe Daudy remarked that "Continentalers are always disconcerted by the English attitude to work. They appear neither to view it as a heavy burden imposed by fate, nor to embrace it as a sacred obligation". In other words, either our attitude to work does not conform to the Catholic-fatalist or the Protestant-work-ethic model, one or the other of which characterizes the work-cultures of most other European countries. Our position is sort of somewhere in between these two extremes – a typically English exercise in compromise and moderation. Or a typically English muddle, depending on your point of view. But it is not an incomprehensible muddle; it is a rule-governed muddle, the guiding principles of which are as follows:

- The English are serious about work, but not too serious.
- The English believe that work is a duty, but they wouldn't go so far as to call it a "sacred" duty and they also believe it is a bit of a fag and a nuisance, imposed by practical necessity, though, rather than by some mystical "fate".
- The English constantly moan and complain about work, but they also take a kind of stoical pride in "getting on with it" and "doing our best".
- They indignantly disapprove of those who avoid work – from the minor royals at the top of the social scale to the alleged "dole-scroungers" at the bottom – but this reflects our strict, almost religious belief in "fairness"; rather than a belief in the sanctity of work itself (such people are seen as "getting away with" idleness, while the rest, who would equally like to be idle, have to work, which is just not fair).
- They often maintain that they would rather not work, but they personal and social identity is in fact

very much bound up with work (either the mere fact of being “in work”, bringing home a wage, or, for those with more intrinsically interesting or prestigious jobs, the rewards and status attached to the work).

- They find the whole subject of money distasteful, and there are still vestiges of a deep-seated prejudice against “trade” or “business”, which can make “doing business” a rather awkward business.

- They also have vestigial traces of a “culture of amateurism”, involving an instinctive mistrust of “professionalism” and businesslike efficiency, which again can be a handicap when trying to run professional, efficient businesses.

- Finally they carry into the workplace all the familiar English rules of humour, embarrassment, inhibition, privacy, modesty, moaning, courtesy, fairness, etc. – most of which are also incompatible with productive and effective work.

- But despite all this, the English seem to muddle through somehow, and some of their work is not bad, considering.

It is from these principles that many of the specific rules governing behaviour at work are formed or derived.

Besides, we should say that immigrants are no easy task. The English state had no comprehensive way of regulating immigration in the Middle Ages, and although it often used the labels ‘denizen’ and ‘alien’, it had no standard means of defining these categories. In the 14th century, the crown began to develop a formal process known as denization, by which an immigrant of good standing in his or her community could renounce allegiance to their former ruler and be given all the rights of an English-born subject.

Denization became quite big business by the Tudor period, but because of the costs involved, it tended only to be sought by relatively prosperous and influential immigrants: craftsmen, merchants, clergymen, wealthy landholders, and so on. The records therefore miss an important part of the story by omitting the little people who were much more numerous, more widely dispersed, and ultimately often more influential in determining popular attitudes to immigration.

We should say that everyone loves and wants to live in multicultural society. We all appreciate multicultural society. It helps us better understand our world, inspire us to look beyond our limitations, and see ourselves as part of something bigger.

For modern historians, however, it provides an amazingly detailed survey of the geographical distribution, numbers, social status and occupations of foreigners living and working in England in 1440. It also gives us a glimpse of the human interactions between the native-born and the alien residents of the realm.

How were immigrants identified? Certainly not by the scrutiny of anything akin to passports and official papers. Rather, local juries of English-born men were asked to provide lists of all known aliens living in their communities. In some places, such as London, this was done with great thoroughness; in others, like rural Lancashire, it was hardly applied at all.

Parliament had taken the view that all those born outside the realm of England should be included, even

if, as in the case of Ireland and Gascony, their homeland was under the dominion of the English crown. In Langley Marsh, Buckinghamshire, one of the jurors, Thomas Fisher, was reported as having both an alien servant, named Gelam, and an Irish neighbour – though he could not name the latter. The jurors were not required to give a place of origin for each person named. Sometimes the identity is obvious: “John [the] Frenchman” and “John [the] Scot” are common names in the surviving assessments. At other times, the categories carried rather different connotations from now.

So, Britain has a long history of drawing attention of people from other countries, different cultural or ethnic groups.

As we said above, many people date the beginning of modern Britain back to 1066 when French invaders conquered the “English” king and took over the country. The effects of this invasion can still be felt today in the rules and language used to govern the UK.

Indeed, it was only after a Parliamentary decree in 1362 that the English language – itself a mix of native and foreign dialects – came to be seen as the official language of Britain.

At about the same time writers, such as Chaucer, started producing works in vernacular English. Even then, the language popularized by this writing was really only a dialect spoken by the people in one part of the country.

The English spoken today reflects many different roots, and continues to adopt and adapt words and phrases from other languages. The English language’s propensity to mould itself to the needs and experiences of its many speakers may also be what makes it the ‘lingua franca’ in so many countries around the world.

In a similar way, the UK itself has long adopted a policy of multiculturalism in relation to immigrants. This means that the UK allows people from different cultures to live in the UK whilst continuing to practise their own cultural traditions rather than expecting them to adapt to, so-called, “British” ways.

Multiculturalism is not entered to all Western countries with a history of immigration. Sometimes this is the result of official government policy and sometimes it is due to the wishes and actions of the immigrants themselves. Rather than expecting a country to assimilate different cultural systems the immigrant is expected, or expects, to adapt their behaviour to the country in which they now live.

For example, immigrants to the United States of America, they themselves wished to become “American”. They have wished to redefine themselves by reference to this new land of opportunity.

By contrast, in France there have been increasing government moves in recent years to encourage, or force, immigrants to take on the cultural behaviour and values of their new home.

But also there were warnings of the dangers of unchecked immigration and urged a policy of repatriation for those immigrants already in the UK. Powell predicted that by the year 2000 10% of the UK population would consist of people from ethnic minorities – with dire consequences for the ethnically British. (The 2001 census showed that just under 8% of the UK population

came from an ethnic minority.)

Whilst the speech effectively ended Powell's political career, it continues to resonate today. Although it has been several decades since the UK, experienced sustained race riots there have been isolated outbreaks of unrest, as well as numerous incidents of race-related violence. The speech continues to be heralded by the increasingly visible supporters of nationalistic, far-right parties. The growth of these parties is apparent in many countries throughout Europe and is interpreted by some as a backlash against the policy of multiculturalism.

The UK immigration policy continues to welcome visitors and skilled workers from abroad. However, in the last few years it has also become a stated aim of the UK immigration authorities to:

- strengthen the country's borders;
- restrict the number and availability of work and student visas;
- implement a more structured visa application process;
- ensure that foreign nationals "earn" the right to acquire UK nationality.

However, it is has also been felt necessary to address the apparent disenfranchisement of many first or second-generation British nationals. A potential consequence of multiculturalism is that communities originating from other countries can become isolated from the supposedly indigenous population, leading to a lack of identity with the UK.

A new Conservative government would not wish to appear unduly nationalistic – despite tendencies of some on the right wing of the party to hold those views. Therefore it is improbable that they would implement strongly anti-immigration policies. However, they will have a delicate political balancing act to achieve and would certainly be unlikely to promote more lenient immigration policies than those of the Labour government.

When we speak about Britain, there occurs to mind different dialects.

Jafaican is a common dialect of English in London's West End, within the tradition boundaries of the Cockney dialect: within the sound of the Bow bells and is slowly replacing Cockney. Jafaican is a mixture of English, Jamaican, West Indian and Indian language elements. Some Jafaican, for you reading pleasure:

Safe, man. You lookin buff in dem low batties. Dey's sick, man. Me? I'm just jammin wid me bruds. Dis my yard, innit? Is nang, you get me? No? What ends you from then?

They underline that Jafaican is the British ebonics.

Cockney, one of the world's most famous dialects. Harry Mount discovers and why and what is replacing it on the streets of London. Even Professor Henry Higgins was rarely lost for words and would be dumb founded. New research shows that the cockney dialect he battled so hard to beat out of Eliza Doolittle in My Fair Lady will disappear from London's streets within a generation. As its traditional speakers emigrate to Essex and Hertfordshire, the 650-year-old accent is dying off in London, to be replaced by multicultural London English, heavily influenced by West Indian patois, Bangladeshi and remnants of old cockney. The dialect

won't die off altogether. It will survive in the descendants of those Home Counties émigrés. You can hear speaking of teenagers in Essex speak like Henry Cooper and Barbara Windsor; in Lambeth.

Youngsters hanging around streets and playgrounds across Britain use a mix of Jamaican, west African and Indian to talk. And it's not just black kids who are ditching Cockney, Brummie, Scouse an Mancunian dialects.

Language experts from London University's Queen Mary College and Lancaster University are studying the new way of speaking and how widely it is used.

However, many schools remain determined to keep English active.

"In the classroom standard English is important because that's what they are marked for in exams"[Daily Star, 11 April 2006]. Because they only deal with the foreign-born, these figures underestimate the number of people who would self-identify as belonging to an ethnic minority. Note that Inner London has a much higher proportion of foreign-born residents. Usually incomers don't influence language much, because the children are quickly assimilated, but the proportion is probably high enough in some boroughs and wards in inner London for a tipping point to have been reached in terms of such influence. Some White British young people claimed to be Cockneys. None of the non-Anglo young people did. No respondents claimed to speak Cockney. They differentiated sharply between Cockney dialect with the words contained in it, and the words they themselves used.

Cockney people are held to live somewhere else, or to belong to an earlier time. Cockney people are also held to be engaged in certain social practices, like tea-drinking and visiting pubs. "... strongly pronounced Caribbean Creole ... and, on the other, an everyday, vernacular language form which incorporates words from Creole ... Turkish or Punjabi into a basically English stock. ... 'Black Cockney' ... primary medium of communication in the adolescent peer group in multi-ethnic areas. ... language of white as well as minority youth ... " "the language of white as well as minority youth and it is the language which is switched from and back into when its users choose to move into Creole or Punjabi ... ""truly mixed, 'impure' "".

CONCLUSION

So, not depending on the language and dialects of people, multiculturalism plays a great role in the peaceful interaction and communication of people in their living process. It was the only light and hope of Earth, now it is so, will be unchangeable in future.

Thanks, multiculturalism , for giving us chances to work , to create and to live together .

REFERENCES:

1. Ellis G. How culturally appropriate is the Communicative Approach? // *ELT Journal*, 1996, 50/3, p. 17-21
2. .Ellis R. Second Language Acquisition and Language Pedagogy. Multicultural education // *The Modern Language Journal*, 1993, v. 71, p. 289-299
3. James, Furnivall, ed. *Originals and Analogues of Some of Chaucer's Canterbury Tales*. London: Oxford UP, 1872. Rept. 1928.
4. Langland, William. *Piers Plowman*. Ed. Derek Pearsall. Berkeley and Los Angeles: U of California P, 1979.
5. Metlitzky, Dorothee. *The Malter of Araby in Medieval England*. New Haven and London: Yale up, 1977.
6. Minnis, A. J. *Medieval Theory of Authorship: Scholastic and Literary Attitudes in the Later Middle Ages*. London: Scholar p, 1984.
7. Said, Edward. *Culture and Imperialism*. New York: Alfred Knopf, 1993. . *Orientalism*. New York: Vintage Books, 1979.
8. Schlauch, Margaret. *Chaucer's Constance and Accused Queens*. New York: New York UP, 1927.
9. Charles H. Taylor, ed. *Haskins Anniversary Essays in Mediaeval History* (Boston, 1929).
10. Robert L. Benson and Giles Constable, *Renaissance and Renewal in the Twelfth Century* (Cambridge, Mass., 1982).
11. David Herlihy, *Medieval Households* Cambridge, Mass., 1985.
12. *Holy Feast and Holy Fast: The Religious Significance of Food to Medieval Women* Berkeley, 1987.
13. John Boswell, *Christianity, Social Tolerance, and Homosexuality* Chicago, 1980.
14. <http://www.youtube.com>
15. Ireland (JointDeclaration)// <http://www.publications.parliament.uk/pa/cm199394/cmhansrd/1993-12-15/Debate-1.html>
16. Northern Ireland Peace Agreement (The Good Friday Agreement) // <http://peace-maker.un.org/uk-ireland-good-friday> 98.
17. *European journal of population/ revue Européenne de démographie*, volume 21, numbers 2-3, June 2005 , pp. 187-215(29)
18. http://en.wikipedia.org/wiki/Northern_Ireland

GLOBAL DISCOURSE AS A RESULT OF CULTURAL EXPANSION AND ACCULTURATION

Omarbekova G.

*Associate Professor of the Department of the Kazakh Language and
Turkic studies,
Nazarbayev University, Kazakhstan*

ГЛОБАЛЬНЫЙ ДИСКУРС КАК СЛЕДСТВИЕ КУЛЬТУРНОЙ ЭКСПАНСИИ И АКУЛЬТУРАЦИИ

Омарбекова Г.

*Доцент кафедры казахского языка и
Туркология,
Университет Назарбаева, Казахстан*

Abstract

The article is devoted to the study of the formation of a global discourse, understood as a form of communicative interaction, formed as a result of the influence of various extra-linguistic and psycho-cognitive factors on a given speech flow in order to avoid communicative failures, acculturation to world standards of communication in the context of a dialogue of cultures. This type of discourse is a consequence of the linguistic and cultural expansion of the languages of lingua franca and Western European cultures. Its appearance is due to the desire of communicants to reach a mutual understanding of the conditions of increasingly intensifying intercultural conflicts, psychological and cognitive dissonance in the process of interaction between people. Achievement of agreement and understanding is carried out under the conditions of regulating communicative interaction using the communication postulates developed based on the principles of cooperation, politeness and economy of language means in the works of English scholars and accepted in English society. The use of these communication postulates helps to eliminate the facts of interruption of communication due to the interlocutor of communicative pressure, manipulative influence, the creation of psychological and cognitive dissonance during intercultural communication. In addition, this leads to a misunderstanding of each other by communicators, contributes to the emergence of intercultural conflicts. In this regard, the study of the formation of a global discourse that promotes acculturation of multilingual and multicultural communicants in the process of assimilating models of cultures and another language, as well as mastering the mechanism of attraction to a different culture (conducting empathy and sympathy), achieving cultural and linguistic integration as a result of mastering the general socio-cultural experience and thesaurus - the actual problem of cultures. The article builds a model of global discourse; identified discursive cooperation strategies: politeness, relevance, and economy of language means; proposed strategies for intercultural discourse that meet the needs of intercultural communication and contribute to the elimination of its conflicts, which will ensure mutual understanding of communicants.

Аннотация

Статья посвящена изучению проблемы формирования глобального дискурса, понимаемого как форма коммуникативное взаимодействия, формирующегося в результате влияния различных экстралингвистических и психокогнитивных факторов на данный речевой поток с целью избежания коммуникативных неудач, аккультурации его к мировым стандартам общения в условиях диалога культур. Данный вид дискурса – следствие языковой и культурной экспансии языков лингва – франка и западноевропейских культур. Появление его обусловлено стремлением коммуникантов достичь взаимопонимания в условиях все более усиливающихся межкультурных конфликтов, психологического и когнитивного диссонанса в процессе взаимодействия общающихся. Достижение согласия и понимания осуществляется в условиях регулирования коммуникативного взаимодействия при помощи постулатов общения, разработанных на основе принципов кооперации, вежливости и экономии языковых средств в работах английских ученых и принятых в английском социуме. Именно использование данных постулатов общения способствует устранению фактов прерывания коммуникации вследствие оказания на собеседника коммуникативного давления, манипулятивного воздействия, создания психологического и когнитивного диссонанса в ходе межкультурном общения. А это приводит к недопониманию коммуникантами друг друга, способствует возникновению межкультурных конфликтов. В связи с этим исследование формирования глобального дискурса, способствующего аккультурации разноязычных и разнокультурных коммуникантов в процессе усвоения моделей культур и другого языка, а также овладения механизмом притяжения к иной культуре (проявление эмпатии и симпатии), достижения культурно-языковой интеграции в результате освоения общего социокультурного опыта и тезауруса – актуальная проблема культур. В статье построена модель глобального дискурса; определены дискурсивные стратегии кооперации: вежливости, релевантности и экономии языковых средств; предложены стратегий межкультурного дискурса, отвечающие потребностям межкультурного общения, и способствующие устранению его конфликтов, что обеспечит взаимопонимание коммуникантов.

Keywords: globalization discourse, convergence, assimilation, model, strategies.

Ключевые слова: глобализационный дискурс, конвергенция, уподобление, модель, стратегии.

Глобализационные процессы в настоящее время затрагивают не только области экономики и политики, но и культуры, в которой актуализируются две противоположные тенденции ее развития. С одной стороны, осуществляющаяся экспансия английского языка и западноевропейской культуры приводят к культурным войнам, целью которых является обращение в свою культуру все большего количества людей, не важно на какой территории проживающих и на каком языке говорящих [Сапожникова, 2008]. В настоящее время представления о локальной культуре, неизменно и неразрывно связанной с территорией и языком переосмысливаются, подвергаются влиянию культурной экспансии, понимаемой как расширение сферы влияния какой-либо культуры, имеющей военное, культурное и политическое превосходство над другими культурами. О.Б. Ткаченко называет девять причин культурной экспансии. К главным из них относит: 1) военное и политическое превосходство одного из паров; 2) культурное превосходство одного из народов [Ткаченко, 1989]. Именно интенсификация культурной экспансии способствует возникновению культурно-философских и мировоззренческих установок, согласно которым Европа и присущий ей уклад являются центром мировой цивилизации. Такая установка носит название европоцентризма [Тимашева, 2004]. Европоцентрическая установка направлена на ценностные возвышение западно-европейской культуры, в частности, английской и американской. Благодаря языковой и культурной экспансии английского языка, британского варианта английского языка, культуры Англии и Америки способствуют к гомогенизации локальных

культур. Влияние этих культур постепенно приводит к культурной гомогенизации, когда многие языки и культуры подвергаются влиянию ведущих культур и конвергируют по отношению к ним. В данном случае национальные языки уподобляются по своему словарному составу и структуре английскому языку, а локальные культуры развиваются по пути все большей гармонизации с английскими и американскими ценностями. Англизация и американизация локальных культур вызывает бурные дискуссии, предметом полемики являются при этом проблема степени и направлений влияния глобализационных языков и культур на локальные культуры и языки, вопросы взаимодействия языков. С другой стороны, глобализации языков и культур противостоит глокализация, рассматриваемая как противоположная тенденция, противостоящая универсализации языков и культур. В этом случае локальные культуры стремятся сохранить свою национальную самобытность. Тем не менее сохранение локальных культурных отличий в развитии языков и культуры совмещается с процессами модернизации, соотносящихся с глобализацией. По мысли Р. Робертсона, локальное и глобальное сосуществуют друг с другом, выступая как совмещение процессов универсализации и партикуляризации [Robertson, 1995].

Хотя глокализация рассматривается как двойственный процесс, ведущий, с одной стороны к интеграции, с другой - к децентрализации и деинтеграции, она все-таки вносит свой вклад в развитие глобализации, решая ее общую задачу - “делокализацию”, а соответственно, и универсализацию и унификацию мира – не прямо и непосредственно заменяя глобальное локальным, а опосредованно, с

растяжкой во времени, через сеть промежуточных, с течением времени все более делокализованных состояний и явлений [Лопухова 2009:865].

Как видим, глобализация, а с течением и глокализация неизбежно ведут к саморазвитию на более высоком уровне равноценных языков, к их взаимовлиянию и адаптации друг к другу в диалогическом и интеграционном пространстве. Влияние национальных языков на находящийся с ним в контакте английский язык приводит к его пиджинизации и формированию “Global Englishes”, повлечению его вариантов “World Englishes”, осуществляется демократизация английского языка, что обусловлено, по С. Фергюсону, сосуществованием различных его вариантов, признанием в качестве равноправной языковой компетенции не носителей языка [Ferguson 2006: 248].

Неадекватные культурные картины мира после ряда столкновений различных мировоззренческих установок, менталитетов носителей культуры также аккультурируются друг к другу. Такое сосуществование разнообразных языков и культур и их взаимодействие друг с другом, несомненно, способствуют появлению значительных изменений в них (возникают новые жанры (языковые и коммуникативные) и культурные стили, новые технологии, средства общения и словообразования, новые формы и виды дискурсивных практик и коммуникаций и т.д.). Все это приводит к необходимости изучения результатов глобализационных и глокализационных процессов в языке и культуре. В настоящее время выделяются три основных направления, акцентирующие внимание на изучения этих процессов, а именно:

- 1) Исследование изменений в мировой системе языков, принципов типологии языков;
- 2) Анализ становления и развития глобальных дискурсивных коммуникативных практик;
- 3) Рассмотрение языка как универсального семиотического кода, переключение которого в ряде случаев является одним из важнейших инструментов конструирования идентичности [Лалетина, 2012:56-65].

Среди этих направлений как показывает анализ научной литературы ведущим является направление, заостряющее внимание на формировании глобальных дискурсивных практик, в частности, глобального дискурса общения, направленного на создание “глобального формата общения” [Филоненко, 2010], способствующего устранению конфликтов межкультурного общения когнитивного диссонанса, барьеров общения, возникающих вследствие «отторжения чужого коммуниканта», а также «отверженного восприятия другого».

Глобальный дискурс рассматривается нами как явление, связанное с речевой деятельностью. В ранних исследованиях, посвященных дискурсу, он характеризовался как речь «погруженная в жизнь» [Арутюнова, 1990], связывая дискурс с речью. Арутюнова Н.Д. в то же время считает, что дискурс – это связный текст в совокупности с экстралингвистическими факторами: прагматическими, социальными, психическими факторами; текст, взятый

в событийном аспекте [Арутюнова 1990: 136-137]. Но такое определение противоречиво, так как акцентирует внимание только на одной стороне речи – тексте, трактуемом обычно как результат взаимодействия коммуникантов в речи. Рассматривая дискурс как связный текст, исследователи “отчуждают” его от самих коммуникантов. А между тем, еще Л.В. Щерба в своей работе о трех аспектах речевой деятельности и об эксперименте в языкознании, разграничил три аспекта речевой деятельности: первый аспект - это процессы говорения и понимания; второй аспект - языковая система; третий аспект - языковой материал [Щерба, 1974]. Говоря о дискурсе как речевом событии и связном тексте многие исследователи не акцентируют внимания на процессах говорения и понимания и языковой системе, т.е. не учитывают процесса осуществления коммуникативного акта, опосредованного языковой системой, т.е. системой языковых средств, использующихся коммуникантами.

На наш взгляд, при понимании дискурса следует не только исходить из триады Л.В. Щербя, «язык-языковой материал- речь» как трех проявлений языка, когда язык характеризуется то как система (совокупность знаков), то как материальная данность (тексты как результат процессов говорения и понимания), то как результат деятельности, говорящего и слушающего но и акцентировать внимание на роли личностей, в формировании языкового материала и продуцировании его. И в этом случае представляет интерес высказывание К.Ф. Седова, утверждающего, что структура дискурса выступает отражением (и выражением) особенностей языковой личности, в том числе и его коммуникативной компетенции [Седов, 2004:6]. Отметим, что в структуре дискурса отражаются не только знания личностей, т.е. его компетенции, но и его поведение. Поэтому представляется целесообразным придерживаться следующего определения дискурса, а именно: дискурс - это общепринятый тип речевого поведения субъекта в какой-либо сфере человеческой деятельности, детерминированный социально-историческими условиями, а также утвердившимися стереотипами организации и интерпретации текстов как компонентов, составляющих и отражающих его специфику [Манаенко, 2003:37] основываясь на таком понимании дискурса, как результата использования личностью языка с какой-либо целью в определенной речевой деятельности, мы можем охарактеризовать глобальный дискурс как в качестве динамического текста, отражающего особенности речевого поведения коммуникантов в сфере межкультурной деятельности в сфере межкультурного общения, направленного на адаптацию их поведения друг к другу, нивелирования его на основе внешнекультурных стереотипов- постулатов общения. Необходимость формирования глобального дискурса обусловлена, в первую очередь, существованием в межкультурной коммуникации «отторженного восприятия чужого», т.е. иностранца. «Отторженное восприятие» рассматривается Ф.Е.Иандтом и Л.М. Барной как отказ от

прямого восприятия представителя другой культуры вследствие «подсознательного ожидания сходства, а не различия между культурами (assuming similarity instead of difference), существования этноцентрического отношения к другому [Jandt, 1995], [Barna, 1997].

Этноцентрическое отношение возникает у коммуниканта вследствие появления у него установки, “воспринимать другую культуру и другой язык только через призму своей культуры и языка”, которые возводятся им в первый ранг, остальные культуры и языки признаются вторичными по отношению к ней, понимаются как неправильные. А поскольку «своя культура» и «свой язык» локальны и не обладают сходством с иными культурами и языками, то возникают различного рода культурные конфликты, ср: *«Расположить к себе Миссис Бишоп было задачей не легкой. Она, будучи дамой консервативных взглядов, традиций, решительно не одобряла иностранцев. А Эркуль Пуаро, вне всякого сомнения, был иностранцем. Она отвечала на его вопросы ледяным тоном, поглядывая на него неодобрительно и с подозрением. Тот факт, что его представил доктор Лорд, ничуть не смягчило обстановку. - Конечно, доктор Лорд очень знающий врач и у него добрые намерения, - сказала Миссис Бишоп, когда доктор Лорд ушел, однако доктор Рэнсом, его предшественник, прожил здесь столько лет.*

- *Из этого следовало, что доктор Рэнсом заслужил полное доверие как достойный член здешнего общества, тогда как в пользу доктора Лорда, еще очень молодого человека, чужака, который занял место почтенного доктора Рэнсом, а говорят лишь его профессиональные знания. Эркуль Пуаро пустил в ход весь свой дар убеждения, всю свою находчивость, но, к каким бы уловкам он не прибегал, добиться расположения миссис Бишоп, не получалось она оставалась холодно отчужденной, непреклонной (А. Кристи. Нелепый домик. с.100).*

В данном случае этноцентрическое предубеждение у миссис Бишоп возникает по отношению к иностранцу-бельгийцу Пуаро, отсюда у нее ледяной тон, неодобрительное, подозрительное отношение к нему. В нижеследующем контексте также наблюдается проявление “негативного” этноцентризма в отношении “не своего”, “чужого”: *«Под превратностями судьбы вы подразумеваете киргизов-казахов? Фольбаум пошевелил плечами. - Я имею в виду бунтовщиков – туземцев, как посмели они поднять руку на россиян? Асенкова опустила голову. Она сидела неподвижно, сцепив пальцы. – По дороге я видела сожженные аулы, трупы женщин, детей, ужасно... больно. Как вы можете... туземцы, россияне? – я полагаю, что мы оба здесь русские (Д. Снегин. Утро и два шага в полдень, с. 284)* В этом примере налицо проявление этнического предубеждения со стороны русского (Фольбаума) по отношению к туземцам – киргизам. Межкультурное общение в обеих ситуациях реализуется в условиях конфликтного взаимодействия,

вызванного этническим предубеждением одного из коммуникантов против другого.

Для устранения подобных конфликтов в процессе межкультурной коммуникации и межкультурного общения следует использовать глобальный дискурс, направленный на реализацию аккультурационного взаимодействия партнеров. В условиях глобализации именно аккультурационная форма взаимодействия является приемлемой формой межкультурного взаимодействия.

Мнение Дж Берри [Лебедева, 2011] о взаимовлиянии различных цивилизаций и культурных картин мира в рамках теории аккультурации на основе использования стратегий геноцида, ассимиляции, сепарации, маргинализации и интеграции, направленных на разрешение противоречий, является ошибочным. На наш взгляд, аккультурация коммуникантов друг к другу, к языкам и культурам партнеров по общению должна происходить на основе диалога культур, когда коммуниканты, сохраняя самобытность своего языка и культуры, в то же время проявляют терпимость по отношению к чужой культуре и иному языку, к другой системе ценностей, адаптируются к ним с целью избежания лингвокультурных конфликтов и коммуникативных неудач.

И в этом случае приемлемой представляется, на наш взгляд модель аккультурации, предлагаемая М. Беннетом, выделяющим две основные стадии аккультурации: 1) этноцентрический этап, (отрицание другой культуры, защита своей культуры), 2) этнорелятивный этап (признание уважения к различиям в поведении, уважение к различиям в системе ценностей), эмпатия, плюрализм, интеграция [Bennet 1998].

В глобальном дискурсе, ориентированном на постепенную аккультурацию коммуникантов в условиях неизбежной в эпоху глобализации межкультурного общения, предусматриваются фрагменты, направленные на нивелирование различий (языковых, культурных, поведенческих стандартов).

Эффективными пара метрами глобального межкультурного дискурса являются в этом случае такие, как: 1) отказ от этноцентрических и конфликтных форм общения, приводящих к недопониманию коммуникантов и к коммуникативным неудачам: В этом случае особое внимание уделяется речевым жанром, нацеленным на сотрудничество и устранение конфликтных ситуаций [Cameron 2008:27-35], 2) ориентация на проявление толерантного отношения к «другому» коммуниканту, проявление уважения к его менталитету, культурным ценностям, языку; 3) признание различий культур и языков; 4) формирование “общего для различных культур информационного и коммуникативного фона”, позволяющего интерпретировать ситуацию, события, высказывания в русле аккультурационного дискурса; 5) ориентация на западноевропейские модели поведения, направленные на однообразное, вежливое поведение партнеров, предпочитающих ясность и точность высказывания. В данном случае, как считает Д. Камерон, “прямота

предпочтительнее опосредованных форм выражения мысли, коммуниканты должны общаться ясно и выбирать прямые речевые акты» [Cameron 2008]; Коммуниканты должны сохранить положительное лицо собеседника и не проявлять агрессивность по отношению друг к другу [Brown, Levinson 1987], не оказывать коммуникативного давления, использовать вежливость по отношению к собеседнику, не манипулировать им, проявлять доброжелательное отношение к нему, нейтрализовать статусное неравенство, этническое предубеждение, социальную дистанцию.

Глобальный межкультурный дискурс включает в себя различные дискурсивные стратегии, рассматриваемые нами как когнитивно – речевое планирование ряда речевых шагов-тактик, направленных на решение задач дискурса. В глобальный дискурс данного типа входят несколько дискурсивных стратегий, в частности, стратегия адаптивного межкультурного глобального дискурса, а также стратегия глобального дискурса вежливого поведения. Адаптационная дискурсивная стратегия усматривает преодоление этноцентрического предубеждения у коммуникантов (отторженного восприятия, неприятия чужого), устранение конфликтов, достижение взаимопонимания и адаптации к иной культуре и к языку. К шагам, тактикам, реализующим данную стратегию, относятся: 1) тактика эмпатии (сопереживания другому), тактика рефлексии, тактика адаптации. Тактика эмпатии предполагает “эмоциональное сопереживание другому человеку, старается” испытывать те же чувства, что и другой. Однако практика межкультурной коммуникации показывает, что эмоциональные реакции иноязычных партнеров не всегда совпадают. Русские эмоциональны, тогда как англичане весьма сдержанны. Ю.Е. Прохоров и К.А. Стернин утверждают, что “русскому сознанию свойственны азартность, эмоциональные всплески” [Прохоров, Стернин, 2006:110], что противоречит сдержанному характеру англичан, хотя английский дискурс предполагает такую композиционную организацию беседы, в которой выделяются несколько этапов: 1) обмен этикетными выражениями; 2) обмен информацией о событиях, актуализируемых в данной ситуации; 3) обмен мнениями; 4) обмен эмоциями. Русский дискурс более эмоциональный разговор коммуникантов часто прерывается эмоциональными высказываниями типа, “ну, конечно!”, “так и знал”, “надо же”, нередко придающими высказыванию значение “несогласия”. Поэтому для достижения согласия коммуниканты должны использовать принцип кооперации, одна из максим которого призывает проявить великодушие по отношению к погрешностям в речи другого, отказ от саркастических замечаний и эмоциональных всплесков [Грайс 1985]. Проявление великодушия по отношению к другому и проявляется в сопереживании другому, выражении сочувствия к нему с целью достижения согласия. Для этого необходимо согласовывать эмоциональные реакции.

Тактика рефлексии проявляется в стремлении коммуникантов признать существование другого,

осознать мысль “как я выгляжу в глазах другого?”, соотнести себя с другим. Для этого следует развить у коммуникантов навыки “правильного восприятия другого”, когда коммуникант осознают, что культуры и языки партнеров неадекватны, поэтому следует воспринимать как различные признаки разных языков и культур, дифференцирующие одну культуру и язык от другой. Признание различия культур есть осознание существования другого, его картины мира, своеобразия его языка и культуры.

Тактика идентификации предполагает знание иного языка и стандартов другой культуры в таком объеме, когда коммуникант на основе знания их может идентифицироваться с носителями другого языка и культуры и интегрироваться в иное общество, чувствовать себя его членом, например, “Эдмунд достал из сумки две плотненькие книги в темном переплете и передал их имениннику. -Твой? – изумленно воскликнул Франц Оттович и громко прочел”. Эдмунд Ворм “Перекрестка и перемещения”. “Повесть и рассказы. – Вот-те раз. Писателем стал? –Ну, какой писатель?! Просто нашкарябал свои впечатления. – На русском? –Увы, на русском мне сподручнее. По-немецки получается скованно, натужнее” (Бельгер. Туюк су, с.226).

В данном случае коммуникант – немец настолько знает второй язык, что пишет на нем свои книги. А это означает, что он идентифицировался по языку с иным обществом. В межкультурной коммуникации важным представляется также знание не только языка, но и традиций и обычаев другого народа, чтобы члены группы “свой” причислили “чужих” к своей группе, ср.: “Ушаков так освоился со степью, что, можно сказать, сам стал казаком. Он много ездил по казахской степи, знаком с обычаями, умеет вовремя, как встанет от дастархана, произнести “бисмилла”, “Алла акбар”, за что казахи ценили его и даже пустили славу, что, говорит мол по-казахски” (Мусрепов, Пробужденный край, с.144).

Тактика адаптации к иной культуре означает овладение иным языком и моделями другой культуры настолько хорошо, что могут включать в свой дискурс в качестве допустимых естественные модели поведения иноязычной культуры и лежащие в их основе культурные ценности [Bennet, 1998:25]

Идентификация личности к другой культуре предполагает актуализацию двух этапов развития навыков. На первом этапе коммуниканты осознают по определенным признакам наличие “не своей” культуры и “не своего языка”, а также отличие культурных признаков, дифференцирующих “свое и чужое”. На втором этапе коммуниканты стараются адаптироваться к другой культуре, усваивая модели поведения другого коммуниканта, запоминая ценностные нормы поведения, принятые в другом обществе. К постулатам общения, которые необходимо включить в глобальный дискурс, относится прежде всего принцип кооперации, предусматривающий выражение согласия коммуникантов и ведущий к их культурному диалогу. Постулат кооперации может быть усвоен иноязычным коммуникантом в процессе межкультурной ситуации в

ходе интеракции, когда культурные модели приемлемого общения и поведения передаются от одного коммуниканта другому. Кроме таких моделей следует знать и когнитивные структуры, организованные в виде сценариев, отражающих взаимодействие участников коммуникации типа “субъект-субъект” и опирающихся на процедуральные знания [Макаров, 2003]

При планировании аккультурационной стратегии глобального дискурса следует учитывать не только шаги (тактика), но и знания: а) предметные (о межкультурной коммуникации, о межкультурной ситуации, знания о культуре и языке другого народа); б) процедурные знания (знания о том, как вести себя в межкультурной ситуации; знания о том, что существует другой, имеющий свои нормы поведения и постулаты общения; знания о другом коммуниканте; знание стратегии аккультурации к другому, его тактик (тактики эмпатии, рефлексии, идентификации к другому, адаптации к нему, знание постулата кооперации, направленного на достижение согласия).

Терминал

Мотивы: участие в межкультурной коммуникации (личностный, познавательный)

Цель: преодоление этнического предубеждения и отверженного восприятия

Задачи: 1) реализация этапов восприятия (эмпатия, рефлексия, идентификация, адаптация)

2) преодоление этноцентризма

3) аккультурация к другой культуре (проявление толерантности, адаптации, реализация установки на формирование общего мировоззрения и менталитета, установка на диалог культур)

Слот №1 (отверженное восприятие)

Коммуникативный акт:

Говорящий (казах): *неразговорчив этот долговязый орыс, силком, наверное, отправили, здесь першылы долго не задерживаются*

Слушающий (немец): *надо бы поговорить со стариком. Но о чем как? Не поймет меня ... непонятный народ ... Другой язык, другие нравы* (Бельгер. Дом скитальца, с.12).

В этом, коммуникативном акте слушающий испытывает этническое предубеждение к говорящему, считая, что тот не поймет его языка и обычаев.

Слот №2 (эмпатия)

Коммуникативный акт: (говорящий) Жанкельдин: *Сударь, Есет, который долгие годы подвергался гонению, не придет к вам, когда кругом войска.* – (слушающий) Катенин: *нет, я сам выведу в степь без войск. Я ему сочувствую, понимаю, как ему тяжело. Я дам ему бумагу, разрешающую свободно кочевать по степи.*

В данном случае второй коммуникант переживает за другого, выражает симпатию.

Слот №3 (рефлексия)

Говорящий (Чокан):

- *Уйду из этого дома, Куркерей* (затравленный, смятенный Чокан кинулся навстречу Григорию).
Слушающий (Григорий):

-*Уйдем из этого дома, Чокан! Уйдем в кадетский корпус! Представляю себе, как тяжело тебе в доме купчихи!*

В данном коммуникативном акте слушающий (иной) ставит себе, на место “другого” и понимает его чувства.

Слот № 4 (идентификация)

Говорящий (Федор- русский): *Ну как, руки-ноги здоровы; здоров ли твой скот?* - спросил по степному обычаю Федор.

Слушающий (пастух, казах): *Шукір, шукір. Слава богу, здоровы.*

В этом коммуникативном акте говорящий знает этикет приветствия, идентифицируется со слушающим по обычаю приветствия, принятому у казахов.

Культурный сценарий стратегии аккультурации рассматривается нами как совокупность фреймов – ситуаций, реализующих стадии аккультурации и адаптации коммуникантов друг к другу рассмотрим определенную фрейм структуру, в рамках которого дается представление об аккультурации коммуникантов друг к другу. Так, фрейм №1 в данной структуре дает представление о начальной стадии аккультурации, когда коммуниканты испытывают по отношению друг к другу этническое предубеждение. В этом случае фрейм имеет сложную структуру и состав из терминала, дающего представление о мотиве и цели коммуникантов. Терминал - это основной слот, в котором дается информация об основных действиях коммуникантов, а в слотах указаны операции, направленные на выполнение поставленной задачи: каждый слот, представляет собой один коммуникативный акт и ситуацию межкультурного общения.

Слот №5 (проявление толерантности к партнеру)

Межкультурное общение. Партнер №1 (не казах): *я изучаю казахский язык. Он начинает мне нравиться по мере привыкания к нему мой словарный запас увеличивается с каждым днем*

Партнер №2 (казах): *тебе надо знать и обычаи этого народа.*

Партнер №1: *да, я живу в Казахстане и знаю такие обычаи, как “Наурыз”, “Той”, “Көкпар”, игры “Кыз куу”, “Тогиз кумалак”.*

Партнер №2: *да, я вижу ты уважаешь язык и культуру казахского народа.*

В данных коммуникативных актах наблюдается позитивная толерантное отношение к другому языку и культуре.

Слот № 6 (Адаптация. Диалог культур)

Межкультурное речевое общение

Партнер № 1: *Когда вы говорите по-русски, вы и русских парней заткнете за пояс.*

Партнер № 2: *И неудивительно, ведь я выросла среди русских, на окраине поселка Акмолы есть поселок Астраханька. Там я жила (С. Омаров. Пульс жизни, с. 54).*

Слот №7

Межкультурное общение

Партнеры межкультурного общения придерживаются совместно принятой цели, высказывания не противоречат друг другу, реализуют максимум согласия принципа вежливости.

Партнер № 1 (казах): *садитесь пить чай. Зарежем барана, сварим мясо.*

Партнер № 2 (русский, директор): *Спасибо, мы торопимся.*

Партнер № 1 (казах): *“Воля ваша, родные, наше дело угостить путников хлебом-солью. Таков наш обычай. Да вот тоже в пути, иначе отпустим бы вас несолоно хлебавши” (Ахметбеков. Седая степь, с 21)*

Как видим, адаптационная стратегия глобального дискурса реализуется в процессе актуализации нескольких коммуникативных актов и ситуаций межкультурного общения, во время которых наблюдается переход от действия отверженного восприятия другой культуры (слот № 1), к проявлению симпатии к ней, когда коммуниканты стараются преодолеть этноцентризм и проявить сочувствие и симпатию к иному коммуниканту (слот № 2), поставить себя на место другого (слот № 3), идентифицировать себя с иным коммуникантом (слот № 4), проявить толерантное отношение к другому языку и культуре (слот №5), адаптироваться к ним, благодаря знанию языка, обычаев другого народа, усвоения знаний о постулатах общения, направленных на избегание конфликтов, кооперацию речевых действий партнеров, проявление вежливости.

Использование такой дискурсивной стратегии глобального дискурса обусловлено стремлением коммуникантов не допускать проявлений агрессивного поведения. П. Браун и С.Т.Левинсон указывают, что существуют особые формы выражения вежливого и невежливого поведения: респективное (вежливое) и агрессивное (невежливое) поведение.

Агрессивное поведение проявляется в ходе использования стратегии дискредитации партнера, когда наблюдаются случаи подрыва авторитета другого коммуниканта, оскорбления его. Такая форма поведения оценивается как ликоповреждающая и обозначает вторжение в личную сферу другого коммуниканта, например,

Коммуникативный акт №1

“- Правильно, бей конокрадов! Крути в бараний рог Азию! Жур-пошел, собака, отсюда,-прокричит фон – барон Пикушкин, уцепившись ногу -

чей волосатой пятерней за ворот полотняной рубахи высокого и гибкого джигита.”

- Не дадим Узун –куль! Наша земля. Наши Узун-куль – крикнул Садвакас (И. Шухов. Горькая линия, с.5.)

Коммуникативный акт №2

В нижеследующем коммуникативной акте второй коммуникант оскорбляет казаха, зашедшего за книгами в библиотеку: “Едва Абай вошел, как он (русский чиновник) указал ей (соседке) на него и процедил сквозь зубы.

- Удивительно... с каких это пор в Гоголевскую библиотеку стали пускать верблюдов? Абай резко повернул голову, но, поборов мгновенную вспышку гнева спокойно сказал:

- А почему бы, не зайти сюда верблюду, господин чиновник, если здесь уже сидит осел?” (М.Ауэзов. Путь Абая, с.74).

Агрессивное, легкоповреждающее поведение также актуализируется в случае, когда один из коммуникантов обзывает другого, используя этнонимы *азиат, татарин, желтопузый, лягушатник* и др., выступающие как коннотативно- маркированные слова. Деструктивное поведение со стороны агрессора приводит к реализации жесткой формы общения, ср.:

Коммуникативный акт № 3:

Коммуникант №1(клерк), (представитель Мексики): *Собираетесь ли вы оказывать помощь, нам, мексиканцам?*

Коммуникант № 2 (глава фирмы, американец): *Да, но вы, “мокрые спины”, не заслуживаете ни единого цента.*

Сравните также,: *К людям Игилика у Боткина особый подход, почтение, а простых казахов обзывает оскорбительными словами.*

Коммуникант № 1 (Боткин): *Эй ты, косоглазый азиат, орда, подойди сюда?*

Коммуникант №2 (казах): *таксыр, что вы делаете? (Г.Мусрепов Пробужденный край, с.74)*

К ликоповреждающему общению относится и коммуникативное давление. Оно направлено на подавление мнения собеседника, на изменение поведения адресата в соответствии с намерениями говорящего; ср.,

Коммуникативный акт № 4: *“А деньги фирмы где? А оборудование? – ожесточенно накинулся на него, брызжа слюной, Петров. - Я тебя привлек в фирму, чтобы был в ней национальный представитель, местный кадр. А ты, косоглазый, в покер стал играть, да, пить без меры, все деньги проиграл! Где они? -Да, было и это,- согласился с обвинением Бахматуллин.”*

Анализ ликоповреждающего поведения коммуниканта позволяет нам представить его когнитивный сценарий, учитывая следующие критерии описания сценариев, предлагаемые В.И.Шляховым, а именно:

- 1) Цель говорящего при осуществлении речевого действия;
- 2) Соотношение высказывания и реальности;
- 3) Психологическое состояние говорящих;
- 4) Сила иллюзии;

5) Статус говорящих [Шляхов 2009].

Сценарий ликоповреждающего поведения коммуникантов состоит из совокупности речевых ситуаций, в которых реализуются те или иные речевые акты с участием агрессора. Целью агрессора является стремление нанести ущерб собеседнику, оказать на него давление. Психическое и состояние говорящего проявляется в процессе выявления того, каково его эмоциональное состояние, какие чувства подтолкнули его к агрессивному высказыванию. Соотношение высказывания и реальности позволяет рассмотреть сценарии выражения позиции истинности и ложности. Статусные позиции коммуникантов также играют определенную роль при изучении поведения авторитарных лиц и коммуникантов, им подчиняющихся. На основании предложенных вариантов поведения агрессора, нами построен когнитивный сценарий агрессивного поведения и общения (коммуникативные акты № 1,2, 3, 4), состоящий из совокупности фреймов, входящих в структуру. В терминале фрейм - структуры указываются цель вербального общения, а в слотах дается представление об агрессивном поведении. Слоты раскрывают цели агрессора. Рассмотрим данный сценарий:

Терминал;
Цели агрессора: дискредитация, сегрегация



Слот № 1 (ролевые позиции)
Роли коммуникантов, их этническая принадлежность к/а №1: станичник, агрессор, лицо, простой жигит, казах (жертва);
к/а №2: чиновник (русский, агрессор)- поэт, жертва ролевых позиций
к/а №3: Боткин (купец) агрессор - простой казах, жертва роли неравноправны
Мексиканец-представитель этнического меньшинства, другой страны, жертва босс (глава компании, агрессор) роль неравноправные
к/а №4: директор фирмы (агрессор) клерк, жертва, роли неравноправные



Слот №2 (реакция жертвы)
к/а №1: реакция на оскорбление- возмущение;
к/а №2: реакция жертвы: сохраняет спокойствие, но дает отпор
к/а №3: реакция жертвы на оскорбление агрессора: подвергается оскорблению, но молчит. Жертва (представитель другой страны не реагирует на оскорбление и выраженное этническое предубеждение, у него своя цель - получить деньги).
к/а №4: жертва не реагирует, считает, что такое поведение присуще авторитарному лицу

Слот №3
(Психическое состояние коммуникантов)

к/а №1: психическое состояние агрессора: (кричит, переходит к невербальным действиям (хватается за ворот рубахи жигита - казах);
к/а №2: эмоциональное состояние агрессора: возмущение, что инородцы посмели войти в библиотеку;
к/а №3 а: агрессор испытывает этническое предубеждение, дискредитирует собеседника, обзывает его народ прозвищем "мокрые спины".
к/а №3б: агрессор оскорбляет жертву, испытывает к нему предубеждение
к/а №4: глава фирмы ожесточился против с лужащю, возмущен его поведением, оказывает на него коммуникативное давление

Слот №4 (сюжетная линия сценария):

к/а №1: оскорбляет казаха, тот возмущается, реагирует на оскорбление агрессивным высказыванием; к/а №2: агрессор осуществляет стратегию дискредитации, пронизывает, второй коммуникант спокоен, он осаживает агрессора метким выражением, применяя его же прием; к/а №3а: агрессор дискредитирует собеседника, обзывая его и его народ, жертва не выражает возмущения; к/а №3б: агрессор (Боткин) оскорбляет жертву, тот спокоен, отвечает на оскорбление вопросом; к/а №4: агрессор (глава фирмы) оказывает на подчиненного коммуникативное давление, к которому тот привык, считая, что лицо имеющее высокий статус и должно вести себя подобным образом

В процессе межкультурной коммуникации недопустимо проявление агрессивности, так как иностранные коммуниканты, в особенности представители Англии, Америки соблюдают принцип вежливости, тогда как русские и казахи зачастую эмоциональны, допускают грубость в общении. Поэтому, учитывая потребность все возрастающих межкультурных контактов, следует регулировать свое поведение. А для этого необходимо приобрести знания о вежливом поведении. И в этом случае важным представляется усвоение основных положений П.Брауна и С. Левинсона о позитивной вежливости, а также принципа вежливости и его максимум, предлагаемых Дж. Личем П.Брауном И.С.Левинсоном 15 линий позитивной вежливости группируются в следующие шесть ветвей выражения: а) заинтересованности в адресате; б) в групповой общности; в) общности мнений и знаний; г) в знании потребностей адресата; д) в рефлексивности; е) взаимности [Brown, Levinson 1987:131-214].

Эти представления о вежливости у П.Брауна и С.Левинсона носят более общий характер. Более конкретными и уместными в ситуации межкультурной коммуникации нам представляются максимумы вежливости, реализующие принцип вежливости, понимаемый как принцип взаиморасположения коммуникантов друг к другу в составе коммуникативного акта [Клюев, 2002]. Дж. Лич выделяет шесть максимумов, в совокупности составляющих данный принцип [Leech, 1983]. К ним относятся следующие:

1. **Максима такта.** Она предполагает соблюдение границ личной сферы, рекомендует говорящему соблюдать осторожность, что находит отражение в следующих рекомендациях: “своди до минимума затраты и усилия других”, “старайся увеличить выгоду других”.

Сравните, как проявляется максима такта в межкультурной коммуникации:

Коммуникант №1 (деловой партнер, казах): *Сэр, я хотел бы узнать, можно ли через вас у иностранного партнера ссуду, необходимую для расширения производства.*

Партнер №2 (русский): *Не проси у иностранца, они же жадные, преследуют только свои интересы.*

Партнер №3 (иностранец) : *Отчего же, наш банк может оказать вам помощь. Мы будем оказывать помощь вашему заводу. Сочтемся.*

2. **Максима благородства/щедрости или великодушия.** Она выражена в следующих максимах. “своди до минимума выгоду для себя” “Деловой максимальными свои усилия и затраты”. Эти максимумы выражаются в нижеследующих примерах (1) и (2):

Ситуация №1

Коммуникант №1 (русский) - *Как обидно, что наша сторона, господин Петросян, не могла принять участие в обсуждении предложенной Вами программы развития бизнеса*

Коммуникант №2 (армянин, живущий за границей): *-Прошу Вас, не расстраивайтесь, мы вышлем Вам программу, вы можете высказать свое мнение и отправить его почтой.*

Ситуация №2

Коммуникант №1 (казах): *-Обидно, что я не попал на встречу деловых партнеров.*

Коммуникант №2 (русский, живущий в России): *- Поклонитесь, что никому не скажете! Я Вам пришлю выгодные условия сделки по данному проекту.*

3. **Максима одобрения:** предполагает проявление максимумов позитивности в оценке других. Ее стратегии сводятся к реализации следующих правил: “как можно меньше ругай других”, “как можно больше хвали других”. Такие положительные оценки, одобрение поступков других должны лежать в основе микростратегий, применяемых говорящими, ср.:

Ситуация №1

Коммуникант №1 (американец): *Ваш проект заслуживает одобрения. Все о'кей.*

Коммуникант №2 (казах): *Благодарю Вас, мистер Смит. Я не заслуживаю похвалы. Вы очень добры ко мне.*

Ситуация №2

Коммуникант №1 (казах): *мне не хочется заключать дальнейшем контракты "Казахойла" с зарубежными партнерами. Уж очень они гордые, воротят нос, кичатся благовоспитанностью, не ходят к нам в гости. Сохраняют независимость. Хитрецы!*

Коммуникант №2 (американец): *извините, мистер Сарсембаев, я полагаю, мы найдем общий язык и взаимопонимание. Вы молодцы, нас так встречаете, проявляете уважение!*

Коммуникант №3(русский): *не отказывайся от заключения контракта, он не понял твоего неодобрения и отрицательной оценки. Ведь он не совсем хорошо понимает наш общий русский язык.*

4. **Максима скромности** предполагает неприятие похвал в свой адрес. Она гласит: "своди до минимума хвалу в свой адрес, ругай себя", сравните проявления этой максимы в межкультурных коммуникативных актах:

Ситуация №1

Коммуникант №1 (зарубежный партнер): *Я приехал на выставку в Вашу страну и поразился тому, что Ваш город всего за несколько лет превратился в мегаполис, а ваш народ считается одним из самых гостеприимных в мире.*

Коммуникант №2 (казах): *Что вы, что вы! Вы очень добры и великодушны. Хвалите нас, а нам еще надо добиться многого. Хвалить нас еще рано.*

Ситуация №2

Коммуникант №1 (казах): *Господин Соколов, вы хорошо вы выступили по телевизору. Как четко, неплохо формулируете свои мысли.*

Коммуникант № 2 (русский): *Спасибо, господин Имантаев, но я недоволен своим вчерашним выступлением, так как недостаточно подготовился к докладу. Сам все еще переживаю.*

5. **Максима согласия.** Это максима проявления неопозиционности. Она выступает как условие реализации других максим и способствует предохранению коммуникативных актов от конфликтов. ее максимы таковы: "избегай разногласий", "стремись к согласию". Для того, чтобы следовать максиме согласия коммуникантам следует идти на некоторый компромисс, стараясь уменьшить степень конфронтации. Иначе они не могут достигнуть согласия.

Ситуация №1

Коммуникант №1 (немец): *Я законопослушный человек. И стараюсь не нарушать законы, но в какой-то момент шофер выехал на красный свет. Но я готов уплатить штраф, так как признаю вину.*

Коммуникант №2 (русский): *Господин Шмидт! Я знаю, что вы невиновны. У себя в стране вы соблюдаете порядок.*

Коммуникант №1 (немец): *Тогда почему нас привезли в участок?*

Коммуникант №2 (русский): *Ничего страшного. Просто сделаем вам предупреждение и отпустим.*

В нижеследующем контексте, несмотря на стремление первого коммуниканта не создавать конфликтную ситуацию, максима согласия нарушается:

Ситуация №1

Коммуникант №1 (немец): *извините, я хотел бы узнать время. Я только прилетел в Москву и хочу поставить часы на местное время.*

Коммуникант № 2: *Ходят тут всякие иностранцы, надо было в самолете сверить время! Откуда я знаю, какие сейчас время, сотку дома забыл, а часов нет.*

Ситуация №2

Коммуникант № 1 (китаец): *Я впервые в Москве. Как мне пройти на Красную площадь?*

Коммуникант № 2 (русский): *Понаехали тут китаезы! Полно их тут. Везде они первые. Еще и оказывай им услугу!*

Коммуникант № 1 (китаец): *извините меня - проговорил он мягким тоном!- я не хотел вас обременять...*

Коммуникант №2 (русский), тоже неожиданно смягченным тоном: *может я нагрубил вам, но действительно забыл дома сотку! Извините, я сейчас узнаю время у прохожего и тогда скажу вам местное время, и вы поставите свои часы.*

Ситуация №3

Коммуникант №1 (турок): *Я прилетел из Стамбула. И рад, что посетил вашу столицу, хотел посмотреть ЕХПО. Как мне туда проехать?*

Коммуникант №2 (казах): *А что вас не встречают на вокзале? Приглашенных должны встретить и отвезти на выставку. А неприглашенным нечего там делать и так полно турок на базаре.*

Коммуникант №1: *Поймите, я хотел посмотреть не только выставку, но и ваш город. Столько о нем слышал!*

Коммуникант №2: *Ну, если вы слышаны о нашем городе и об ЕХПО, тогда я как горожанин, рад приветствовать Вас в нашем городе. Я поведу Вас к остановке автобуса и посажу Вас. Всего наилучшего!*

6. **Максима симпатии (сочувствия).** Она гласит: "Проявляйте как можно больше благожелательности друг к другу", т.е она предлагает проявление эмпатии по отношению другому, переживание за него. В ситуации доброжелательности коммуникант стремятся не только прийти к согласию, но и переживают друг за друга, ср:

Ситуация №1

Коммуникант №1 (малайзиец, официант). *Мистер Вахидов! Вы что, забыли про дресс-код? Вечером в ресторан не пускают в майке и в джинсах. Вы должны были надеть костюм*

Коммуникант №2 (Вахидов, азербайджанец): *Я не знал. У нас это не принято. В туристическом бюро нас не предупредили. Вы виноваты. Не надо было забывать, следует предупредить пассажиров.*

Коммуникант №1: *Господин Вахидов, вы совершаете круиз, кругосветное путешествие неоднократно. И должны были помнить об этом.*

Коммуникант №2: *Мне не нравятся здешние порядки. Почему это вдруг официанты делают мне замечание! Где менеджер?*

Ситуация №2

Коммуникант №1 (детектив, из России): *Вы не скажете, в каких номерах остановились туристы из России?*

Коммуникант №2 (дежурная, китаянка): *Нам запрещено говорить об этом, но Вы известный человек. Я знаю о Вас и испытываю к Вам симпатию. Наверно, сведения Вам нужны для расследования, поэтому я нарушу инструкцию. Да и слышала о Вас неоднократно.*

Интерпретация ситуаций, связанных с реализацией принципа вежливости, собранных нами в результате включенного наблюдения и выборки из текстов художественной литературы, позволяет проанализировать случаи соблюдения максим вежливости или их нарушения. Так, в первой межкультурной ситуации правления максимы такта, говорящий не использует прямую речевую тактику (дайте ссуду), а как бы хочет узнать о том, можно ли занять ссуду. Форма его просьбы соответствует нормам этикета. В данном случае коммуникант не проявляет настоящий интерес, т.е. не сразу намеривается попросить ссуду, а проявляет интерес, хочет узнать, возможно ли это действие. Второй коммуникант отговаривает первого от его намерений, говоря о скупости иностранцев. Коммуникант №3 (иностранец), наоборот, проявляет максиму такта, выражая согласие, выдать ссуду. При этом он проявляет такт, как бы не обращая внимание на высказывание второго коммуниканта, нелестно отозвавшегося об иностранных партнерах.

В процессе реализации максимы благородства наблюдаются два случая реализации речевых стратегий: речевая стратегия не обременения собеседника (пример №1); речевая стратегия обременения собеседника. При использовании речевой стратегии не обременения собеседника и проявления великодушия интересы собеседника не ущемляются (пример №1). Во втором случае (пример №2) один из коммуникантов (коммуникант №2) обременяет другого, навязывая ему свою стратегию “навязывания”. Стратегия реализуется при помощи глагола “поклонитесь”. В данном случае налицо нарушение максимы благородства, так как коммуникант №2 проявляет невоспитанность, нарушая нормы этикета.

Реализация “максимы одобрения” происходит при актуализации речевых стратегий одобрения и позитивной оценки других. Речевая стратегия одобрения собеседника (пример №1) проявляется в случае, когда иностранку дает положительную оценку

работе первого коммуниканта и выражает одобрение (о’кей). Второй собеседник принимает его похвалу и выражает благодарность (пример №1). Во второй ситуации актуализации максимы одобрения действует речевая стратегия неодобрения, когда отношения и тонусы коммуникантов не совпадают (пример №1) иностранных партнеров, сомневаясь в их искренности. Коммуникант №2, наоборот, выражает позитивное отношение к первому собеседнику (пример №2).

При актуализации максимы скромности реализуются речевые стратегии “неприятия похвалы” и речевой стратегии проявления скромности. В первом примере коммуникант №1 проявляет скромность и возражает против похвалы, ругает себя за то, что еще не все сделали и обустроили город понастоящему (пример №1). Во втором случае нарушается максима скромности, когда первый собеседник нарушает этический эталон, чрезмерно хвалит собеседника (коммуникант №2). Похвала первого коммуниканта передается экспрессивным характером оценочного высказывания, что проявляется в усилении семантики положительной оценки путем использования оценочных слова “хорошо”, “неплохо”. первый коммуникант использует для усиления семантики слов восклицательную частицу “как”, изменяет порядок слов в предложении как хорошо оценивает себя и не принимает похвалу в свой адрес (пример №2).

Максима согласия реализуется путем использования коммуникантами двух речевых стратегий: речевой стратегии разногласия, используя компромисс и речевую стратегию согласия. Так, в первом примере коммуниканты вначале допускают разногласие, но в ходе разговора идут на компромисс и тем самым достигают согласия (пример №1). Во втором случае первый коммуникант доброжелателен и вежливо обращается к собеседнику. Но второй собеседник проявляет грубость, отвечает отказом выполнить просьбу собеседника. Тут налицо нарушение максимы согласия (пример №1). Во второй межкультурной ситуации первый собеседник обращается вежливо к своему собеседнику. Но тот отвечает грубо и оскорбляет его по национальному признаку. Но после того, как первый коммуникант извиняется перед ним и смягченным тоном вновь обращается к нему, стараясь не допустить конфликта, второй коммуникант (русский) смягчается и тоже старается разрядить обстановку, сгладить конфликт и идет на некоторый компромисс с собой, извиняется перед собеседником и проявляет готовность показать ему дорогу и довести до остановки автобуса. В данной ситуации согласие коммуникантов достигнуто. В третьей межкультурной ситуации также наблюдается достижение согласия через компромисс и сглаживание партнером своей оппозитивной позиции.

Интерпретация максимы симпатии нацеливает на проявление коммуникантивной благожелательности. нарушение этой максимы, т.е. реализация коммуникативной недоброжелательности ведут к нарушению этой максимы. Речевые стратегии этой максимы опираются на правила: «проявляй больше

сочувствия к другому», «показывай доброжелательность по отношению к другому». Поэтому здесь задействованы речевые стратегии сочувствия или доброжелательности. В ситуации межкультурной коммуникации проявления сочувствия к другому и доброжелательности актуализируется психическое состояние эмпатии, выступающей как первая стадия аккультурации к другой культуре. Интерпретация проявлений максимы симпатии (пример №1) официант напоминает мистеру Вахидову о необходимости соблюдать дресс-код, появившись в ресторане вечером в костюме. Однако второй коммуникант вступает в конфликт, выражая антипатию ко всему персоналу ресторана и сидящим в зале пассажирам, выражая свое возмущение, говоря, что в их стране это не принято, что его не предупредили заранее. Хотя ему напоминают, что он неоднократно совершал круизы и должен знать правило, Вахидов выражает протест. Нарушение максимы симпатии выражается категоричностью и безапелляционностью синтаксической конструкции «Вы виноваты» «не надо было забывать предупреждать пассажиров». Во втором случае (пример №2) максима симпатии проявляется в отношении ко второму собеседнику, когда первый собеседник проявляет коммуникативную доброжелательность и сочувствует другому, говоря «но я, наверное, испытываю к Вам симпатию». Поэтому первый коммуникант вследствие симпатии к другому собеседнику нарушает инструкцию и называет номера комнат постояльцев.

Построение когнитивного сценария принципа вежливости предполагает моделирование его как фрейма – структуры, в которую включаются термин и ряд слотов, последовательно раскрывающих максимы принципа вежливости и указывающие на его речевые стратегии, ср.:

Терминал

Мотив: общение в ситуации межкультурной коммуникации

Цель: реализация принципа вежливости.

Задачи: 1) актуализация стратегий негативной вежливости; 2) задействование максим и речевых стратегий принципа позитивной вежливости

Поставленная цель может быть раскрыта при помощи речевых действий, реализующих максимы данного принципа, также дается представление о проявлениях (негативной вежливости) ведущих к коммуникативным неудачам, ср.:

В первых слотах (1, 2, 3) указываются те ошибки, которые приводят к конфликтным межкультурным ситуациям, а в остальных слотах (4, 5, 6, 7, 8) раскрываются максимы позитивной вежливости, дается представление в речевых стратегиях:

Слот №1

Негативная вежливость (ликоповреждающая)

1) Речевые стратегии, провоцирующие конфликт в межкультурной коммуникации:

а) стратегия дискредитации

б) стратегия сегрегации

в) стратегия проявления этнического предубеждения

Слот №2

Рольевые позиции коммуникантов:

Агрессор

Жертва

Действия агрессора: оказание коммуникативного давления, оскорбление, выражение жестокости (срывается на крик).

Жертва: спокоен, не проявляет возмущение, смиряется с поведением агрессора

Слот №3

Психическое состояние

А) беспокойство, раздражение, навязывание своей воли, проявление агрессии (1-ый коммуникант)

Б) подчинение, смирение, возмущение, отпор агрессору

Слот №4

Максима такта (речевые стратегии)

а) речевая стратегия непроявления прямого интереса;

б) речевая стратегия соблюдения интереса собеседника, выражающая в том, чтобы не вторгаться в личное пространство коммуниканта и не обидеть его; в) речевая стратегия игнорирования высказываний, приводящих к нарушению такта, проявлению нетактичности

Слот №5

Максима благородства

Речевые стратегии:

А) речевая стратегия необременения собеседника неущемления интересов другого; б) речевая стратегия обременения собеседника, навязывание ему своих условий, стратегий.

Слот №6

Максима одобрения

Речевые стратегии:

а) речевая стратегия одобрения; б) речевая стратегия позитивной оценки другого

Слот №7

Максима скромности

Речевые стратегии: а) речевая стратегия неприятия похвалы; б) речевая стратегия нарушения максимы скромности в случае чрезмерного восхваления второго собеседника или, когда второй собеседник принимает похвалу в свой адрес так должно.

Слот №8

Максима согласия

Речевые стратегии: а) речевая стратегия проявления разногласия и достижение согласия через компромисс; б) речевая стратегия согласия

Слот №9

Максима симпатии

Речевые стратегии:

А) речевая стратегия проявления коммуникативной недоброжелательности; б) речевая стратегия проявления коммуникативной доброжелательности

Применение таких речевых стратегий, реализующих принцип вежливости и направленных на преодоление этноцентризма в условиях межкультурной коммуникации и адаптации к другим, безусловно, важная составляющая часть глобального аккультурационного дискурса, рассматриваемого как

макроструктура Т. А. ванн Дейк, говоря о таких макроструктурах, имеет в виду структуры, “выводимые из макропозиций (а они, в свою очередь, выводятся из пропозиций, в нем присутствующих, и фоновых знаний в мире дискурса, воспринимающего дискурс” [ван Дейк 1989:41]. Кроме макроструктур им выделяются и суперструктуры, “призванные облегчать процессы производства и восприятия текста” (ван Дейк 1989:131). Изучение дискурса как коммуникативного события позволяет Ю.С. Степанову выделить в ней два уровня и описать ее как двухуровневую структуру; на глубинном уровне, которой находится “ментальность”, а на поверхностном уровне – ее языковое выражение [Степанов, 1995].

Макроструктуры глубинного уровня включает в себя различного рода знания, обеспечивающие понимание дискурса, такие, как знания (экстралингвистические), знания о речевой ситуации и ее участниках. Рассматривая условия прагматического понимания Т.А. ван Дейк указывает, что для этого необходимо иметь представление о таких типах знаний, как: 1) знания о свойствах грамматической структуры высказывания; 2) знания, характеризующие речь (темп речи, ударение, интонация, высота тона, жесты, мимика, движения тела и т.д.); 3) наблюдение (восприятие коммуникативной ситуации (присутствие и свойства находящихся в поле зрения общества людей и т.д.) 4) хранящиеся в памяти знания (мнения о говорящем и его памяти) знания, мнения о говорящем и его свойствах; 5) знания /мнения относительно характера происходящего взаимодействия и о его структуре, а также знания/ мнения о предшествующих коммуникативных ситуациях; 6) знания / мнения, полученные из предшествующих речевых актов, т.е. из предшествующего дискурса; 7) знания общего характера (прежде всего, социально значимые) о взаимодействии, о правилах, главным образом прагматических; 8) другие разновидности знаний о мире, имеющие общий характер [Дейк, 1989].

Интерпретация предполагает, что применительно к межкультурной коммуникации можно выделить и классифицировать виды знаний, учитывая мнение ученых об общих знаниях, входящих в глубинную структуру дискурса – суперструктуру. Такие знания можно характеризовать, как:

1) экстралингвистические знания, т.е. знания межкультурной социальной коммуникации; знания о коммуникантах и свойствах их характера, их мировоззрениях, менталитете; знания о культуре другого народа и его стандартах; знания об образе жизни другого народа. Все эти знания можно соотносить с высказыванием Ю. С. Степанова о знаниях общего характера. Но в ситуации межкультурной коммуникации необходимым представляется также использование знаний о восприятии одним коммуникантом другого, когда коммуникант, имеющий свой язык и свою культуру, может проявить реакцию “отторженное восприятие”, реализовать этноцентрическое отношение по отношению к чужому в процессе реализации социальных отношений “свой

- чужой”; В ходе же адаптации к другому коммуниканту, представителю иного этноса может воспользоваться знаниями об эмпатии (эмоциональном сопереживании другому человеку), рефлексии (как процессе зеркального отображения другого), идентификации как (знания координатах другой культуры и языке и приспособление к ним). Все эти виды восприятия относятся к психологическим знаниям. Кроме них коммуниканту межкультурной коммуникации требуются и также психокогнитивные знания: как знания о психологическом диссонансе, рассматриваемом Л. Фестингером как психологический феномен, возникающий при наличии противоречивых отношений между элементами в системе знаний коммуниканта [Фестингер, 1999] или когнитивном диссонансе, который, по мнению Н.Н. Болдырева, реализуется в следующих случаях: 1) неадекватности восприятий коммуникантов; 2) обнаружении противоречий в ценностных моделях “своей” и “чужой” культуры; 3) в расхождении между системами языков; 4) конфликта интерпретаций и ассоциативных представлений [Болдырев, 2013].

К третьему типу знаний относятся прагматические знания. К ним можно отнести знания о речевом акте; знания о коммуникации и коммуникативном акте; знание о структурах речевого и коммуникативного актов. Знания о постулатах и принципах общения, регулирующих коммуникативный акт или межкультурное общение; знания о речевой ситуации, речевых стратегиях и тактиках.

К четвертому типу знаний относятся лингвистические знания (знания о системе двух контактирующих языков; знания о лексике, грамматике, семантике); знания о социальной дифференциации языка и особенностях распределения языковых средств по функциональным стилям; знания о форме существования языков (литературный язык, разговорно-обиходный язык, сленг, аргот, профессиональное жаргоны, арготы).

Все эти знания общего характера интегрированы используются коммуникантами в процессе коммуникативного акта. Ведь для того, чтобы осуществить интеракцию на межкультурном уровне, необходимо знать общий язык, в качестве которых используются мировые языки; 2) знания о коммуниканте (его социальный статус, социальные отношения, в какие он входит; социальные роли, которые играет; знания о стандартах его культуры, знание другого языка и их координаты; когнитивные сценарии и ситуации их употребления; менталитет и характер говорящего, знание особенности образа жизни представителя другой лингвокультурной общности), особенности восприятия им другого, его психического состояния). Все эти интегрированные знания входят в структуру дискурса. Это глубинный его уровень.

На поверхностном уровне реализуются макростратегии, включающие в себя совокупности фрейм – структур и сценариев, построенных и моделированных по типам дискурсивных стратегий, входящих в структуру глобального дискурса, в частности, дискурсивная стратегия аккультурации

и дискурсивная стратегия вежливости, см. модель глобального дискурса:

Глубинная суперструктура (включает знания общего характера, интегрированные из разных областей знания)

Макростратегии:

1) Дискурсивная стратегия аккультурации (совокупность речевых стратегий)

2) Дискурсивная стратегия вежливости (совокупность речевых стратегий)

Рис № 3 – модель глобального дискурса.

Таким образом, анализ структуры глобального дискурса показал, что появление его вызвано необходимостью устранить конфликтные ситуации в межкультурной коммуникации, вызванные наличием когнитивного и психологического диссонансов, проявлением этноцентрической установки на неприятие чужого, проявлением по отношению к нему этнического предубеждения. Для устранения конфликтов и коммуникативных неудач следует акцентировать внимание на формировании глобального дискурса и разработке его модели, включающей две структуры: суперструктуру (дающую представление об интегрированных из разных областей знаниях, необходимых для осуществления межкультурного общения) и макроструктуру, рассматриваемую как совокупность фрейм-структур, смоделированных по типам дискурсивных стратегий, включающих в себя как прагматические знания (постулаты общения), так и речевые стратегии их реализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- Сапожникова И.А. Тенденции речевой культуры в процессе глобализации <https://cyberleninka.ru/>
- Ткаченко О.Б. Очерки теории языкового субстрата. – Киев: Наукова Думка, 1989. – 207 с.
- Тимашева О.В. Введение в теорию межкультурной коммуникации: Учеб. пособие. – М.: Изд-во УРАО, 2004. – 190 с.
- Robertson, R. Glocalization: Time-space and homogeneity-heterogeneity. In M. Featherstone, S. Lash & R. Robertson (Eds.), *Global Modernities*. (pp. 25-44). London: Sage Publications. 1995.
- Лопухова Ю.В. Толерантность в контексте глобализации. Известия Самарского научного Центра РАН, 2009, Т. 11, №4 (4).
- Ferguson G. Language planning and education Edinburgh: Edinburgh university press, 2006. – 248 p.
- Лалетина А. О. Глобализация и идеологии языка в современной России: анализ метаязыковой рефлексии в профессиональной сфере // Вопросы психолингвистики. 2012. № 15. С. 56—65.
- Филоненко Т.А. Нивелирование международной общения на английском языке как результат глобализации. <http://www.ssc.smg.ru>
- Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н.Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 136 – 137.
- Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: 1974.
- Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. М.: Лабиринт, 2004. — 320 с.
- Манаенко Г.Н. Дискурс в его отношении к речи, тексту и языку//Язык. Текст. Дискурс. Межвуз. Сб. науч.тр.Ставрополь: Пятигор.гос лин-в ун-т, 2003. -С26-40.
- Barna L.M. Stumbling Blocks in Intercultural Communication//Intercultural Communication (L.A. Samovar, R.E. Porter (eds). Wadsworth Publishing Company 1997.
- Jandt F.E. Intercultural Communication. An Introduction// Sage Publications. Thousand Oaks; 2; New Delhi. 1995.
- Лебедева Н.М. Этническая и кросс-культурная психология: Учебник для высших учебных заведений. М.: МАКС Пресс, 2011
- Bennett, Milton, J. (1998). Intercultural communication: A current perspective. In Milton J. Bennett (Ed.), *Basic concepts of intercultural communication: Selected readings*. Yarmouth, ME: Intercultural Press.
- Cameron D. *Globalizing 'communication'* // *New Media Language* / ed. by Jean Aitchison and Diana M. Lewis. — L.: Routledge, 2008. P. 27—35.
- Brown, P., & Levinson, S. (1987). *Politeness Some Universals in Language Use*. Cambridge Cambridge University Press.
- Прохоров Ю.Е., Стернин И. А. Русские: коммуникативное поведение. М.: Флинта: Наука, 2006. 238 с.
- Грайс Г.П. Логика и речевое общение // *Новое в зарубежной лингвистике. Вып.16: Лингвистическая прагматика*. М., 1985. С. 217–237.
- Шляхов В.И. Сценарии русского речевого взаимодействия в теории и практике преподавания русского языка иностранцам. *Автореф. дисс. ... д-ра педагог. наук*. М, 2009.
- Макаров М. Л. *Основы теории дискурса*. — М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. — 280 с.
- Клюев Е.В. Речевая коммуникация М.: РИПОЛ Классик, 2002. - 316 с.
- Leech, G. N. (1983). *Principles of Pragmatics*, London: Longman. 250pp.
- Дейк Т.А. Анализ новостей как дискурса // *Язык. Познание. Коммуникация*. М: Прогресс, 1989. С. 116-160.
- Степанов Ю.С. *Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип Причинности. (Язык и наука конца XX века. Сб. статей)*. -М.: РГГУ. -1995. -432 с.
- Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. – СПб: Ювента, 1999. – 320 с.
- Болдырев Н.Н. Структурирование опыта в интеграции смысла высказывания // *Когнитивные исследования языка*. Вып. XIII. Ментальные основы языка как функциональной системы. М.: Ин-т языкознания РАН. Тамбов: Издательский дом ТГУ Макаров М., 2003

Источники:

- Кристи А. Нелепый домик. М., 1983.
- Мусрепов Г. Пробужденный край. *Алматы*, Жазушы, 1985. 444 с

3. Бельгер Г. Дом скитальца. М., 2003. 543 с.
4. Бельгер Г. Туюк Су. Астана: Аударма, 2012. 288 с.
5. Снегин Д. В городе Верном. Алматы, 1970
6. Шухов Н. Горькая линия. Алматы, 1978.
7. Ауезов М. Путь Абая. Алматы: ИД. «Жибек жолы», 2012.
8. Ахметбеков К. Седая степь. Алма-Ата: Жазушы, 1984. 406 с.

RUSSIAN SIMILES WITH A COMPONENT “DEVIL” IN THE CONTEXT OF SERBIAN LANGUAGE

Veljkovic M.

*Master of linguistics, Russian language teacher,
Ilija M. Kolarac Endowment, Belgrade, Serbia*

РУССКИЕ УСТОЙЧИВЫЕ СРАВНЕНИЯ С ЭТАЛОНОМ «ЧЁРТ» НА ФОНЕ СЕРБСКОГО ЯЗЫКА

Велькович М.

*магистр лингвистики, преподаватель русского языка,
Эндаумент-фонд Или М. Коларца, Белград, Сербия*

Abstract

The article presents linguistic and culturological analysis of Russian similes with a component-mythologeme “devil” in the context of Serbian language. As a result of the analysis of the contexts of use of these units, the paper revealed both universal national and cultural characteristics of different linguistic cultures as well as those specific only to Russian linguistic culture.

Аннотация

Статья посвящена лингвокультурологическому анализу русских устойчивых сравнений с компонентом-мифологемой «чёрт» на фоне сербского языка. В результате анализа контекстов употребления данных единиц выявлены как универсальные национально-культурные особенности, характерные для различных лингвокультур, так и те, которые специфичны лишь для русской лингвокультуры.

Keywords: simile, devil, mythologeme, linguistic and culturological analysis, Serbian language.

Ключевые слова: устойчивое сравнение, чёрт, мифологема, лингвокультурологический анализ, сербский язык.

В статье представлен лингвокультурологический анализ русских устойчивых сравнений (далее – УС) с эталоном-мифологемой *чёрт*, составляющих ядро русской языковой картины мира, на фоне сербского языка.

В результате сплошной выборки из словарей сравнений русского языка [1; 3] были выделены 45 УС с эталоном *чёрт*: *бегать (бежать, лытать) от кого-л., чего-л. как чёрт от ладана; бояться кого-л., чего-л. как чёрт ладана; бояться кого-л., чего-л. как чёрт креста; бояться кого-л., чего-л. как чёрт попа; вертеться / завертеться (крутиться / закрутиться) как чёрт перед заутреней; вымазаться (измазаться) как чёрт; высказывать / выскочить [откуда] как чёрт из коробки (коробочки, табакерки, шкатулки); голоден (голодный) как чёрт; грязен (грязный, измазанный, чумазый) как чёрт; ездить (ехать / проехать, носиться / проноситься, мчаться / промчаться) как чёрт; здоров (здоровый) как чёрт; злиться / разозлиться как чёрт; злой как чёрт; злой как чёрт [которому прижали хвост]; как чёрт; наглый (нахальный) как чёрт; не стой надо мной как чёрт над душой; остеребениваться на кого-л. как чёрт на попа; писать как чёрт шестом по Неглинной; подсказывать / подскокить (высказывать / выскочить) как чёрт; работать (вкалывать, трудиться) как чёрт; радоваться / обрадоваться как чёрт знает чему; ревнив*

(ревнивый) как чёрт; ругаться (браниться) как чёрт; скакать / проскакать (на коне) как чёрт; скуп (скупой) как чёрт; смел (смелый) как чёрт; стар (старый) как чёрт; страшен (страшный) как чёрт; строг (строгий) как чёрт; схватить кого-л. зубами как чёрт; чёрный как чёрт; умён (умный) как чёрт; упрям (упрямый) как карамышевский чёрт; устать как чёрт; усталый как чёрт; хитёр (хитрый) как чёрт; хлопотать как чёрт; бегать (убегать) от кого-л. как от чёрта; бояться кого-л. как [самого] чёрта; вид у кого-л. как у чёрта; как чёрти; рожа у кого-л. как у чёрта; вкалывать как сто (тысяча, сорок тысяч) чертей; беситься как чёрти [1, с. 482-484; 3, с. 754-758].

В результате рассмотрения контекстов употребления УС с эталоном *чёрт* из «Национального корпуса русского языка» [2] (далее – НКРЯ) мы определили частотность использования данных единиц, благодаря чему мы смогли прийти к выводу, что не все зафиксированные в словарях УС активно используются в современном языке. К тому же, в языке встречаются единицы, отсутствующие в словарях. Кроме того, анализ примеров употребления позволил определить набор качеств, которые воплощают в себе УС с эталоном-мифологемой *чёрт*.

Таким образом, мы пришли к выводу, что данные УС в русском языке используются в основном

по отношению к человеку (как к мужчинам, так и к женщинам; редко по отношению к детям, животным и неодушевлённым предметам) для описания:

- **Поведения**

1) Бежать (бежать) от кого-либо / чего-либо как чёрт от ладана

– О человеке, всеми силами старающемся избавиться от чего-либо, избежать встречи с кем-либо / чем-либо.

Ладан – ароматическая смола, используемая при богослужении в церквях. Согласно христианскому верованию, приятный запах ладана при каждении отгоняет всю нечистую силу, в том числе и чертей. Поэтому черти боятся ладана, и бегают от него. Оттуда возникло в народе и данное сравнение. Например: *На семинарах я этого студента не видел, он бежал от меня, как черт от ладана; По его словам, строительная отрасль до сих пор находится в глубочайшем кризисе, а банки «бегут от застройщиков, стремящихся получить кредиты, как черт от ладана»; Солдатская служба, от которой большинство нынешних молодых людей бежит, как черт от ладана, тоже не грозит* [2].

В корпусе равноправно встречается и вариант с глаголом *шарaxаться* – **шарaxаться как чёрт от ладана**: *Партии сейчас от обсуждений этого вопроса шарaxаются, как черт от ладана; Многие спортсмены из-за суеверия шарaxаются от этой цифры, как черт от ладана* [2].

Кроме того, как варианты с похожим значением встречаются такие устойчивые сравнения: *отпрыгивать как чёрт от ладана, избегать как чёрт ладана*. Пример: *Он прав – сегодня никто разговор об экономике не ведёт, его избегают, как черт ладана* [2].

2) Выскакивать / выскочить [откуда] как чёрт из табакерки

Согласно данным словаря В.М. Мокиенко, это устойчивое сравнение употребляется по отношению к человеку, «неожиданно, резко и быстро вскочившим с места и начавшим что-л. возбуждённо, раздражённо, злобно, агрессивно говорить» [1, с. 482]. Анализ примеров НКРЯ выявил, что вышеупомянутое выражение используется также для обозначения человека, внезапно или неожиданно появившегося откуда-либо. Например: *А может быть, в последний момент у нас вдруг выскочат как черти из табакерки неизвестные суперталанты; Ведь выскочили же как черт из табакерки модные нынче нанотехнологии и вмиг стали приоритетным с точки зрения инвестиций и господдержки направлением; Куда ни кинешь глаз, новые здания выскакивают как черт из табакерки* [2].

Табакерка, из которой выскакивает чёртик на пружинке, когда её открывают, это забавная игрушка.

Данное УС часто сопровождают в речи такие определения, как *вдруг, внезапно, неожиданно*.

С таким же значением, наряду с глаголом выскакивать (выскочить), используются глаголы *выпрыгивать*, (внезапно) *появляться, возникать*, и

реже вылезать. Например: *И тут как черт из табакерки появился «охранник»: Стоянка платная; Евгений Дементьев как черт из табакерки выпрыгнул из-за спин лидировавших итальянцев в лыжной гонке (дуатлон) на 30 км на самом финише и привез нам первую золотую медаль* [2].

3) Работать (трудиться) как чёрт

Речь идет «о человеке, интенсивно, много, самоотречённо работающем» [1, с. 483]. В данном УС отмечаем уход от первоначального эталона чёрта, и его употребление для обозначения высокой интенсивности труда. Например: *Работал, как чёрт, – рьяно, сжав кулаки, закусив губу, шалея от бешенства и нелепости своего положения; Работали как черти: вставали в шесть часов утра, девчонки кормили нас кашей, после чего мы отправлялись на стройку* [2].

- **Внутреннего состояния**

1) Бояться как чёрт ладана

– О человеке, испытывающем перед чем-либо / кем-либо сильный, необъяснимый, панический страх. Например: *Есть те, кто стремится к демократии, и те, кто боится её, как черт ладана; Еще год тому назад инвесторы боялись рынков Восточной Европы как черт ладана* [2].

2) Злой как чёрт

– Об очень злом, разъярённом, раздражённом человеке, сильно чем-то недовольном. Например: *Все мы были злы, как черти – день был большой потерей; Я зол как черт, я больше не буду этого терпеть* [2]!

Также, встречается вариант – *злой, как сто чертей*; *злой, как тысяча чертей: Домой ты пришла злая, как сто чертей: «Я же говорила тебе, не звони, я же просила»; Муж Лены, рентгенотехник, как и все, ушел на войну и пропал, она осталась с ребенком, отчаянно голодала и была зла, как тысяча чертей* [2].

3) Усталый (устать) как чёрт

О чьей-либо очень сильной усталости. Например: *Очень темная была ночь, когда я, нагруженный разными свертками, усталый как черт и голодный, подошел к своему переулку; Я спать пойду. Устал, как черт ...* [2]

4) Голоден как чёрт

– О человеке очень сильно проголодавшемся. Например: *Они выехали из Москвы на машине на день позже меня, проехали прямо через Глухов в Нежин и сейчас усталые вернулись сюда голодные, как черти; Да скорее, а то я съем вас самих, – я голоден, как черт* [2]!

5) Бояться кого-л. как [самого] чёрта

– «О чьём-либо очень большом страхе перед кем-либо» [1, с. 484]. Примеры: *Этого самого польского народа боятся, как черта; Местные боятся его как черта* [2]!

- **Внешности**

1) Грязный как чёрт

– Об очень грязном, чумазом, немытом человеке. Например: *Умойся, ходишь грязный как черт; Вылезают из туннеля потные и грязные как черти* [2].

2) Страшный как чёрт

– О человеке с очень неприятной внешностью. Примеры: *Пойду души приму и побреюсь, а то страшный, как черт какой-то...*; *Для кого-то богиня, для кого-то страшна как черт* [2].

3) Красивый как чёрт

– Об очень красивом человеке. Данное УС является уходом от первоначального эталона чёрт. В нём сохраняется только значение высокой интенсивности. Например: *Автор этой колонки был на московской пресс-конференции и видел Тома Круза. Том красивый, как черт. Ему 50, но его совершенно не берет время; Голубоглазый атлет, красив как черт, умен как бес* [2].

• Черт характера

1) Умный как чёрт

– Об очень умном, пронзительном человеке. Например: *Прекрасно: она умная, как черт, и очень красивая; Я приехала из маленького городка в этот большой миллионный город, красивая и умная, как черт, поступила на филфак (медалистка!), точно зная, что хочу после окончания стать журналисткой* [2].

2) Упрямый как чёрт

Это очень упрямый человек. Например: *Я упряма, как черт: когда мне с силой и жаром говорят о бессмертии, я уверена, что с этой жизнью все кончается, и наоборот, когда меня стараются убедить, что все кончено, – я вдруг начинаю верить, что раз я есть, то я буду* [2].

Итак, общий анализ контекстов употреблений УС с эталоном чёрт выявил, что наиболее употребляемыми являются следующие УС: *бегать (шархаться) как чёрт от ладана, бояться как чёрт ладана, злой как чёрт и выскакивать / выскочить [откуда] как чёрт из табакерки*.

Аналогом русского концепта чёрт в сербском языке является *ђаво* (а также его синоним *враг*), который в сербском языковом сознании занимает важное место, так же как и в русском. Это отразилось, между прочим, и на предмет нашего исследования – УС. На основе лексикографических источников [4; 5; 6] мы смогли прийти к выводу, что в сербском языке можно встретить, с одной стороны, аналоги русских УС с эталоном чёрт, такие как: *бежати (од кога, од чега) као ђаво од крста* (букв. *бегать от кого-л., чего-л. как чёрт от крста*), и его синонимы: *бежати као враг од свете водице* (букв. *бегать от кого-л., чего-л. как чёрт от святой воды*), *бежати (од кога, од чега) као враг од тамјана* (букв. *бегать от кого-л., чего-л. как чёрт от ладана*); *зао као враг (ђаво)* (букв. *злой как чёрт*); *бесан као ђаво* (букв. *злой как чёрт*); *црн као ђаво* (букв. *чёрный как чёрт*); *бојати се кога, чега као (црног [живог]) врага (ђавола)* (букв. *бояться как [чёрного (самого)] чёрта*); *ружан као ђаво* (букв. *некрасивый как чёрт*), и, с другой стороны, единицы, отсутствующие в русском языке: *сврби као ђаво* (букв. *чесется как чёрт*) – когда у кого-л. что-л. сильно чешется; *боли као ђаво* (букв. *болит как чёрт*) – когда у кого-л. что-л. сильно болит; *пече као ђаво* (букв. *жжёт как чёрт*) – когда

рана сильно жжёт; *патити (мучити се) као ђаво у плиткој води* (букв. *страдать [мучиться] как чёрт в мелкой воде*) – бедно, в тяжелых условиях жить; *досадан као ђаво (враг)* (букв. *занудный как чёрт*) – очень занудный человек; *дерати се као враг* (букв. *кричать как чёрт*) – кричать, реветь; *седети (врпољити се) као ђаво на џомби* (букв. *сидеть [ёрзать] как чёрт на кочке*) – вертеться на стуле, нервничать; *расте [неко] као да га ђаволи за уши вуку* (букв. *кто-л. растёт, как будто чёрти его за уши тянут*) – очень быстро расти.

На основании проведённого анализа можно сделать общий вывод о том, что концепт чёрт является одним из базовых концептов русской языковой картины мира, и одним из самых популярных персонажей русской демонологии. К тому же УС, содержащие в себе данный концепт, представляют собой большое фразеологическое объединение, входящее в ядро концептосферы русского языка. Семантика данных единиц обладает как универсальными особенностями, встречающимися в различных лингвокультурах (в нашем случае, в сербской), так и особенностями, специфичными лишь для русской лингвокультуры. Эта культурная обусловленность УС с эталоном чёрт делает исследование особенно актуальным в области преподавания русского языка как иностранного.

Мифологема чёрт в русском языковом сознании представлена, с одной стороны, как олицетворение негативных нравственных качеств, таких как зло, разъярённость, лукавство, упрямство, а также она связана с описанием внешнего вида – грязный, страшный, некрасивый человек. С другой стороны, за этой мифологемой всё же закреплены и положительные свойства, такие, как пронзительность, ум. Также, анализ показал, что в современном русском языке встречается отход от первоначального эталона чёрт, закреплённого в сознании носителей языка, и употребление данного эталона лишь для обозначения высокой интенсивности чего-либо.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Мокиенко, В. М. Словарь сравнений русского языка. – СПб.: Норинт, 2003. – 608 с.
2. НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/>
3. Огольцев В.М. Словарь устойчивых сравнений русского языка. – М.: Русские словари, 2001. – 800 с.
4. Оташевић Ђ. Фразеолошки речник српског језика [Текст] / Ђ. Оташевић. – Нови Сад : Прометеј, 2012. – 1045 с.
5. Matešić, J. Frazеолошки rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika [Текст] / J. Matešić – Zagreb : Školska knjiga, 1982. – 808 с.
6. Rusko hrvatski ili srpski frazeološki rječnik [Текст] / Т. Korać, А. Menac, М. Popović и др.; red. А. Menac. – Т. 2 : О – Я – Zagreb : Školska knjiga, 1980. – 788 с.

MYTHOPOETICS OF THE HOUSE IN THE WORKS OF S.T. AKSAKOVA "FAMILY CHRONICLE. CHILDHOOD YEARS OF BAGROV - GRANDSON" AND THE STORIES OF B. P. YEKIMOV "SOLONICH", "WHITE WATERS"

Phenkina L.
Volgograd

МИФОПОЭТИКА ДОМА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ С.Т. АКСАКОВА «СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА. ДЕТСКИЕ ГОДЫ БАГРОВА – ВНУКА» И РАССКАЗАХ Б. П. ЕКИМОВА «СОЛОНИЧ», «БЕЛЫЕ ВОДЫ»

Фенькина Л.Н.
Волгоград

Abstract

The article discusses the main provisions of the concept of mythopoetics, House metapoetics. The essence of these concepts is revealed on the example of the texts of S. T. Aksakov and B. P. Ekimov.

Аннотация

В статье рассматриваются основные положения понятия мифопоэтика, мифопоэтика Дома. Суть этих понятий раскрывается на примере текстов С. Т. Аксакова и Б. П. Екимова.

Keywords: House, Mythopoetics, House Mythopoetics, S. T. Aksakov, B. P. Ekimov.

Ключевые слова: Дом, Мифопоэтика, Мифопоэтика Дома, С. Т. Аксаков, Б. П. Екимов.

«Дом относится к числу основополагающих, всеобъемлющих архетипических образов, с незапамятных времен функционировавших в человеческом сознании. Эквиваленты славянского слова «дом» в разных языках обозначали широкий круг понятий: от определений узких, таких как

кров, семья, жилище до явлений, связанных с культурной организацией жизни - хозяйство, быт семьи или народа, наследство, иерархию и порядок. Словарь В. И. Даля отмечает также, что слово «дом» означает в русском языке не только «строение для житья», но и «семейство, семью, хозяев с домочадцами» [5].

Существуют различные толкования мифологии Дома, но есть общее ключевое представление о доме, отводящее ему чрезвычайно важное место в системе любых представлений и определений. В мифах пространство качественно неоднородно: оно делится на «свое» и «чужое». Дом всегда осмыслялся как «...мир, приспособленный к масштабам человека и созданный им самим. Жилище было по преимуществу носителем признака «внутренний»: оно оберегало человека от невзгод внешнего мира, создавало атмосферу безопасности, определенности, организованности, противостоящей внешнему хаосу...» [5]. Ощущение Дома как очага безопасности необходимо каждому человеку, но более всего оно необходимо ребенку, вот почему одной из самых ярких иллюстраций данного положения может послужить автобиографическая трилогия С.Т. Аксакова, следует отметить, что в аксаковском произведении немалое место отводится различным описаниям жилища (как своего, так и чужого), быта, семейного уклада. Основным мотивом в повестях служит символ Дома как родового гнезда, организующего начала всей жизни, где не к чему уединяться и оно неподвижно, крепко вросло в землю. Вихрь перемен затрагивает не сам Дом – он

лишает стабильности его обитателей. Если попытаться заглянуть внутрь такого гнезда, то можно увидеть, например, вот такую картину: ” У крыльца уже стояли двое длинных дрог и телега. Все запаслись кузовьями, лукошками и плетеными корзинами из ивовых прутьев. На длинные роспуски и телегу на село столько народу, сколько могло поместиться, а некоторые пошли пешком вперед. Мать с бабушкой сидели на крыльце, и мы поехали в совершенной тишине; все молчали, но только съехали со двора, как на всех экипажах начался веселый говор, превратившийся потом в громкую болтовню и хохот; когда же отъехали от дому ... девушки и женщины запели песни, и сама тетюшка им подтягивала. Все были необыкновенно шутливы и веселы, и мне самому стало очень весело, ... а песни привели меня в такое восхищение, которое до сих пор свежо в моей памяти” [1]. Здесь явно ощущается тепло домашнего, уюта и довольства. Если же выделять общую тональность трилогии Аксакова, то она полностью будет соответствовать этому мироощущению.

Тот же вихрь перемен заставляет Василия Солонича, из одноименного рассказа Б. П. Екимова «Солонич», покинуть родной Дом. Дом, выстроенный собственными руками, защиту, надежду и опору. Ничто не могло заставить Солонича совершить подобный поступок, если бы не дети. Мысли о будущем дочери Ольги, для которой оказалось не возможным обучение в местной, «умирающей» школе, заставили его принять это не простое решение: «Жена заплакала в голос. Солонич курил. Хотя изо всех троих горше его никто бы не смог сейчас плакать, было бы можно, так заревел бы сейчас кровавыми слезами. Но он лишь курил...» [3]. Архаичный и стабильный уклад жизни Солонича был прост и ясен – Дом, Семья, Труд. В рассказе автор уделяет большое внимание описанию усадьбы Со-

лонича, подробно раскрывает детали создания по дворя, базов, сараев, сенника и даже огорода с поливом, с движком:» Другие все собирались, а Солонич поливал какой год. Картошка у него была в кулак. На семена брали» [3].

Обращаясь же к тексту С. Т. Аксакова, мы видим, что основными элементами архаической модели жилища, функционировавшей в патриархально-аграрном укладе жизни, будут служить общий труд, общие досуги в людской и девичьей, а также безусловная власть старших по возрасту и по месту в общественной иерархии, господство авторитета старшего.

Немаловажный аспект в создании и сопоставлении образа истинного Дома и враждебного внешнего мира, это описание обязательной и единой для всех обитателей усадьбы религиозности и сакральной устремленности к высшим основам бытия. Оттого в Багровее и Чурасове важное место занимает молитва, правда, здесь она служит более атрибутом повседневной жизни, нежели предметом религиозного культа. Заметим, что второе поколение Багровых (сын и невестка Степана Михайловича) совсем не стремились выполнять все необходимые религиозные действия. Тем не менее, это были люди, обладающие добрым сердцем, искренние в своих делах и поступках.

Как мы уже говорили, семья, быт, система – именно это определяет художественное построение событийного пространства произведения, где повседневность сформирована архаическими культурами (культы плодородия, почитания предков), взаимодействовавшими с православием.

Особое, во многом центральное место, занимает описание различных застолий и празднеств, что, как известно, всегда связано с приготовлением пищи. Культ еды – один из наиболее древних, т.к. пища служит источником силы и жизненной энергии. Совместная трапеза сближает и организует обитателей Дома вокруг общего очага, поддерживая основные охранительные функции жилища вообще.

В рассказе «Белые воды» Б. П. Екимова Дом, как объединяющее и питающее начало, не раз «выступает» в качестве главного героя: «А потом был долгий ужин с пахучей окуневой ухой, рыбными пирожками. Ужин и разговоры. Старики вспоминали о прошлом. Алексей любил слушать их.» и далее по тексту «...он забегал по дому, собирая еду прямо здесь, в дедовой комнате, самой лучшей в доме. Здесь... всегда лежали свежие яблоки. В полотняных мешочках и пучках сухие травы: чабрец, ромашка, зверобой. А для чая, в жестяных коробках, мята, липовый и боярки цвет. Мед – во фляге, моченый терн – в ведре. Всякие сладости. И потому пахло в доме не жильем, а волей.»

Хуторской Дом родного деда Тимофея «кормил» главного героя рассказа городского внука Алексея сытно и вкусно, давая необходимое тепло, защищенность и безопасность. «Алексей ел много и с удовольствием: мясо лук, сладкий болгарский перец, последние уже помидоры, домашнее масло, откидное молоко – все подряд.» [3] Родное гнездо –

Дом бабушки Тимофея стал для Алексея не только местом, где могла в безопасности расти и развиваться детская душа, но и духовно-нравственным центром, определившим основную философию его, уже взрослой жизни, определившим его Путь.

Нужно отметить, что в древней архаике Дом часто сравнивался с матерью, которая кормит и охраняет дитя. Закрытое, обжитое пространство, атрибутами, которого являются постель, печь, тепло, издавна осмыслявшиеся как женское, в отличие от неуютного и «холодного» внешнего мира, в котором главную роль играл мужчина – землепроходец, строитель, завоеватель.

Не случайно у С. Т. Аксакова, например, символ женского мира в домашнем пространстве произведения связан с семейной экономикой, приготовлением пищи, ремонтом и изготовлением одежды, рождением детей и т. д. Домашний труд подразумевает, прежде всего, наполнение семиотического пространства Дома женским началом. В вышеуказанных произведениях встречается большое количество женских персонажей, каждый из которых обладает своим, определенным зарядом жизненной силы и энергии. Условно их можно разделить на положительные и отрицательные. Положительными будут те, кто несет, прежде всего, созидательную энергию. Такова, например, Софья Николаевна, мать маленького Сережи. Ее образ противопоставлен в некоторых позициях жене и дочерям Степана Михайловича Багрова, которые вносят дисгармонию и раздор в семью. Извечный и бытовое конфликт невестки и родных жениха (свекрови и заловок), имеет древнюю фольклорную (мифологическую) основу, когда женские образы прародительных сил олицетворяют борьбу добра и зла.

К женскому началу также можно отнести и такой атрибут родового гнезда, как «органическая связь с землей», будь то восприятие земли, как «матери-кормилицы», что характерно для крестьянского сознания, или необходимость соприкосновения с природой вообще, как в случае с Сережей Багровым. И то, и другое восприятие обусловлено необходимостью органически вписаться в окружающую среду, дабы сократить горизонты враждебного пространства и получить возможность, даже неосознанно, приобщиться к источнику жизни. Б. П. Екимов в своих рассказах, также ярко и образно иллюстрирует различные женские персонажи, показывая их роль и влияние на семейный быт и уклад жизни в целом.

Завершая статью, хочется отметить, что мифологема Дома в произведениях С. Т. Аксакова «Семейная хроника. Детские годы Багрова-внука» и рассказах Б. П. Екимова «Солонич», «Белые Воды» раскрывается, прежде всего, как символ безопасного и обжитого пространства, организующим началом которого будут служить тесные семейные взаимоотношения, определяющие ход и преломление всех жизненных событий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Аксаков С. Т., 1982: Аксаков С. Т. Собрание сочинений. – М.: Художественная литература, 1982 – 541 с.
2. Аксаков К. С., 1861: Аксаков К. С. Полн. собр. соч. – М.: Художественная литература, 1861 – Т. I., 632 с.

3. Екимов Б. П., 1988: Екимов Б. П. Встреча не состоится: Рассказы.- Волгоград: Ниж.- Волж. Кн. Изд-во, 1988. – 272 с.

4. Афанасьев А.Н. Происхождение мифа: Статьи по фольклору, этнографии и мифологии / Сост., подготовка текста, статья, коммент. А.Л. Топоркова. М., 1996.

5. Щукин В. Г., 1994: Щукин В. Г. Статьи и критика. – М.: Терра, 1994 – 210 с.

TOPONYMY AS A LINGUISTIC PHENOMENON (TO THE BACKGROUND)**Funikova S.**

candidate of philological Sciences, associate Professor of the Department of Russian language, professional speech and intercultural communication of the Preparatory faculty of the Belgorod state research University

ТОПОНИМИЯ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ (К ИСТОРИИ ВОПРОСА)**Фуникова С.В**

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, профессионально-речевой и межкультурной коммуникации Подготовительного факультета Белгородского государственного научного исследовательского университета

Abstract

The Article is devoted to the problem of toponymy. The author takes a detailed approach to the issue of toponymy as a linguistic phenomenon and considers the opinions and points of view of scientists involved in this problem.

Аннотация

Статья посвящена проблеме топонимии. Автор работы подробно подходит к вопросу о топонимии как лингвистическому явлению и рассматривает мнения и точки зрения ученых, занимавшихся этой проблемой.

Keywords: toponymy, place-names, a linguistic phenomenon, the study of onomastics.

Ключевые слова: топонимия, топонимы, лингвистическое явление, исследование, ономастика.

Для того чтобы рассмотреть топонимы как лингвистическое явление, необходимо дать определение понятию топонима, провести типологическое исследование топонимов, изучить проблемы топонимики и выяснить, какие языки являются источниками топонимов.

Как известно, раздел языкознания, изучающий имена собственные всех типов, закономерности их развития и функционирования называется ономастикой. В первую очередь, она считается лингвистической наукой. Вместе с тем, чтобы выявить специфику именуемых объектов и традиции, связанные с их именами необходимо рассмотреть и исторический, географический, культурологический, социологический и литературный компоненты, которые помогают разобраться и в лингвистических особенностях топонимов. В любом географическом имени присутствует или присутствовало конкретное содержание, которое в ряде случаев оказывается утраченным. Процесс наименований является процессом народного творчества, имеющего свои национальные и языковые особенности.

В рамках ономастики можно выделить отдельную науку – топонимику. Топонимику исследует имена собственные, обозначающие названия географических объектов, их происхождение, разви-

тие, современное состояние, написание и произношение. Совокупность топонимов той или иной области называется топонимией.

Под топонимом обычно понимают обозначающее название географического объекта имя собственное. В лингвистике данное понятие изучается с различных сторон: во-первых, как элемент определенной топонимической системы в его отношении с другими топонимами (В. А. Малышева [1], О. Т. Молчанова [2], И. Н. Тимошук [3] и др.), а во-вторых, в системе языка в целом, в его отношении с другими языковыми единицами. С. И. Ожегов [4] определяет топоним как собственное название отдельного географического места (населенного пункта, реки, угодья и др.). Согласно Оксфордскому словарю [5], топоним есть название определенного географического объекта.

Однако знать определение топонима недостаточно для того, чтобы провести анализ топонимов, поэтому необходимо рассмотреть их типологические классификации.

В современной лингвистике существует две классификации топонимов:

- а) по типу обозначаемых географических объектов;
- б) по структуре.

Топоним – это название континентов и океанов, стран и географических областей, городов и улиц в них, рек и озер, природных объектов и садов. Как видно из определения топоним очень широкое понятие для всех объектов. Происхождение и смысловое наполнение, исторические корни и изменение на протяжении веков произношения и написания названий географических объектов изучает специальная наука – топонимика.

Слово «топонимика» произошло от двух греческих слов: *toros* – место и *оnуmа* – имя. Эта научная дисциплина является отраслью ономастики – раздела лингвистики, изучающего имена собственные. Топонимика является интегральной наукой, функционирующей на стыке языкознания, географии и истории. Топонимика не только является лингвистической наукой, но и выявляет специфику именуемых объектов и традиции, связанные с их именами необходимо рассматривать и исторический, географический, культурологический, социологический и литературный компоненты, которые помогают.

Топонимика исследует имена собственные, обозначающие названия географических объектов, их происхождение, развитие, современное состояние, написание и произношение. Совокупность топонимов той или иной области называется топонимией.

Кроме того, по типу обозначаемых географических объектов топонимы могут разделяться на следующие виды топонимов: гидронимы, оронимы, ойконимы, урбанонимы, макротопонимы, микротопонимы и антропотопонимы.

- Гидронимы – это названия водных объектов (рек, озёр, морей, заливов, проливов, каналов и т.д.

- Оронимы (от греч. *oros* – гора) – это названия гор.

- Ойконимы (от греч. *oikos* – жилище, обиталище) – это названия небольших населённых мест, и деревни и город относятся к ним.

- Урбанонимы (от лат. *urbanus* – городской) – это названия внутригородских объектов, и могут делиться на несколько видов:

- (1) Агоронимы (от греч. *agora* – площадь) – это названия площадей и других открытых пространств в города.

- (2) Годонимы (от греч. *hodos* – путь, дорога, улица, русло) – это названия улиц.

- (3) Дромонимы (от греч. *dromos* – бег, движение, путь) – это названия путей сообщения.

- Макротопонимы (от греч. *makros* – большой) – это имена собственные, обозначающие названия крупных географических объектов. Обычно, это названия стран или исторической области, провинции.

- Микротопонимы (от греч. *mikros* – малый) – это названия небольших незаселённых объектов, которые относятся физико-географические или внутригородские объекты (луга, поля, рощи, улицы, уголья, урочища, сенокоса, выгона, топи, лесосеки, гари, пастбища, колодца, ключа, омута, порога и т.д.)

- Антропотопонимы (от греч. *antropos* – человек) – это названия географических объектов, которые образуются от личных имен.

К названиям небольших незаселённых объектов, или микротопонимов (от греч. *Mikros* – малый), относятся физико-географические или внутригородские (луга, поля, рощи, улицы, уголья, урочища, сенокоса, выгона, топи, лесосеки, гари, пастбища, колодца, ключа, омута, порога и т.д.) объекты. Обычно они известны лишь ограниченному кругу людей, проживающих в определённом районе.

Очень часто названия географических объектов образуются от личных имен, и в этом случае они называются антропотопонимами (от греч. *antropos* – человек).

Согласно структурной (морфологической) классификации топонимы делятся на 4 типа: а) простые, б) производные, в) сложные, г) составные.

Количество простых топонимов значительно уступает количеству сложных и составных, а их этимологизация во многом невозможна, т.к. многие названия перешли из других языков и воспринимаются как чистая основа. Простые непрямые названия состоят только из корневого слова. Более распространены производные топонимы. Они образуются при помощи присоединения к корню морфологического признака – аффикса.

К третьему типу относятся сложные топонимы. Они состоят из двух морфем, которые выступают в качестве основы топонима.

Составные топонимы представляют собой словосочетание, состоящее из двух и более частей речи.

Согласно приведенным классификациям, любой топоним можно охарактеризовать по типу обозначаемого им объекта и с точки зрения морфологической структуры. Однако установить значение топонима не всегда представляется возможным из-за существующих проблем топонимики, о которых пойдет речь ниже.

Исследовать топонимы не так-то просто как может показаться на первый взгляд. Проблема топонимики заключается в том, что толкование топонимов в ряде случаев может быть осложнено. Это объясняется несколькими причинами.

Во-первых, может быть утеряна мотивация названия. Если причина, по которой дано то или иное название на первый взгляд не кажется очевидной, то объяснение значений некоторых топонимов может быть затруднено. Существуют названия, которые изначально относились к ландшафтным особенностям, таким как река или холм, но исчезнувшим к нашему времени.

Во-вторых, возможна ошибочная замена одних элементов другими по причине внешнего сходства.

В-третьих, толкование топонима может быть затруднено, если элементы его многозначны.

Иногда мешает понять содержание топонима ложная аналогия. Данное явление можно наблюдать, когда новые жители изменяют уже существующие названия. Это может быть вызвано

тем, что жители произносят их согласно своему стилю произношения, не смотря на первоначальное значение топонима.

Еще одна причина трудностей толкования топонимов – это обратное словообразование, то есть процесс, при котором названия производятся друг от друга в направлении, обратном ожидаемому. Зачастую река с устаревшим и забытым названием переименовывается в честь города, стоящего на её берегах, а не наоборот.

Можно заключить, что толкование топонимов может быть затруднено из-за ряда причин: утери мотивации названия, ошибочной замены одних элементов другими по причине внешнего сходства, многозначности элементов топонима, порядка элементов, ложной аналогии и обратного словообразования. Наличие различных языковых источников так же может осложнять толкование топонима.

Топонимы образуют на территории любого района или области свою определенную систему. Существующие определения понятия топонимической системы характеризуются как наличием общих признаков, рядом более или менее значимых различий. Как правило, под топонимической системой понимается известное единство построения топонимов той или иной территории, обусловленное общностью психологии населяющего её языкового коллектива, своеобразным направлением его мышления, общностью восприятия окружающей действительности, что, в частности, подтверждается наличием на каждой территории своих топонимических моделей и некоторого круга часто повторяющихся топонимов. Как замечает Г. В. Глинских [6, с. 30], термин «топонимическая система» включает в себя все наименования каждой территории, рассматриваемой отдельно или в совокупности с другими территориями, а также система рассматривается как совокупность отдельных видов топонимов, соотнесенных по какому-либо структурному или семантическому признаку. Однако эта системность не всегда детерминирована: «...системные отношения между лингвистическими единицами, функционирующими в языке, переносятся на топонимический материал, что вполне вероятно и закономерно, но интерпретируются как специфические связи, создающие особую, топонимическую системность» [Там же, с. 33].

И. А. Воробьева пишет: «Топонимия любой территории многоязычна и разновременна. Но, тем не менее, это не конгломерат разнородных наименований, а система, организованная и упорядоченная, элементы которой находятся во взаимной связи» [7, с. 250]. «Под территориальной топонимической системой мы понимаем упорядоченное множество единиц (топонимов) с социальной функцией дифференциации и идентификации географических объектов какой-либо исторически и географически ограниченной территории. Каждая система, формируясь, вбирает в себя разноязычные предшествующие топонимы» [Там же, с. 115].

Согласно мнению Э. М. Мурзаева [8], топонимическая система характеризуется совокупностью

специфических особенностей или признаков, закономерно повторяющихся в процессе формирования географических названий и в их современной стабильности. Исследователь считает, что под топонимической системой следует понимать «совокупность специфических особенностей или признаков, закономерно повторяющихся в процессе формирования географических названий и в их современной стабильности» [Там же, с. 88].

Это определение существенно дополняет Н. В. Подольская: «топонимическая система – это определенным образом организованная совокупность топонимных структур данного этноса для данного времени на данной территории с учетом их взаимодействия» [9, с. 52].

По мнению Ю. А. Карпенко [10, с. 49], топонимическая система включает:

- 1) инвентарь образующих средств;
- 2) оппозицию их;
- 3) территорию;

Развитие же топонимии есть равнодействующая трех сил: традиции, системы и людской пытливости.

Важно подчеркнуть, что топонимия системна до определенного предела. Идея А. В. Суперанской о том, что «каждая топонимическая система строго территориально, и что она гораздо больше определяется общностью территориальной, а не общностью языковой» [11, с. 35], была не только своевременно выдвинута, но логически вела к необходимости разностороннего, многопланового подхода к организации топонимов определенной территории и их взаимосвязей. Системность топонимии проявляется как в общности лексической, так и в общности формантов. Изучение любой топонимической системы представляет интерес не только для топонимики, но и для лингвистики в целом, поскольку исследование системы не мыслится без изучения характерных для неё топонимических структур.

Географические названия каждой исторически или географически выделяемой территории образуют определенную систему. Н. В. Подольская отмечает, что «когда мы говорим об ономастической системе, особенно топонимической, то мы имеем в виду систему, локализованную территориально, приуроченную и, как правило, не сосредотачиваем внимания на языке, т.к. любая ономастическая система включает разноязычные имена и часто имеет субстрат» [12, с. 171]. Топонимы любой территории, разнообразны по своей сути, оказываются тесно связанными друг с другом. Доказательством вышесказанного может являться тот факт, что при переименовании некоторых объектов возникают неудобства при пользовании отдельными топонимами.

Таким образом, в топонимии отражаются природные реалии, особенности освоения этой территории, мировосприятие и мировоззрение людей, этнокультурные и этноязыковые контакты и идеология. Изучение топонимов, выявление закономерностей их возникновения, развития и функционирования важно для современных людей, т.к. многие реалии, объекты исчезают, а вместе с

ними исчезают и названия, заключающие в себе духовный культурно – исторический пласт.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Малышева В. А. Топонимы и оттопонимические единицы в лексической системе одного говора. / В. А. Малышева // Дисс. канд. филол. наук. Пермь, 1993. – 213 с.
2. Молчанова О. Т. Модели географических имен в тюркских и индоевропейских языках / О. Т. Молчанова // Вопросы языкознания. – 1990. – № 1. – С. 101-113.
3. Тимошук И.Н. Структурно-морфологические и семантические параметры топонимической системы: проблемы синхронизации и диахронии. Дисс. канд. филол. наук. – Львов, 1990. – 195 с.
4. Ожегов С. И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 стр.
5. Оксфордский словарь английского языка – Толковый словарь современного английского языка для продвинутого этапа. Авторы: Эдмунд Вейнер, Джон Симпсон. Специальное издание для

СССР в двух томах. – Москва. – «Русский язык», 1982.

6. Глинских Г. В. Топонимическая система и структурно–семантические признаки исходных апеллятивов / Г. В. Глинских // Формирование и развитие топонимии: сборник научных трудов. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1987. – С. 29-44.
7. Воробьева И. А. Топонимика Западной Сибири / И. А. Воробьева. – Томск: Изд-во ТГУ, 1977. – 152 с.
8. Мурзаев Э. М. Топонимика и идеография / Э. М. Мурзаев; Рос. акад. наук, Ин-т географии. – Москва: Наука: МАИК Наука, 1995. – 304 с.
9. Подольская Н. В. Исследование топонимии в связи с данными этнографии / Н. В. Подольская // Материалы и исследования по русской диалектологии. Москва, 1961. – Вып. 2. – С. 169-179.
10. Карпенко Ю. А. О синхронической топонимике / Ю. А. Карпенко // Принципы топонимики. – Москва: Наука, 1964. – С. 45–57.
11. Суперанская А. В. Микропонимия, макропонимия и их отличие от собственно топонимии / А. В. Суперанская // Микропонимия. – Москва: Наука, 1967. – С. 31–39.
12. Подольская Н. В. Типовые восточно-славянские топоосновы / Н. В. Подольская. – Москва: Наука, 1983. – 160 с.

PHILOSOPHICAL SCIENCES

SOME PROPERTIES OF LOVE AS THE HIGHEST FORM OF HUMAN VALUE ATTITUDE: PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Baranov E.

teacher of the Department of General education
Russian state University of justice, Moscow

ОТДЕЛЬНЫЕ СВОЙСТВА ЛЮБВИ КАК ВЫСШЕЙ ФОРМЫ ЦЕННОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Баранов Е.В.

преподаватель кафедры Общеобразовательных дисциплин
Российского государственного университета правосудия, г. Москва

Abstract

The article attempts to philosophically consider certain properties of love as the highest form of human value attitude: love is a dynamic process, love is a value attitude, love is an attitude to the object as an unconditional value, love is the center of the human inner world, love is the Foundation and the highest ethical category, love is directed to the object as a whole.

Аннотация

Статье предпринята попытка философского рассмотрения отдельных свойств любви как высшей формы ценностного отношения человека: любовь – это динамичный процесс, любовь – это ценностное отношение, любовь – это отношение к объекту как к безусловной ценности, любовь – это центр внутреннего мира человека, любовь – это основание и высшая этическая категория, любовь направлена к объекту в целом.

Keywords: love, attitude, value attitude, the inner world of man, the subject of love, the object of love, morality, ethics.

Ключевые слова: юбовь, отношение, ценностное отношение, внутренний мир человека, субъект любви, объект любви, мораль, нравственность, этика.

Проблема понимания сущности любви – одна из самых распространённых в истории человеческой мысли, но при этом и одна из самых сложных. Если посмотреть на все попытки приблизиться к пониманию сущности любви, то, как ни странно, в одном они все полностью совпадают, а именно: *любовь – это внутреннее ценностное отношение субъекта к объекту*. Внутреннее – потому что зарождается и протекает внутри субъекта любви; ценностное – потому что объект любви всегда является ценностью для субъекта; субъект любви – это тот, во внутреннем мире которого зарождается и протекает любовь; объект любви – это то, на кого любовь направлена. Таким образом, любви имманентны, т.е. внутренне присущи, следующие признаки: любовь находится всегда во *внутреннем мире субъекта*; любовь – это *отношение*; любовь всегда *ценностна*. Именно через понятие «отношение» можно приблизиться к пониманию сущности любви. Но понятие отношения неоднозначно трактуется в науке, вот почему следует дифференцировать три его основные значения: 1. *Отношение* как связь, единство, соотношение, соотнесение, сравнение: «каждое означает... «по отношению к чему-то»» [3, с. 55]; «соотнесенным называется то, о чем говорят, что то, что оно есть, оно есть в связи с другим или находясь в каком-то ином отношении к другому» [3, с. 66]. 2. *Отношение* как то, что про-

исходит в реальной действительности между субъектами, например, социальные отношения; это отношения между чем-то или кем-то, их можно назвать *отношения «с...»*; т.к. они происходят во внешнем мире субъекта, то они являются *внешними* отношениями. 3. *Отношение* как душевно, т.е. эмоционально-чувственно, переживаемое выражение субъектом своей внутренней субъективной позиции по поводу того или иного объекта, как его приятие или неприятие, как одобрение или неодобрение чего- или кого-либо, наделение субъектом объекта каким-то содержанием, значением, смыслом; и такое внутреннее отношение субъекта к объекту можно назвать *отношением «к...»*; оно лежит во внутреннем мире человека; и такое внутреннее отношение – это всегда *ценностное отношение*. Именно через понятие «внутреннее ценностное отношение» можно приблизиться к пониманию сущности любви, которая раскрывается в следующих свойствах.

1. Любовь – это динамичный процесс: «любовь всегда есть рождающаяся из самодостаточности внутренней жизни динамика» [9, с. 203], в ней заложен «жизненный, живой процесс, отношение к человеку» [5, с. 29], «для акта любви... существенна возможность продвигаться от ценности к ценности, от вершины — к более высокой вершине» [26, с. 354]. Сначала субъект встречает объ-

ект во внешнем себе мире, что происходит на эмпирическом уровне бытия человека через ощущения и восприятие объекта, а также представления о нём; затем уже на когнитивном уровне бытия человека познание объекта обретает более рельефные формы понимания им особенностей объекта, в том числе с помощью понятия, суждений, умозаключений о нём; после чего на душевном, эмоционально-чувственном уровне бытия человека ценностное отношение к объекту достигает наивысшей своей степени, когда объект становится для субъекта безусловной ценностью.

2. Любовь – это ценностное отношение: «всякая любовь — ценностно направленная» [6, с. 483], «любовь во всех своих формах подразумевает осознание высокой ценности любимого человека» [7, с. 38-39]; «благоговейное восхищение, по-видимому, – главнейший компонент любви» [14]; «для наших чувств любимый человек — сверхценность» [19], «любовь... раскрывает перед нами ценностный образ человека» [25]: «кроме непосредственного эмоционального переживания в адрес другого человека любовь подразумевает положительную оценку другого, признание его прав, свобод, достоинств» [34]; «любовь во всех своих формах подразумевает осознание высокой ценности любимого человека» [7, С. 38-39], «быть ценными *друг для друга* — ведь это же часть общезначимого предназначения всякого конечного духовного существа» [26, с. 347], а «любовь обостряет наше видение ценностей» [7, с. 49]. Субъекту любви имманентно, т.е. внутренне присуще, «сознание любящее и полагающее ценность» [4, с. 79], где «наибольшее расширение и углубление сознания ценностей возникает благодаря любви к человеку, к живым существам и особенно к Богу» [12, с. 102]. Любовь – это всегда «момент сильной заинтересованности в предмете как носителе ценности вообще» [26, с. 366], «любовь... есть восприятие ценности конкретного существа» [24, с. 321]. Более того, «любовь значительно увеличивает полноту восприятия ценностей. Врата в мир ценностей как бы распахиваются... любящий переживает внутреннее обогащение... для него вся вселенная расширяется и углубляется, озаряется сиянием тех ценностей, которые видит только тот, кто любит. Ибо хорошо известно, что любовь делает человека не слепым, а зрячим - способным видеть ценности» [25].

3. Любовь – это отношение к объекту как к безусловной ценности: «любовь - отношение к кому- или чему-либо как безусловно ценному» [1], «в основе отношения любви лежит признание максимальной ценности конкретного человека» [10, с. 93], «любовь есть непосредственное восприятие абсолютной ценности любимого» [24, с. 317], «любимый человек... равен для любящего всему человечеству... Он для него как бы абсолютная ценность — ни с чем не сравнимая, важнее всех важных, главнее всех главных» [19], где «любимый на весах любящего делается... бесконечной ценностью» [19]. Какие бы виды любви в зависимости от объекта мы ни рассматривали, «во всех столь разных на первый взгляд проявлениях

любовь едина в главной сути — в отношении к своему предмету как к самооценности» [5, с. 41], потому что любовь – это «особое отношение к другому, в котором этот другой предстанет во всей самоочевидной значимости и целостности, не как вещь среди вещей, а как ценность сама по себе» [5, с. 40]. Вообще для человека, его личности «условиями и одновременно критериями» нормального развития «являются: отношение к другому человеку как к самооценности... (центральное системообразующее отношение)» [5, с. 50]. Объект любви необходим и ценен субъекту, потому что он его любит, но он не потому его любит, что он ему ценен и необходим: «любовь к нему доказывает мне, что он необходим мне» [23, с. 191]. В этом смысле, «любовь остается превращенным в потребность отношением к другому» [11, с. 249]. Именно любовь к другому доказывает мне, что он необходим мне, а не наоборот. Он мне необходим, потому что я его люблю, но я его люблю не потому, что он мне необходим. Его необходимость мне вытекает из любви к нему, но моя любовь к нему не вытекает из его необходимости мне. Моя любовь к нему – вот причина его необходимости для меня, но его необходимость для меня – это не причина моей любви к нему. Объекты необходимости – это в первую очередь предметы, обладающие пользой, полезностью. Полезность объекта не может приводить к любви к нему. Полезность делает объект необходимым, но ещё не любимым. Полезный – значит необходимый как средство, но объект любви самооценен: «лишь любовь с такой исключительностью нацелена на *что-то*—есть, что ей уже не приходится даже специально осуществлять свое *ради-него*, но это как бы само собой получается постоянно в реальности любви» [2, с. 322].

4. Любовь – это центр внутреннего мира человека. Объект любви – это не то, что полезно, а то, без чего экзистенциально невозможно, вот почему «личная любовь говорит о самом тайном, для чего нет слов» [6, с. 489], а «наши чувства ощущают любимого как центр мира» [19], поэтому «в любви мы... все свои помыслы сосредоточиваем на любимом» [16, с. 354]. При этом сама любовь превращается и становится центром внутреннего мира субъекта любви: «кажется чрезвычайно важным признать любовь имманентной... душевной жизни... Это чувство более полно, чем многие другие, может быть — большинство других, связано с всеохватывающим единством жизни. Множество наших чувств наслаждения и боли, уважения и презрения, страха и заинтересованности поднимаются и живут на сильном удалении от той точки, где соединяются течения субъективной жизни, или, точнее: в которой они, как центре, возникают» [9, с. 203], потому что «сущность человека не простой набор отношений, а их ансамбль, центром которого является отношение к другому. Овладевая этим центром, любовь овладевает ключом к постижению всей сущности человека в целом» [5, с. 41]. Любовь как бы цементирует внутренний мир человека, она порождает некий его центр: «любовь... подчиняет "я" высшей реальности, - той реальности, которая

ближе к моей сущности, чем я сам» [13, с. 146]. При этом, «если смотреть на любовь не извне, а изнутри, глазами любящего человека, она не требует обоснования через соотнесение с моралью, искусством, политикой и даже с историей, а сама служит основой осмысления мира и человеческого отношения к нему» [10, с. 89-90]. Вот почему «морализатор видит любовь в зеркале морали, любящий — мораль в зеркале любви» [10, с. 90]. Т.к. любовь обнаруживает и формирует самые главные ценности для человека, то она тем самым обнаруживает и формирует центр его внутреннего мира, относительно которого упорядочиваются остальные ценности и явления его внутреннего мира. В том числе поэтому возникает именно *порядок* любви - «*ordo amoris*» [26], где при этом «любовь... делает неважным все, что не стоит к ней близко» [19]. Любовь, делая центром внутреннего мира объект любви, и сама становится его центром, ядром, значит, главной мотивацией человека, влияющей на все остальные его мотивации, в этом смысле «любовь заставляет нас жить» [15].

И все остальные ценности для субъекта выстраиваются относительно его любви: «любовь есть утверждение другого человека и заключенного в нем способа отношения к миру, к другим людям, а тем самым мое отношение к миру, к другим людям преломляется через отношение к любимому человеку» [18, с. 317]. Субъект любви видит мир сквозь призму любви и её объекты. Любовь, присутствуя во внутреннем мире субъекта, имманентна каждому акту, действию, поступку, совершаемому им, она в снятом виде содержится в каждом его поступке: «любовь, а в более широком смысле — все поведение любящего как такового — есть нечто совершенно единое» [9, с. 202-203].

5. Любовь – это основание и высшая этическая категория: «к моральным чувствам относят любовь, гуманизм, патриотизм, отзывчивость, справедливость, достоинство, стыд и т.д.» [20, с. 275]. Но именно «любовь связана с существенным изменением всего ценностного сознания человека, его аксиологического мира, поэтому она неизбежно некоторым образом относится к морали» [10, с. 90]: «все то в человеке или группе, что мы познаем как морально важное, непременно должно быть... сведено к особому рода строению его актов и потенций любви и ненависти» [26, с. 342], и, в этом смысле, «любовь же есть основное проявление всех добродетелей, без которой никакая способность не может быть добродетелью. Где бы только человек ни обнаруживал добродетель, там дела добродетели должны быть делами любви, а не человека» [27, с. 119].

Любовь является основанием и высшей этической (морально-нравственной) категорией, потому что «моральное отношение к человеку – это любовное отношение к нему» [18, с. 316]; «любовь... завершительное выражение всех основных требований нравственности» [21, с. 57], где, например, «любовь мужчины к женщине, матери к ребенку —

это природная основа этического отношения человека к человеку» [18, с. 318]. И хотя «любовь не единственное, что привязывает нас к жизни. Но без любви все остальное теряет цену» [17, с. 187], «отношение любви... лишает ценностные моральные и эстетические — ориентиры статуса абсолютности, делает их относительными» [10, с. 94]. «Отношение любви выступает как первичное... по отношению к ценностному сознанию человека» [10, с. 94], и если все этические (морально-нравственные) категории также содержат в себе ценностное отношение, то любовь, в этом смысле, отличается от них тем, что является высшей формой внутреннего ценностного отношения, когда «ценность любимого выше всех наиболее значимых, самых высоких ценностей, в том числе и моральных» [10, с. 94]. Более того, только любовь способна увидеть в человеке лучшее, что в нём есть: «в сущности личной любви заложено проникать сквозь эмпирическую личность к идеальной ценности личности... личная любовь может распространяться и на нравственно неразвитого и несовершенного, даже упускающего свой идеальный этос» [6, 484], в этом смысле, «подлинная любовь именно и начинается там, где есть видение идеальной основы личности» [12, с. 193]. Более того, только любовь способна увидеть в человеке то лучшее, что в нём могло бы быть: «человек, как он есть, рассматривается ею как гарантия высокого нравственного бытия... Любовь есть этическое предвосхищение» [6, с. 484]. И, рассматривая любовь в религиозно-этическом аспекте, можно утверждать, что «основное отношение Бога к людям есть отношение не суда, а *любви*; поэтому грех рассматривается не как вина и преступление, не как нарушение объективной нормы или ценности добра, а как опасность, как болезнь, угрожающая человеку гибелью» [24, с. 306].

6. Любовь направлена к объекту в целом. Одно из отличий любви от иных форм ценностного отношения человека в том, что если ценностное отношение к объекту может быть вызвано какими-то его отдельными качествами (свойствами, признаками и т.д.), то любовь как высшая форма ценностного отношения, которой имманентно, т.е. внутренне присуще, отношение к объекту как к безусловной ценности для субъекта, не может быть только к отдельным качествам (свойствам, признакам и т.д.) объекта, любовь всегда направлена к *объекту в целом*, потому что любовь – это «особое отношение к другому, в котором этот другой предстанет во всей самоочевидной значимости и целостности» [5, с. 40] и «личная любовь направлена на конкретную индивидуальную ценность личности, как целого» [12, с. 187]; «любовь овладевает ключом к постижению всей сущности человека в целом» [5, с. 41], и «для того чтобы вызвать в нас любовь, перед нами должна проявиться как прекрасная и драгоценная индивидуальность всей личности в целом» [7, с. 45]. При этом «любовь всегда направлена на целостность человека, а не на от-

дельные его совершенства и деяния; сколь бы ценными они ни были — они могут служить разве что мостом в отношении к этой целостности» [8, с. 341].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Апресян Р.Г. Философия любви: история идей. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.read.in.ua/book226999/> (дата обращения: 10.12.2018).
2. Арндт Х. *Vita activa*, или О деятельной жизни. - СПб.: Алетейя, 2000 г. - 437 с.
3. Аристотель. Категории // Сочинения в четырех томах. Т. 2. - М.: Мысль, 1978. - 687 с.
4. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1979. — 424 с.
5. Братусь Б.С. Аномалии личности. — М.: Мысль, 1988. — 301, [2] с.
6. Гартман Н. Этика. - Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2002. — 707 с.
7. Гильдебранд Д. Метафизика любви. - СПб.: Алетейя, ТО Ступени, 1999. — 630 с.
8. Зиммель Г. Гёте // Избранное. Том 1. Философия культуры. — М.: Юрист, 1996. - 671 с.
9. Зиммель Г. Фрагмент о любви // Избранное. Том 2. Созерцание жизни. — Москва: Юристъ, 1996. — 608 с.
10. Зубец О.П. Одной любви музыка уступает... // Этическая мысль: Науч.-публицист. чтения / Редкол.: А.А. Гусейнов и др. — М.: Политиздат, 1990. — 480 с.
11. Левинас Э. Тотальность и Бесконечное // Избранное. Тотальность и Бесконечное. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. - 416 с.
12. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра: Основы этики // Условия абсолютного добра: Основы этики; Характер русского народа. - М.: Политиздат, 1991. - 368 с.
13. Марсель Г. Быть и иметь. - Новочеркасск: Агентство Сагуна, 1994. — 160 с.
14. Маслоу А. Мотивация и личность. - СПб.: Евразия, 1999. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.klex.ru/25g> (дата обращения: 10.12.2018).
15. Мэй Р. Любовь и воля. - М.: Рефл-бук - К.: Ваклер, 1997. - 384 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://yanko.lib.ru> (дата обращения: 10.12.2018).
16. Ортега-и-Гассет Х. Этюды о любви // Эстетика. Философия культуры. — М.: Искусство, 1991. — 588 с.
17. Прехт Р. Любовь. — М.: АСТ: Астрель, 2011. — 443, [5] с.
18. Рубинштейн С.Л. Человек и мир // Мир и эрос: Антология философских текстов о любви / Сост. Р.Г. Подольный. — М.: Политиздат, 1991. — 335 с.
19. Рюриков Ю.Б. Мед и яд любви. (Семья и любовь на сломе времен — I). — М.: Молодая гвардия, 1990. — 448 с. - [Электронный ресурс]. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/rurikov_med/ (дата обращения: 10.12.2018).
20. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъективности. — М.: Школа-Пресс, 1995. — 384 с.
21. Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Сочинения в 2 тт. Том 1. - М.: Мысль, 1990. - 892, [2] с.
22. Столин. Самосознание личности. - М.: Издательство Московского Университета, 1983. — 288 с. — [Электронный ресурс]. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/stolin_samo/?search=%d1%f2%ee%eb%e8%ed#st (дата обращения: 10.12.2018).
23. Фейербах Л. Сущность христианства // Избранные философские произведения, Т. 2. — М.: Гос. издат. политической литературы, 1956. - 944 с.
24. Франк С. Л. С нами Бог // Духовные основы общества. - М.: Республика, 1992. — 511 с.
25. Франкл В. Человек в поисках смысла. — М.: Прогресс, 1990. — 368 с. С. 157-284. [Электронный ресурс]. URL: http://www.krotov.info/library/f/frankl/sm_liub.html (дата обращения: 10.12.2018).
26. Шелер М. *Ordo amoris* // Избранные произведения. — М.: Гнозис, 1994. — 490 с.
27. Экхарт М. Духовные проповеди и рассуждения. Репринтное изд. 1912 г. - М.: Политиздат, 1991. — 192 с.

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

A COMPARATIVE VIEW ON VIOLENCE AND SELF-DEVELOPMENT OF PEOPLE IN ARAB SECTOR OF ISRAEL

Ayoub E.

PhD student, ULIM, Chisinau, RM,
coordinator of students health service in special education, Israel,

Ștefârța A.

dr., associated professor, ULIM, RM.

Abstract

The article gives a view on actual perception of people on violence and self-development in Arab Sector of Israel. There are presented results of a research made in Arab Sector of Israel where a number of interviewed people were asked about their realization of their cultural needs, about realization of their spiritual/religious needs, about the possibility of their self-development.

Keywords: violence, relationship, family, conflicts, wife, husband, kids, friends, colleagues, school, conditions.

The violence is considered to be an verbal or physical action made with an intention by one family member against another family member [1]. Problems are not solved, and that gives us a look to that life is accompanied with torture and suffering. This action provokes physical, psycho-emotional, sexual suffering and material damages [2]. Domestic violence, according contemporary theories is considered to have 5 aspects: pain/suffering, an action made on discriminatory basis with an intention to punish, to intimidate, to oppress a person [3].

There is a reduced number of researches made in Arab Sector of Israel on (family) violence, that made us to begin to study this action according people's realization of their cultural needs, about realization of their spiritual/religious needs, about the possibility of their self-development.

In our research we were interested to find what are attitudes of people from Arab Sector of Israel on violence and some aspects of self-development.

There were 240 people of different ages, as are: 120 women (40 women aged between 20-40, 40

women aged 41-60, 40 women aged between 61+) and 120 men (40 men aged between 20-40, 40 men aged 41-60, 40 men aged between 61+).

We found that being asked about the possibilities of realization of their cultural needs (completely unsatisfied is 1 point and completely satisfied are 10 points), the interviewed person told that (Fig. 1, Fig. 2, Fig. 3):

- women of ages 20-40 are completely unsatisfied of their possibilities of realization of cultural needs in Arab Sector of Israel as are points 1-5 – about 25% and completely satisfied as are points 6-10 – from 10% (point 10), 15% (points 6 and 7), 20% (point 9) to 25% (point 8);

- men of ages 20-40 are completely unsatisfied of their possibilities of realization of cultural needs in Arab Sector of Israel as are points 1-5 – from 2,5% (as non-answer) to 0% (points 1-5) and completely satisfied as are points 6-10 – from 12,5% (point 6), 15% (point 9), 17,5% (point 7), 22,5% (point 10) till 30% (point 8);

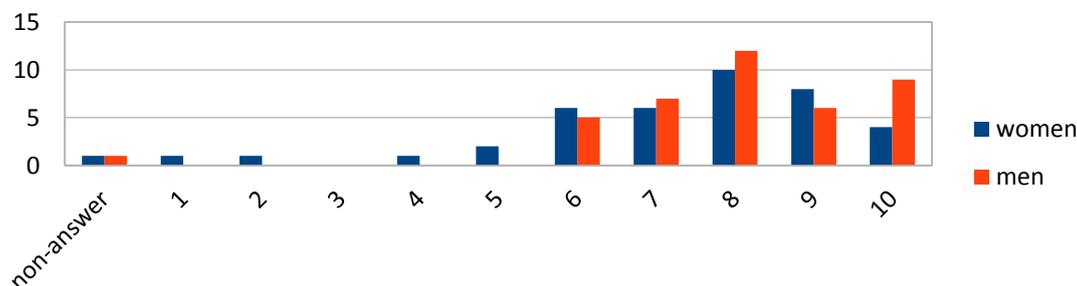


Figure 1. The possibilities of realization of the cultural needs of respondents (women and men aged 20-40)

- women of ages 41-60 are completely unsatisfied of their possibilities of realization of cultural needs in Arab Sector of Israel as are points 1-5 – from 0% (points 1, 2, 3) to 2,5% (point 5) and 5% (point 4), and completely satisfied as are points 6-10 – from 10% (point 7), 17,5% (points 9 and 10), 20% (point 6) to 27,5% (point 8);

- men of ages 41-60 are completely unsatisfied of their possibilities of realization of cultural needs in Arab Sector of Israel as are points 1-5 – from 0% (points 1, 2, 3, 5) to 2,5% (point 4) and completely satisfied as are points 6-10 – from 15,5% (point 6), 17% (point 9), 20% (point 10) to 22,5% (point 7, 8);

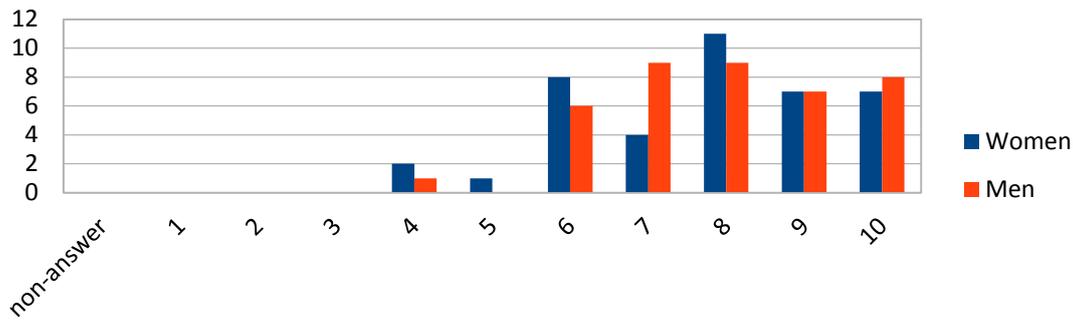


Figure 2. The possibilities of realization of the cultural needs of respondents (women and men aged 41-60)

- women of ages 61+ are completely unsatisfied of their possibilities of realization of cultural needs in Arab Sector of Israel as are points 1-5 – from 0% (points 1, 2, 3) to 2,5 % (point 5) and 7,5 % (point 4), and completely satisfied as are points 6-10 – from 7,5 % (point 7), 12,5% (point 6), 20% (point 9), 22,5% (point 10) to 27,5% (point 8);

- men of ages 61+ are completely unsatisfied of their possibilities of realization of cultural needs in Arab Sector of Israel as are points 1-5 – from 0% (points 1, 2, 3) to 2,5% (points 5) and 5% (point 4), and completely satisfied as are points 6-10 – from 10% (point 6), 12,5% (point 7), 10% (point 8) to 25% (points 9, 10).

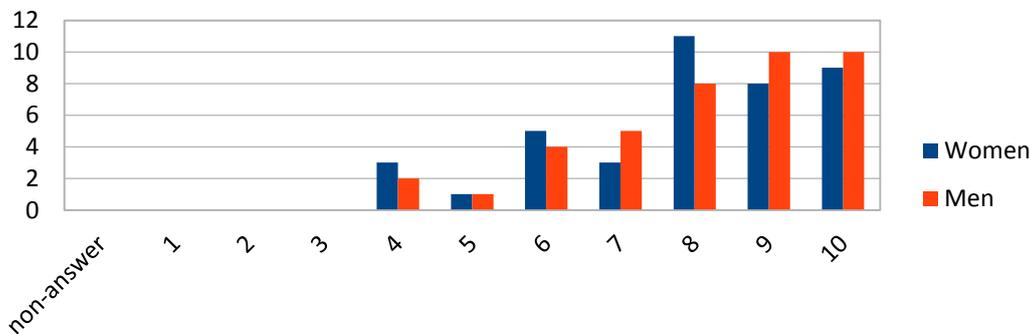


Figure 3. The possibilities of realization of the cultural needs of respondents (women and men aged 61+)

We found that being asked about the possibilities of realization of their spiritual/religious needs (completely unsatisfied is 1 point and completely satisfied are 10 points), the interviewed person told that (Fig. 4, Fig. 5, Fig. 6):

- women of ages 20-40 are completely unsatisfied of their possibilities of realization of spiritual/religious needs in Arab Sector of Israel as are points 1-5 – from 0% (points 1, 2, 3, 4) to 2,5% (point 5) and completely

satisfied as are points 6-10 – from 12,5% (point 6), 15% (points 7 and 10) to 27% (point 8, 9);

- men of ages 20-40 are completely unsatisfied of their possibilities of realization of spiritual/religious needs in Arab Sector of Israel as are points 1-5 – from 0% (points 1, 2, 4) to 2,5% (points 3, 5) and completely satisfied as are points 6-10 – from 10% (point 10), 15% (point 7), 10% (point 6) to 25% (point 8, 9);

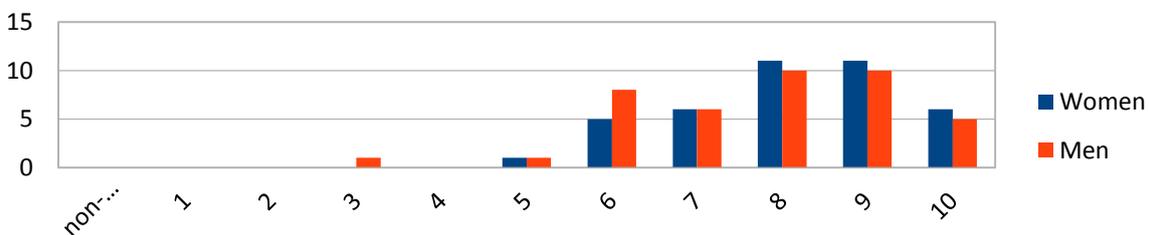


Figure 4. The possibilities of realization of the cultural needs of respondents (women and men aged 20-40)

- women of ages 41-60 are completely unsatisfied of their possibilities of realization of spiritual/religious needs in Arab Sector of Israel as are points 1-5 – from 0% (points 2, 3, 4) to 5% (point 1) and 10% (point 5), and completely satisfied as are points 6-10 – from 5%

(point 6), 12% (point 7), 15% (point 10), 17% (point 9) to 35% (point 8);

- men of ages 41-60 are completely unsatisfied of their possibilities of realization of spiritual/religious needs in Arab Sector of Israel as are points 1-5 – from 0% (points 1, 2, 3, 4) to 7,5% (point 5) and completely

satisfied as are points 6-10 – from 5% (point 6), 15% (point 9), 17,5% (point 7), 20% (point 10), 22,5% (point 7) to 30% (point 8);

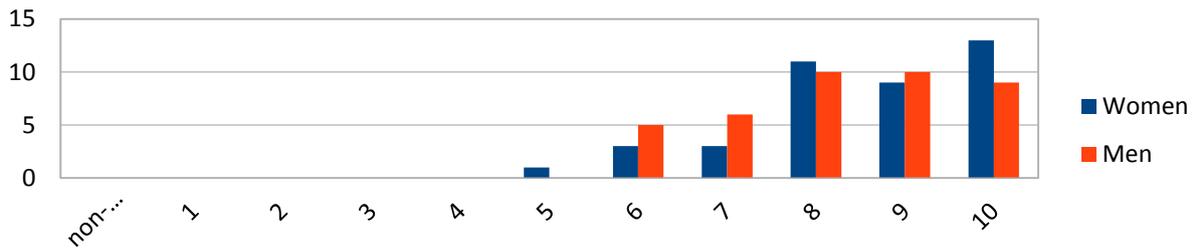


Figure 5. The possibilities of realization of the cultural needs of respondents (women and men aged 41-60)

- women of ages 61+ are completely unsatisfied of their possibilities of realization of spiritual/religious needs in Arab Sector of Israel as are points 1-5 – from 0% (points 2, 3, 4) to 2,5 % (point 1) and 7,5% (point 5), and completely satisfied as are points 6-10 – from 6% (point 6), 10% (point 7), 17,5% (point 9), 25% (point 10) to 32,5% (point 8);

- men of ages 61+ are completely unsatisfied of their possibilities of realization of spiritual/religious needs in Arab Sector of Israel as are points 1-5 – from 0% (points 2, 3), 2,5% (points 1, 4) to 5% (point 5), and completely satisfied as are points 6-10 – from 7,5% (point 6), 12,5% (point 7), 20% (point 8), 22,5% (point 9) to 27,5% (point 10).

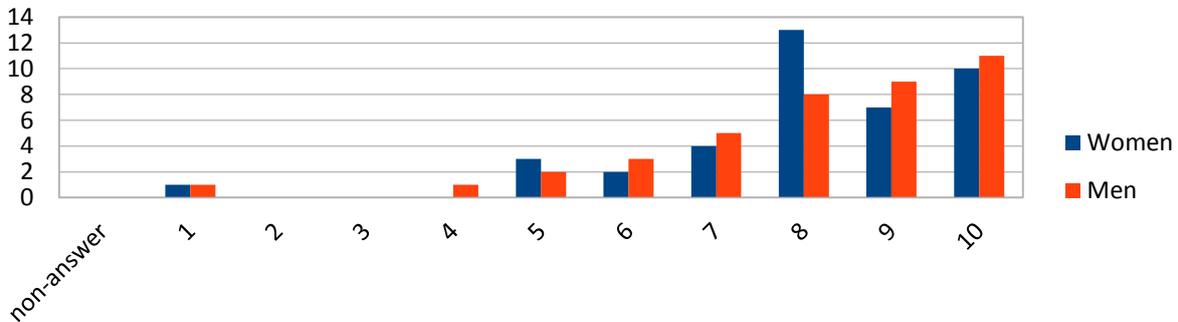


Figure 6. The possibilities of realization of the cultural needs of respondents (women and men aged 61+)

We found that being asked about the possibilities of their self-development (completely unsatisfied is 1 point and completely satisfied are 10 points), the interviewed person told that (Fig. 7, Fig. 8, Fig. 9):

7,5% (point 6, 7), 22,5% (point 9), 27,5% (point 8) to 32,5% (point 10);

- women of ages 20-40 are completely unsatisfied of their self-development in Arab Sector of Israel as are points 1-5 – from 0% (points 1, 2, 3, 4) to 2,5% (point 5) and completely satisfied as are points 6-10 – from

- men of ages 20-40 are completely unsatisfied of their self-development in Arab Sector of Israel as are points 1-5 – 0% (points 1, 2, 3, 4, 5) and completely satisfied as are points 6-10 – from 12,5% (point 6), 15% (point 7), 22,5% (point 10) to 25% (point 8, 9);

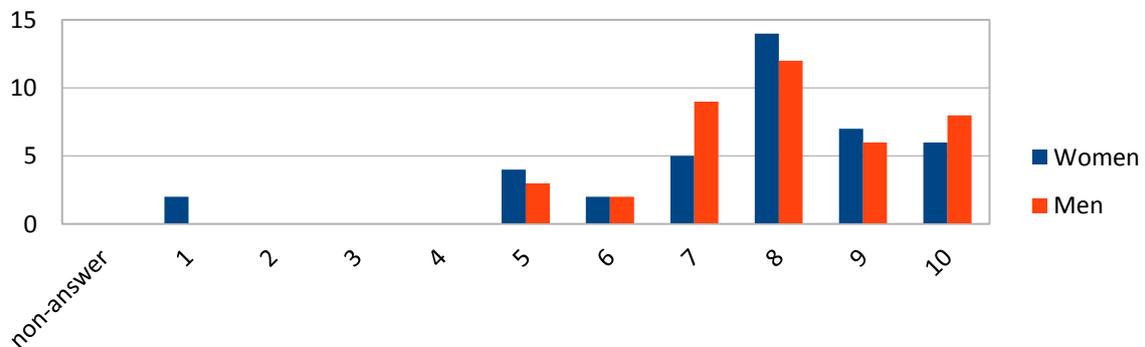


Figure 7. The possibilities of realization of the cultural needs of respondents (women and men aged 20-40)

- women of ages 41-60 are completely unsatisfied of their self-development in Arab Sector of Israel as are

points 1-5 – from 0% (points 1, 2, 5) to 2,5% (point 4) and 5% (point 3), and completely satisfied as are points

6-10 – from 10% (point 6), 12,5% (point 9), 15% (point 10), 17% (point 7) to 37,5% (point 8);

- men of ages 41-60 are completely unsatisfied of their self-development in Arab Sector of Israel as are

points 1-5 – from 0% (points 1, 2, 4) to 2,5% (points 3, 5) and completely satisfied as are points 6-10 – from 5% (point 6), 15% (point 9), 20% (point 10) to 27,5% (point 7, 8);

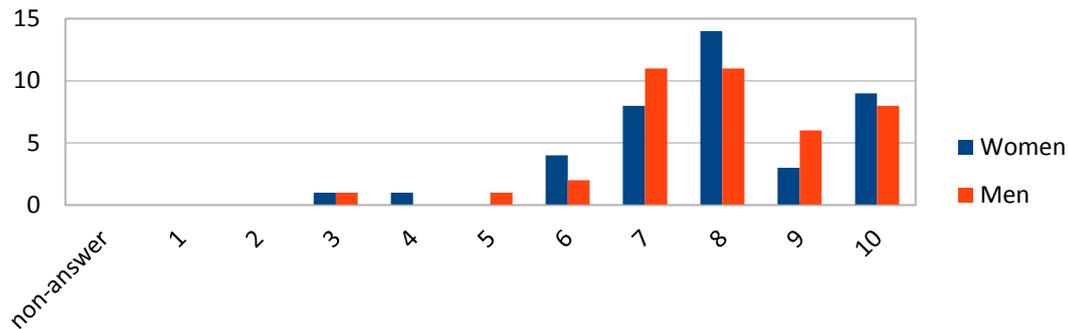


Figure 8. The possibilities of realization of the cultural needs of respondents (women and men aged 41-60)

- women of ages 61+ are completely unsatisfied of their self-development in Arab Sector of Israel as are points 1-5 – from 0% (point 1), 2,5% (point 2), 10% (point 3), 12,5% (point 4) to 22,5% (point 5), and completely satisfied as are points 6-10 – from 7,5% (point 6, 10), 10% (points 8, 9) to 17,5% (point 7);

- men of ages 61+ are completely unsatisfied of their self-development in Arab Sector of Israel as are points 1-5 – from 0% (points 1, 2, 3, 4, 5), and completely satisfied as are points 6-10 – from 10% (point 6), 17,5% (point 8), 20% (point 7), 25% (point 10) to 27,5% (point 9).

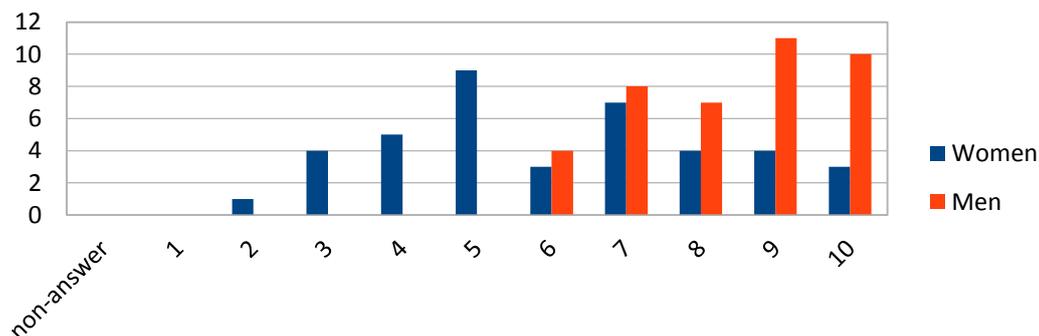


Figure 9. The possibilities of realization of the cultural needs of respondents (women and men aged 61+)

From obtained data we can conclude that in Arab Sector of Israel:

- realization of cultural needs is considered to be in a high level (92,5% of general number of all respondents):

- age 20-40 - 91,25% (men are more satisfied (97,5%) comparing women (85%));

- age 41-60 – 95% (men are more satisfied (97,5%) comparing women (92,5%));

- age 61+ - 91,25% (men are more satisfied (92,5%) comparing women (90%));

- realization of spiritual/religious needs is considered to be in a high level (91,66 of general number of all respondents):

- age 20-40 – 96,25% (women are more satisfied (97,5%) comparing men (95%));

- age 41-60 – 88,75% (men are more satisfied (92,5%) comparing women (85%));

- age 61+ - 90% (the level of satisfaction is equal (men – 90%, women 90%))

- possibility of self-development is considered to be in a high level (89,58% of general number of all respondents):

- age 20-40 – 98,75% (men are more satisfied (100%) comparing women (97,5%));

- age 41-60 – 93,75% (men are more satisfied (95%) comparing women (92,5%));

- age 61+ - 76,25% (men are more satisfied (100%) comparing women (52,5%)).

The present paper made on actual perception of people on violence and self-development in Arab Sector of Israel was based on a comparative study of people's realization of their cultural needs, realization of their spiritual/religious needs, and the possibility of their self-development.

The obtained results showed that people in actual Arab Sector of Israel consider their realization of cultural needs to be on a high level (92,5% of general number of all respondents); the realization of spiritual/religious needs to be on a high level (91,66 of general number of all respondents); possibility of self-development to be on a high level (89,58% of general number of all respondents).

REFERENCES:

1. Stefarta A., Ayoub E. A view on education, life and attitudinal aspects for violence in Arab Sector of Israel. In: Eastern European Journal of Regional Studies. Chisinau: CEIS ASEM. 2018, vol. 4. p. 23- 46.
2. Ayoub E., Stefarta A. Opinions about the

cultural orientation of the people in Arab Sector of Israel: women perspectives. In: The intellectual and scientific potential of the XXI century. 2017, p. 212-218.

3. Ayoub E., Stefarta A. Gender, others, another ethnical group, culture: opinions an attitudes of Arab Sector of Israel women. In: Modern research and development. 2017, p. 582-590.

УДК 316.752.4

INTERETHNIC RELATIONS AND NATIONAL IDENTITY IN MODERN RUSSIA: PROBLEMS AND DEVELOPMENT PROSPECTS IN THE CONTEXT OF ETHNIC PSYCHOLOGY

Pecherskaya N.

PhD, Junior researcher, Institute of Interdisciplinary Studies of Global Processes and Glocalization, UNESCO Network Department, Rostov State Economic University (RINH) Donskoy state technical university, assistant Professor of the Department of Media Management and Media Production Rostov-on-Don, Russian Federation

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ В КОНТЕКСТЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Печерская Н.М.

Кандидат психологических наук, младший научный сотрудник, Института междисциплинарных исследований глобальных процессов и глокализации, сетевая кафедра ЮНЕСКО Ростовского государственного экономического университета (РИНХ); Донской государственный технический университет, доцент кафедры медиаменеджмента и медиапроизводства, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация.

Abstract

Interest to the question of interethnic relations, as well as the problems of national identity manifested itself mostly in the post-Soviet space, twenty-seven years after the Union of Soviet Socialist Republics ceased to exist as a state. A quarter of a century, which, to begin with, requires at least historical and psychological reflection, prompts us to talk about the need for a problem-specific analysis in this scientific field as applied to regions of the Russian Federation that are notable for the maximum poly-ethnicity of the population living there. The vector of problems is set at the domestic local level, by the presence of a sufficient number of mixed marriages, as successors of the Soviet ideology that dictated the cross-cultural priorities of mutual relations. Globalization simplifies sub-culture connotations to political declarations. The transformation of national memory is directly related to the peculiarities of changes in national identity and mentality, which requires clarification of issues within the scientific community. An interdisciplinary approach to such research is obvious. History, political science, ethnic psychology every time when intolerance towards representatives of a particular nationality begins to infringe upon their rights, as well as the rights of individual subjects of the Russian Federation, reminds us of the problems of national relations revealed in history - assimilation, alienated identity, "apathy of witness", segregation, genocide, which pose threats to national identity. Pedagogy remains unchanged in its appeals for moral and ethical education, using the examples of the national spiritual heritage. Media culture makes this whole process expressive in media production and media consumption.

Аннотация

Интерес к вопросу межнациональных отношений, так же как и проблематика национальной идентичности наиболее проявился на постсоветском пространстве, через двадцать семь лет после того как перестал как государство существовать Союз Советских Социалистических Республик. Четверть века, требующего для начала хотя бы историко – психологической рефлексии, побуждает нас говорить о необходимости проблемологического анализа в этой научной области применительно к регионам РФ, отличающимися максимальной полиэтничностью проживающего на нём населения. Вектор проблематики задаётся на бытовом локальном уровне, наличием достаточного количества браков полиэтничных, как преемников советской идеологии, диктовавшей кросс культурные приоритеты взаимоотношений. Глобализация упрощает коннотации субкультуры до политических деклараций. Трансформация национальной памяти непосредственно связана с особенностями изменения национальной идентичности и ментальности, что требует уточнения вопросов в пределах научного сообщества. Междисциплинарный подход в подобных исследованиях очевиден. История, политология, этническая психология каждый раз, когда нетерпимость по отношению к представителям той или иной национальности начинает ущемлять их права, а так же права от-

дельных субъектов РФ, напоминает нам о проблемах национальных отношений, явленных в истории - асимилиации, отчуждённой идентичности, «апатии свидетеля», сегрегации, геноциде, которые создают угрозы национальной идентичности. Педагогика остаётся неизменна в своих призывах о морально - нравственном воспитании на примерах национального духовного наследия. Медиа культура делает выразительным весь этот процесс в медиа производстве и медиа потреблении.

Keywords: interethnic relations, national identity, features of the transformation of national identity and mentality, alienated identity, the Holocaust, the reorientation of aggression, Christian globalistics.

Ключевые слова: межнациональные отношения, национальная идентичность, особенности трансформации национальной идентичности и ментальности, отчуждённая идентичность, Холокост, переориентация агрессии, христианская глобалистика.

Актуальность изучения не только проблематики, но и перспектив развития межнациональных отношений в современной России, по-прежнему определяется широким спектром, затрагиваемых в последние десятилетия в научных исследованиях, тем о межнациональных отношениях: в массовом сознании реформируемого общества (Кертанов Р.А., 2000); в контексте основных типов управления ими (Тингуев М.Н., 2012); в условиях полиэтничного мегаполиса (Мазурина Н.Г., 2008), и учёта исторического опыта народов Северного Кавказа (Мусаева С.И., 2001), а так же теоретико-правовых проблем их регулирования (Мусаева Н.М., 2006) и конечно государственного регулирования отношений в субъектах РФ (Корчагин А.П., 2007). Одним из примеров научно-исследовательских интересов в этой области является Южный федеральный университет, наглядным примером полиэтничности студенческой жизни – Ростовский государственный экономический университет, Донской государственный технический университет, и это неслучайно. Северный Кавказ - уникальный пример исторически сложившихся отношений между народами, проживающими на его территории, которые преодолевая трудности в решении этих проблем, сохраняют и продолжают развивать отношения между собой, посредством различных форм сотрудничества, в том числе и в сфере образования.

Межэтнические отношения – субъективно переживаемые отношения между людьми, принадлежащими к разным этническим общностям. Такие отношения складываются в разных сферах жизни – в области политики, трудовой деятельности, быта, семьи, дружеского, неформального общения. Проблемологический анализ на сегодняшний день применительно к исследованиям динамики психологического знания рассматривается как наиболее качественный метод [1]. Он опирается на признание проблем этнопсихологии в качестве системообразующего фактора научного познания. В свою очередь Третья международная научная конференция «Междисциплинарность в современном социальном гуманитарном знании - 2018» [24], проходившая в сентябре 2018 года в Южном федеральном университете подчёркивает важность междисциплинарности в определении проблемного поля этнической психологии, и оставляет возможность выхода к другим областям научного знания. Это объясняется и тем, что предмет этнопсихологии охватывает широкий спектр проблем, в том числе и этническое

своеобразие межкультурных контактов этнических групп.

По результатам Всероссийской переписи населения 2002 года в современной России проживает 160 народов, а на территории Северного Кавказа - более 30 национальностей. По словам президента России В.В. Путина «...общество лишь тогда способно ставить и решать масштабные национальные задачи, когда у него есть общая система нравственных ориентиров, когда в стране хранят уважение к родному языку, к самобытной культуре и к самобытным культурным ценностям, к памяти своих предков, к каждой странице нашей отечественной истории». За последние десятилетия в результате внутренних миграционных процессов Северный Кавказ и в частности Ростовская область на своей территории приняла большое количество мигрантов других стран, прежде всего республик бывшего СССР. Исторический примордиализм Ю.В.Бюромля [8] применительно к этим социэтническим группам устраняет критерий территориальной устойчивости их проживания и самосознанием, фиксированном в самоназвании (этнониме). Некоторые из них перешли к устоявшимся стереотипам, влияющим на межэтнические отношения. Советский гражданин выступает как этничность, продукт манипулирования со стороны элит. Здесь можно сказать, что инструменталисты рассматривают этничность как инструмент, при помощи которого люди добиваются тех или иных целей и не ориентированы на поиск этноса как такового. На постсоветском пространстве самоназвание восстанавливает ощущение социальной справедливости, утраченной в годы Советской власти. Наполняется это этническими маркерами физического облика, религии, языка. Одна из проблем этнических идентичностей затрагивает область идентичности представителей полиэтничных браков, которая максимально объективируется в моменты межэтнических конфликтов [12].

Учитывая социально-психологические условия развития этноса нельзя забывать, что отдельный носитель определенной этнической культуры имеет своё предметное поле: проявления индивидуального своеобразия на личностном уровне и социальных особенностей в пространстве больших групп. Современное кризисное состояние развития социума этничность с одной стороны нивелирует мультикультурностью социума, а с другой, акцентирует и делает ведущим фактором социально-по-

литической определенности социальных групп. Этничность по-разному рассматривается представителями философских учений [10,11, 13, 15].

№п/п	Философское учение	Определение этничности
1	Конструктивизм	В национальной идентичности использует этничность для искусственного создания отличий между этносами
2	Абсолютизм	Позволяет предполагать, что этнопсихологические феномены некоторых этносов остаются неизменными в различных культурах
3	Релятивизм	Предлагает рассматривать формы поведения в этносе, которые предшествуют цивилизационному этапу развития

До цивилизационные формы поведения с психоаналитической точки зрения выступают своеобразным защитным механизмом регрессии, который в переходный период обеспечивал минимальную стабильность этнической идентичности. Универсализм говорит нам о том, что есть универсальные общие для всех представителей различных этносов закономерности и принципы работы разума. Л.С.Выготский и А.Р.Лурия утверждали, что культурные контексты задают и способы мышления, и этническую идентичность. «Стоит общественно-историческим условиям измениться, чтобы изменились и особенности познавательных процессов» [15]. Конструктивистами ниши для этнической идентичности конструируются в виде этнических маркеров, и формируются на разной основе, в зависимости от того, как наиболее эффективно отделить данный этнос от другого. Социально-групповое расслоение по статусному имиджу - реконструкция дворянства, казачества, старейшин на Кавказе на постсоветском пространстве [11]. Напрашиваются вопросы, почему на глобальном уровне национально-психологические особенности и собственное понимание толерантности становится основообразующим фактором становления национальных государств, а на локальном уровне трансформации этнической идентичности и ментальности несут в себе новое переосмысление перспектив преодоления проблем национальных взаимоотношений. Люди оказываются в затруднительной ситуации выбора своей этнической идентичности. В результате наблюдается заметное снижение толерантности в межэтнических контактах. Большинство отвергается не свойственный им образ жизни. Появляется этнолукизм как дискриминация этнических групп по внешнему облику [3] или отчуждённая идентичность [23]. Человек перестаёт руководствоваться в своём поведении национальными традициями и обычаями, как некими истинами, не вызывающими сомнения. На постсоветском пространстве меняется понимание малой и большой родины (СССР, СНГ) представителями разных этносов, что наиболее остро даёт о себе знать в момент этнических конфликтов.

Этническая идентичность в разрешении этнических конфликтов опирается на широко декларируемые факты о военном противостоянии в прошлом. К Лоренц для урегулирования и предотвращения в дальнейшем конфликта ввел понятие «переориентированная агрессия», которая в состоянии

предотвратит социально вредные проявления агрессии. Для предотвращения конфликтов и постконфликтного регулирования отношений он предлагает такие механизмы, как воодушевление представлений противостоящих этнических групп общими ценностями и идеями, а также установление взаимодействия между этносами на уровне личного знакомства их представителей [17]. Сопоставительный анализ кросс-культурных компонентов ценностного слоя образа мира представителей европейской, азиатской части, и юга России показал доминирование следующих ценностей установок - либо индивидуальных, либо коллективных, либо религиозных. У представителей русского этноса преобладает ценность социума для реализации личности и её связи с миром. У представителей армянского и арабского этносов - принадлежность к клану, значимой социальной группе у армян, семья - диаспоре, у арабов - диаспоре религии. У русских и в традиционно-ортодоксальном, и атеистическом понимании идеи бога этническая и религиозная идентичности определяются принадлежностью к церкви [1].

Религиозная система надсистемна по причине своего первенства в построении мифа о зарождении межнациональных отношений при строительстве Вавилонской башни, в книгах [25], дающих начало авраамическим религиям. В дальнейшем эти отношения координируются в пределах разрешающих и запрещающих заповедей закона, а в христианстве нивелируются до универсального принципа братолюбия где «нет ни эллина, ни иудея», который для морального самосознания утверждается идеей трансцендентного и таинственного бога. Позднее конфессионально расщепляясь, этот принцип, претворяется в деятельности социальных общностей религиозных братств, которые объединяют в себе представителей разных этносов с общей религиозной идентичностью, сформированной на основании догмата церкви разных конфессии. Зачастую этнические конфликты в истории вспыхивали на религиозной почве. В некоторых случаях религиозный конфликт использовался для решения геополитических задач и защиты национальных интересов [26].

С социально-психологической точки зрения переориентация агрессии в вопросе предотвращения подобных межэтнических конфликтов предполагает понимание исторической последовательности смены религиозных знаний и дискурса теологии в репертуаре интерпретаций образа бога и

попыток объяснения подлинности религиозных текстов относительно периодов истории церкви.

№п/п	Гносеологический вариант ответа на вопрос о подлинности евангельского повествования	
1	Традиционно-ортодоксальный	оставляет право сохранять религиозное вероучение, разделяющееся по конфессиям и теологическим доктринам.
2	Воинствующе просветительский и атеистический	понимание, как выдумки и мифа, которое не изменяет своей привычке делать упор на исторических условиях возникновения религии, на социально-типологических, психосоциальных и художественных аспектах образа бога.
3	Рационалистический исторический	объясняет как историческую личность и основоположника нового религиозного учения.
4	Научно-рационалистический с отсроченным объяснением	оставляет за развивающейся наукой право в будущем объяснить рациональными способами сверхъестественные явления.
5	Мифологический	неоднократно подвергается доктринально-теоретической и литературной обработке. Огромное количество этнографов, антропологов, фольклористов, религиоведов, психоаналитиков и специалистов в других областях научного знания объясняют это как случай закрепления событий в коллективной памяти досовременных народов.
6	Нарратологический	даёт возможность выстроить биографию основоположника религии, лишённую каких бы то ни было сверхъестественных элементов с дальнейшим запуском в упрощённой форме процессов его героизации и подражания ему. Именно в этом аспекте межкультурной коммуникации рефлексивное Я объединяет в себе, как религиозные, так и гражданские чувства.

Аспект религиозной идентичности через принадлежность к церкви, диктующей выбор, например, медиа продукции для личного пользования наглядно представлен в официальной рекомендации РПЦ отказать в показе к/ф Мартина Скорсезе «Последнее искушение Иисуса Христа» по российскому ТВ¹. В медиа дискурсе мы наблюдали противостояние традиционно-ортодоксального варианта ответа и рационалистически исторического. Позднее инцидент был частично и традиционно сглажен в пользу показа к/ф Мэла Гибсона «Страсти Христовы»². СМИ и киноиндустрия мобилизует, таким образом, этническую идентичность как особые представления о своей национальности, языке, культуре, религии, истории, территории, интересах и готовности действовать во имя этих интересов [9].

В свою очередь постклассический этап 20-21 веков конструкционизма ставит под сомнение реальность этносов и признаёт их конструктами, солидаризирующими население. Национальность – это искусственно создаваемый феномен, как совокупность социально-психологических черт, моделей поведения, которыми характеризуются представители различных государств [13]. На первый план выходят ситуации межкультурного взаимодействия, национальные ценностные контексты, смыслы, архетипы. Наряду с этнической идентичностью отстаивает своё право на существование локальная идентичность, которая рассматривается

как особый вид коллективной и культурной идентичности. Можно подчеркнуть, что в этот вид достаточно органично вписываются постоянно смещаемые теми или иными внешними факторами традиции, которые касаются чётко ограниченной территории, на специфически общественных, культурных, символических, экономических, топографических чертах, присущих данному месту. Особенность темы Холокоста – вопрос локальной идентичности, сохраняющей себя на символических модусах религиозной культуры иудаизма. Исторически, длительное время не имеющая чёткой территориальной привязанности, выстраивающая свои экономические или топографические черты в зависимости от временной осёдлости [13]. Этот пример локальной идентичности мобилизовался в медиа пространстве с выходом в 1987 году фильма британского режиссера Джека Голда «Побег из Собибора», демонстрируя ряд исторически наглядных проблем национальной идентичности в межнациональных отношениях (ассимиляция, «апатия свидетеля», сегрегация, геноцид). Психологично отношение к продуктам культуры, к смыслу культурных явлений, где главной задачей этнической психологии является выявление типичных коллективных переживаний [7]. Система эмоциональных оценок окружающего мира направляет, побуждает восприятие, мышление и поведение коллективного субъекта.

¹Лицом к лицу с Леонидом Парфеновым (1997) - Радио Свобода/ <https://www.svoboda.org/a/28886078.html>

²Представители РПЦ - о фильме Мэла Гибсона "Страсти Христовы" / <https://www.sova-center.ru/religion/news/authorities/feelings/2004/03/d1860/>

Имея дело с этнической ментальностью, следует понимать её как матричную структуру, элементы которой связаны с компонентами, конструк-

тами и контекстами. Выделяют базовый, иницирующий, совмещающий и реализующий компоненты ментальности. Этнопсихология предлагает конструкты и параметры ментальности [1, 20].

№п/п	Конструкты ментальности	Параметры ментальности		
<u>1</u>	Этнический	Мера добра	Мера зла	Мера справедливости
<u>2</u>	Временной	Прошлое	Настоящее	Будущее
<u>3</u>	Пространственный	Обширное	Сжатое	Нулевое
<u>4</u>	Рисковости	Активная стратегия	Пассивная стратегия	Уход
<u>5</u>	Коммуникативный	Установка на себя	Установка на людей	Установка от людей
<u>6</u>	Интеллектуальный	Иррациональность	Контекстность	Рациональность
<u>7</u>	Гедонистический	Физическое удовольствие	Духовное удовольствие	Материальное удовольствие
<u>8</u>	Определённости	Социальный порядок	Социальный хаос	Промежуточное звено
<u>9</u>	Достижения	Успех	Боязнь неудачи	Неуспех

Более детальное изучение матричной структуры этнической ментальности делает эмпирически допустимым исследование отношений ко всем последующим, вышедшим как художественным, так и документальным фильмам на исторический сюжет Холокоста, максимально визуализированная

матрица проявления агрессии, деформирующей национальную идентичность в межнациональных отношениях. В нашем случае – это событие удачного побега заключённых концентрационного лагеря «Собибор», расположенного на территории Польши в 1941 года³.

№ п/п	Название медиа продукта /режиссёр	Год	Страна
1	«Побег из Собибора»/Джек Голд	1987	Великобритания Югославия
2	«Восстание в Собиборе»/ Павел Коган и Лили Ван ден Берг	1989	Голландия СССР
3	«Собибор, 14 октября 1943 года, 16 часов»/ Клод Ланцман	2001	Франция
4	«Арифметика свободы» / Александр Марутян	2010	Россия
5	«Лейтенант Печерский из Собибора»/Леонид Млечин	2013	Россия
6	«Собибор. Непокорённые»/ Сергей Пашков	2013	Россия
7	«Побег из нацистского лагеря смерти» / компания Darlow Smithson Productions	2014	США
8	«Собибор» /Константин Хабенский		Россия

Следует отметить, что историческая рефлексия Второй мировой войны для национальной идентичности россиян в медиа пространстве вышла на второй виток своего формирования уже не для советского гражданина, а постсоветского россиянина. К отдельным медиа сюжетам войны междисциплинарность филологов детализирует коммуникацию риторики войны [14], а теологов, относительно российской национальной идентичности,

уточняет аргументацию христианской глобалистики⁴. Подобный процесс ждёт своей очереди в когнитивной оценке военных конфликтов конца 20 и начала 21 вв., задаваясь вопросом в каком количестве и качестве для этого необходим продукт культуры. Какова его критическая масса, способная запустить процесс в решении задач, поставленных этнической психологией?

³ Печерский Александр Аронович / Википедия / <https://ru.wikipedia.org/wiki/>

⁴ Христианская глобалистика - самостоятельного течения в рамках христианской философии, сложившегося в 1980-х на базе таких понятий и концепций 1960—1970-х, как "богословие примирения", "богословие мира", "новый христианский аскетизм", "евангелизация мира" и т. Д. Х. Г. отличается разнообразием подходов и концепций к трактовке глобальных проблем. Среди основных

направлений прежде всего необходимо выделить "католическую глобалистику" (или "теологию глобальных проблем") и православное осмысление глобальных проблем, которое представлено "православной мирологией" и православной экологией (или "экологической этикой" православия)./<http://www.insai.ru/slovar/khristianskaya-globalistika>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Этническая психология. Учебник. М.: ИНФА – М, 2018. - с.1-9;
2. Золотухин В.Е. Национальные отношения в глобализирующемся мире / Альтернативные модели глобализации и проблемы современной глобальной динамики. Ростов н/Д, Издательско-полиграфический комплекс РГЭУ (РИНХ), 2018. - с. 193;
3. Лабунская В.А. Не язык тела, а язык души! Психология невербального выражения личности: монография. — Ростов н/Д: Феникс, 2009. — с. 344;
4. Годфруа Ж. Что такое психология. — Москва, «Мир», 1992. - 485с;
5. Героев тех дней помним мы имена. Ростов н/Д.: Издательско-полиграфический комплекс РГЭУ (РИНХ), 2015.- с. 197-199;
6. Богданова С. Макарова Ю. Герои Собибора. Фотолетопись. Иерусалим Москва.: Герашим мосты культуры., 2015. — 180 с.;
7. Этническая психология. Учебник. М.: ИНФРА-М, 2018. - с. 11, 12, 13, 27, 28;
8. Бромлей Ю.В. Этнос и этнография -М.: Наука, 1973. — с.283;
9. Дробижева Л.М. Гражданская и этническая идентичности и образ желаемого государства в России/ Л.М. Дробижева, С.В. Рыжова//Политические исследования. — 2015.-№5 — с.9-24.- URL:<http://dx.doi.org/10.17976/jpps/2018.10.03>;
10. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. — М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001;
11. Официальный сайт - Войсковое казачье общество Центральное / <https://www.vko-ckv.ru/>;
12. Сайт Российского Дворянского Собрания / www.nobility.ru/
История еврейского народа в России. От революций 1917 года до распада Советского Союза. Том 3. Редактор: Бейзер Михаэль. Изд-во: Мосты культуры, 2017. — 480с.;
13. Наталья Авдоница. Риторика войны / <http://svom.info/entry/494-ritorika-voyny/>;
14. Лурия А.Р. Лекции по общей психологии // общая и экспериментальная психология. — СПб.: Питер, 2006. — 320 с. — (мастера психологии);
15. Ждановские чтения в Южном федеральном университете / Программа межрегионально-научно-практической конференции с международным участием «Социально-педагогические механизмы взаимодействия науки и образования», Ростов-на-Дону, 25 октября 2018г.-8с.;
16. Лоренц К. Агрессия (так называемое зло)/ пер. с нем. Г.Ф.Швейника. М.: Прогресс; универс, 1994.;
17. Хиллман Д. Архетипическая психология. М.: КОГИТО-ЦЕНТР, 2006;
18. Хотинец В.Ю. К вопросу об основных подходах к изучению этничности в зарубежной и отечественной науке (позиция этнопсихолога)// Мир психологии. — 2001.- №4.- с. 135-146;
19. Панферов В.Н. Психология человеческих отношений. — СПб.: АНО ИПП, 2009 — 497 с.;
20. Соловей Т.Д. Несостоявшаяся революция: Исторические смыслы русского национализма // Записки о древней и новой России. — Вып.3. — М.: Феория, 2009.- 440с.;
21. Баньковская С.П. Чужаки и границы: к понятию социальной маргинальности//Отечественные записки. — 2002.-№6. —с.457-467;
22. Бабахова Л.Г. Отчужденная идентичность в эпоху глобализма/Альтернативные модели глобализации и проблемы современной глобальной динамики монография // под науч. ред. А.У.Альбекова, Г.Г.Матишова, А.М.Старостина. — Ростов :Издательско-полиграфический комплекс РГЭУ (РИНХ), 2018. -с.260-262. Ростов н/Д;
23. Третья международная научная конференция «Междисциплинарность в современном социально-гуманитарном знании - 2018» /Академический мир и проблемы становления цифрового общества// Программа. Южный федеральный университет, 20-22 сентября 2018;
24. Бенгт Хегглунд. История теологии. Санкт Петербург, Изд-во «Светоч», 2006. -369с.;
25. Радио «Эхо Москвы» Интервью/ Будем наблюдать. Гость Алексей Венедиктов от 15.12.2018. / <https://echo.msk.ru/>.

FORMATION OF VALUABLE ORIENTATIONS OF TEENAGERS WITH EASY DEGREE OF MENTAL RETARDATION

Peshkova N.

candidate of psychological Sciences, Department of Special Psychology, Leo Tolstoy Tula State Pedagogical Univer-sity (Leo Tolstoy TSPU)

ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ У ПОДРОСТКОВ С ЛЕГКОЙ СТЕПЕНЬЮ УМСТВЕННОЙ ОТСТАЛОСТИ

Пешкова Н.А.

К.психол.н., доцент кафедры специальной психологии ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого»

Abstract

The article presents the results of an empirical study of the features of the formation of value orientations in adolescents with a mild degree of mental retardation. The author theoretically justified and empirically confirmed that the formation of value orientations in adolescents with a mild degree of mental retardation occurs under the same laws as the development of normally developing children, but at the same time, due to intellectual disability, it takes place in a peculiar environment.

Аннотация

В статье приведены результаты эмпирического исследования особенностей формирования ценностных ориентаций у подростков с легкой степенью умственной отсталости. Автором теоретически обосновано и эмпирически подтверждено, что формирование ценностных ориентаций у подростков с легкой степенью умственной отсталости происходит по таким же законам, что и развитие нормально развивающихся детей, но вместе с тем, в силу интеллектуальной неполноценности, оно проходит в своеобразных условиях.

Keywords: value orientations, teenagers, mild mental retardation.

Ключевые слова: ценностные ориентации, подростки, легкая степень умственной отсталости.

Понятие «ценность» широко используется в современных общественных науках (в философии, в социологии, в психологии, в педагогике), где оно обычно трактуется как субъективное отражение в сознании индивида стратегически важных для него жизненных ориентиров. Наряду с понятием «ценность» существует ряд схожих понятий, это – социальные и личностные ценности, а также ценностные ориентации. Именно «ценностные ориентации» выступают как звено, связующее различные подходы и системы знаний о поведении человека, как категория, с которой соотносятся различные понятия, привлекаемые философией, социальной психологией и социологией при изучении механизмов регуляции поведения.

Наиболее активно становление ценностной структуры личности происходит на этапе подростковой и юношеской социализации. Подростковый возраст является сензитивным периодом для присвоения системы ценностей общества, построения картины мира, отражающей конкретно-исторический фон и особенности социальной ситуации развития подростка.

У подростков с легкой степенью умственной отсталости качество духовных ценностей значительно ниже чем у здоровых сверстников. Для них свойственно ориентироваться на конкретные материальные ценности. Ценностные ориентации связаны с общением со сверстниками и подтверждением признания со стороны окружающих, к также досуг.

Ценностные ориентации как одна из составляющих структуры личности изучаются в рамках общей психологии, психологии личности, социальной психологии. Многие ученые (Б.Г. Ананьев, Т.М. Андреева, Л.И. Божович, Б.С. Братусь, Л.С. Выготский, А.Ф. Лазурский, А.Н. Леонтьев, Б.Ф. Ломов, В.Н. Мясищев, Г. Олпорт, С.Л. Рубинштейн, В.В. Столин, В. Франкл, В.А. Ядов) рассматривают проблему ценностей в связи с источниками активности человека – потребностями, предметами этой активности – мотивами и механизмами регуляции активности [3; 5; 7; 9]. Большой вклад в исследование

ценностных ориентаций внесли А.В. Мудрик, И.С. Кон, В.М. Кузнецов, И.С. Артюхова, Е.К. Киприанова и др. [4].

Изучением ценностных ориентаций у подростков с умственной отсталостью занимались Веселова Т.С., Кудрявцев В.А., Назарова М.Ц., Христов Д.А. [1; 8].

В многолетних экспериментальных исследованиях в области дефектологии (Л.С. Выготский, Т.А. Власова, М.С. Певзнер, Г.М. Дульнев, В.И. Лубовский, Н.Г. Морозова, В.Г. Петрова, Ж.И. Шиф и др.) было выявлено, что при психическом недоразвитии самостоятельное освоение ребенком сложных нравственных понятий и категорий затруднено, в итоге в значительной мере сужается круг его социальных контактов, а при неблагоприятных условиях развития может стать одной из причин дезадаптивного поведения [3; 6]. В этой связи специально организованное формирование у умственно отсталых подростков ценностных ориентаций, отражающих основы культурного опыта человека, является специальной задачей воспитания и обучения подростков данной категории.

В основу проведенного под нашим руководством исследования положена гипотеза, согласно которой выявление специфики ориентаций умственно отсталых подростков на освоение тех или иных ценностей позволяет составить эффективную программу формирования ценностных ориентаций у подростков с легкой степенью умственной отсталости.

Базой исследования выступило Федеральное государственное бюджетное специальное учебно-воспитательное учреждение для детей и подростков с девиантным поведением «Специальное профессиональное училище № 1 закрытого типа г. Щекино Тульской области». В исследовании приняли участие 7 подростков с легкой степенью умственной отсталости в возрасте от 15 до 16 лет.

Для определения диагностической программы исследования необходимо проанализировать понятие «ценностные ориентации» (Таблица 1).

Контент-анализ определения понятия «ценностные ориентации»

Автор	Определение
В.А. Ядов	Ценностные ориентации – установка личности на те или иные ценности материальной и духовной культуры общества
Б.Г. Ананьев	Ценностные ориентации – совокупность определенных позиций, ролей и функций, которые формируются путем присвоения продуктов общественного опыта и культуры в процессе воспитания и обучения
М. Рокич	Ценностные ориентации – это устойчивое убеждение, что определенный способ поведения или конечная цель существования предпочтительнее с личной и социальной точек зрения, чем противоположный или обратный способ поведения, или конечная цель существования
Б.С. Волков	Ценностные ориентации – это сознательный регулятор социального поведения личности

Таким образом, исходя из проведенного контент-анализа сделаем вывод, что ценностные ориентации – сложный социально-психологический феномен, характеризующий направленность и содержание активности личности, являющийся составной частью системы отношений личности, определяющий общий подход человека к миру, к себе, придающий смысл и направление личностным позициям, поведению, поступкам.

Отбирая методики, мы исходили из анализа научной литературы, соображений доступности материала для подростков с легкой степенью умственной отсталости, компактности описания самой методики, относительной легкости ее проведения и отработки.

Таким образом, в диагностическую программу вошли следующие методики: «Ценностные ориентации личности -8» (сборник Резапкиной), методика определения направленности личности (Б. Басса), анкета изучения жизненных ценностей, тест

мотивации достижений Т.А. Махрабяна, «Диагностика социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере» О.Ф. Потемкиной.

Результаты диагностики по методике «Ценностные ориентации личности-8» на констатирующем этапе эксперимента дают возможность сделать вывод, что у большинства детей с легкой степенью умственной отсталости жизненными ценностями являются общение и материальные ценности, которые связаны с такими ценностями, как: информированность, наличие свойств характера, способствующих общению (жизнерадостность и чувство юмора), наличие возможности общения при отдыхе, а также с целями материальной обеспеченности – высокая заработная плата, благоустроенная квартира и личная автомашина, возможность одеваться по моде. В то же время быть материально обеспеченным – это предполагает либо быстрое продвижение по службе, либо хорошие взаимоотношения с нужными людьми (Рис.1).

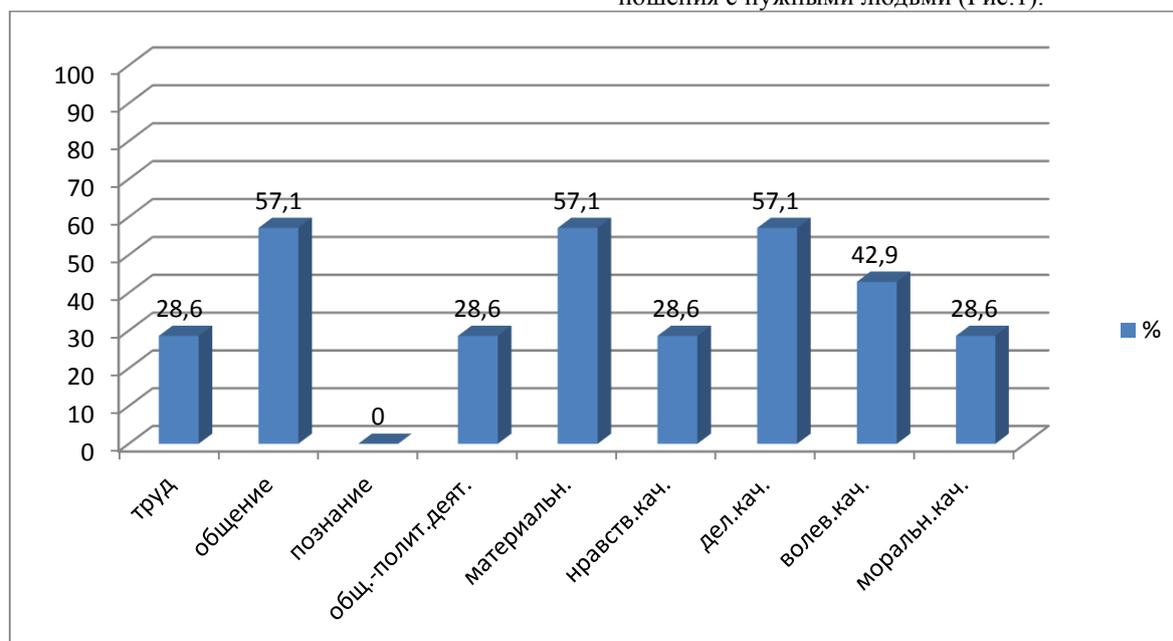


Рис.1. Графическое изображение результатов по методике «Ценностные ориентации личности -8» (сборник Резапкиной)

Из полученных результатов диагностики по методике «Определение направленности лично-

сти» (Б. Басса) на констатирующем этапе эксперимента можно сделать вывод, что у большинства ре-

спондентов (по 44,9%) преобладают направленность на дело, что предполагает заинтересованность в решении своих проблем, ориентацию на деловое сотрудничество, способность отстаивать в интересах дела собственное мнение, и на себя, то есть ориентация на прямое вознаграждение и удовлетворение, агрессивность в достижении статуса, властность, склонность к соперничеству, раздражительность, тревожность, интровертированность, у 1

участника (10,2%) выявлена направленность на общение – стремление при любых условиях поддерживать отношения с людьми, ориентация на совместную деятельность, но часто в ущерб выполнению конкретных заданий или оказанию искренней помощи людям; ориентация на социальное одобрение, зависимость от группы, потребность в привязанности и эмоциональных отношениях с людьми (Рис.2).

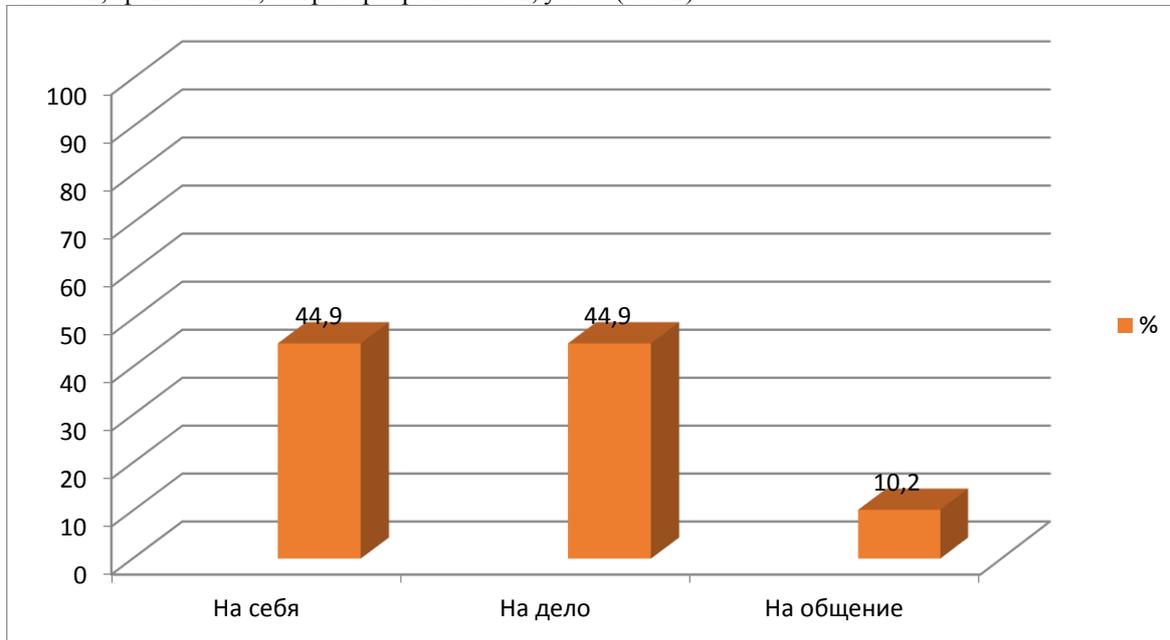


Рис.2. Графическое изображение результатов по методике «Определение направленности личности» (Б. Басса)

Результаты диагностики по анкете изучения жизненных ценностей на констатирующем этапе эксперимента показали, что для большинства испытуемых характерны материальные жизненные ценности, признание окружающими и досуг. Так же

интересен тот факт, что такая жизненная ценность как интимное общение наиболее выражена у лиц женского пола. Результаты наглядно представлены на рисунке 3.

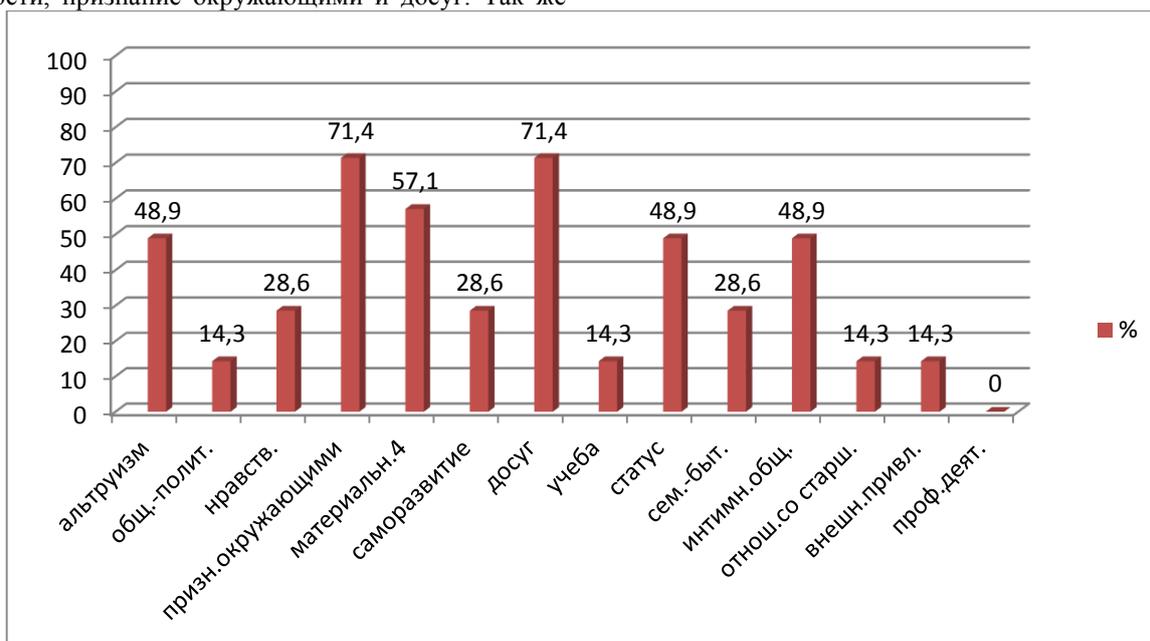


Рис.3. Графическое изображение результатов по анкете изучения жизненных ценностей

Представим результаты диагностики тест-опросника А. Мехрабиана в Таблице 2.

Таблица 2

Результаты диагностики тест-опросника А. Мехрабиана

Ф.И.О	Мотив стремления к успеху	Мотив избегания неудач
Респондент 1	76%	24%
Респондент 2	58%	42%
Респондент 3	30%	70%
Респондент 4	45%	55%
Респондент 5	27%	73%
Респондент 6	43%	57%
Респондент 7	40%	60%

Как мы можем увидеть, что респондент 3 и респондент 5 имеют наибольшую мотивацию к избеганию неудач. Эти данные в сочетании с другими методиками можно использовать при выборе профессиональной ориентации данных подростков. Другие респонденты показали средние результаты.

Результаты методики «Диагностика социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере» О.Ф. Потёмкиной позволяет проследить у большинства подростков с легкой степенью умственной отсталости установку на свободу, власть и деньги. Явной связи установок личности по гендерному типу не установлено (Таблица 3).

Таблица 3

Результаты методики «Диагностика социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере» О.Ф. Потёмкиной

	Респ. 1	Респ. 2	Респ. 3	Респ. 4	Респ. 5	Респ. 6	Респ. 7
Процесс	5	5	3	5	6	6	6
Результат	5	5	4	5	5	3	4
Альтруизм	4	3	3	4	3	4	4
Эгоизм	5	6	5	7	5	5	6
Труд	4	4	4	5	3	4	3
Свобода	7	7	8	7	8	6	6
Власть	8	8	6	7	6	5	5
Деньги	8	7	8	5	5	7	6

Таким образом, по данным экспериментально-психологического обследования установлено, что для старшеклассников с легкой степенью умственной отсталости наиболее важными жизненными ценностями выступают признание со стороны окружающих, досуг и материальные ценности, у большинства испытуемых ценностные ориентации связаны с общением со сверстниками и материальными ценностями. Популярными в группе также оказались подтверждение признания со стороны окружающих и досуг. При этом у испытуемых не выявлена направленность на ценность познания и профессиональной деятельности, что для подросткового возраста является существенным затруднением для процесса гармоничного личностного развития. Более того, подростки с интеллектуальной недостаточностью в большей степени ориентированы на конкретные ценности.

Мы полагаем, что проведение коррекционно-развивающих мероприятий будет способствовать формированию ценностных ориентиров подростков с легкой степенью умственной отсталости.

Всю коррекционную программу, направленную на формирование ценностных ориентаций у подростков с умственной отсталостью, можно условно разделить на 3 этапа:

Ориентировочный этап. В ходе данного этапа происходит эмоциональное объединение участников группы, исследование обстановки и правил поведения на занятии.

Развивающий этап, в ходе которого решаются основные задачи коррекционно-развивающей программы;

Завершающий этап. В ходе данного этапа осуществляется обобщение закрепление усвоенных форм поведения, подведение итогов.

Коррекционно-развивающая программа включала проведение групповых занятий (12 занятий), в процессе которых психолог решал следующие задачи:

- способствовать развитию представлений о собственных психологических возможностях, потребностях, интересах, ценностях;
- развить внутреннюю регуляцию в когнитивном, эмоционально-волевом и поведенческом уровне;
- способствовать формированию общественно значимых мотивов выбора жизненного пути и профессии, места в мире и среди других людей;
- способствовать развитию личности как субъекта собственной жизни, ответственности ее за

свой свободный выбор, перед самим собой, близкими, вплоть до переживания собственной ответственности за судьбу общества.

После реализации коррекционно-развивающей программы был проведен контрольный этап эксперимента по методикам диагностической программы.

Сравнительный анализ результатов диагностики констатирующего и контрольного этапов опытно-экспериментальной работы показал, что после проведения коррекционной работы произошли позитивные количественные изменения: повысился процент детей с направленностью ценностных ориентаций на общение и на развитие нравственных качеств. Так же на констатирующем этапе ни у кого не было выявлено направленности ценностных ориентаций на познание, на контрольном этапе произошла явная динамика – увеличилось количество баллов, у одного ученика эта ценность перешла на высокий уровень направленности (результаты диагностики по методике «Ценностные ориентации личности-8»); увеличился процент детей, направленность которых ориентирована на дело и уменьшилось количество учеников с направленностью на себя (методика определения направленности личности); понизилась значимость ценностей досуга и материальных ценностей, но при этом несколько возросло значение ценностей профессиональной деятельности и семейно-бытовых отношений (анкета изучения жизненных ценностей); практически у всех детей увеличился мотив стремления к успеху. Однако, данный показатель увеличился незначительно (тест-опросник А. Мехрабана).

Таким образом мы можем сделать вывод, что развитие гармоничной личности умственно отсталых подростков, формирование у них ценностных ориентаций происходит по таким же законам, что и

развитие нормально развивающихся детей, но вместе с тем, в силу интеллектуальной неполноценности, оно проходит в своеобразных условиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Веселова Т.С., Кудрявцев В.А. Социальные установки и ценностные ориентиры у подростков с нормативным и задержанным темпом психического развития // Современные проблемы науки и образования. 2014. №6. С.124-138.
2. Волков Б.С. Психология юности и молодости: учеб. для вузов. М.: Трикта, 2016. 356 с.
3. Выготский Л.С. Проблема умственной отсталости // Избранные психологические исследования. М., 1996. С. 453-480.
4. Киприянова Е.В. Исследование ценностных ориентаций старшеклассников и управление социализацией личности // Обществознание в школе. 1999. №2. С.50-52.
5. Леонтьев Д.А. От социальных ценностей к личностным // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. 1996. № 4. С. 35 - 43.
6. Лубовский В.И., Розанова Т.В., Солнцева Л.И. Специальная психология: Учебное пособие для студентов дефектологических факультетов педагогических вузов. М.: Алитея, 2006. 371 с.
7. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер Ком, 1999. 720 с.
8. Христоролюбов Д.А., Нугаева О.Г. Исследование особенностей ценностных ориентаций у подростков с умственной отсталостью // Изучение и образование детей с различными формами дизонтогенеза. Материалы всероссийской научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и слушателей. Екатеринбург, 2014. С. 294-305.
9. Ядов В.А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности. Л.: Наука, 2007. 279 с.

№25/2018

Norwegian Journal of development of the International Science

ISSN 3453-9875

VOL.4

It was established in November 2016 with support from the Norwegian Academy of Science.

DESCRIPTION

The Scientific journal “Norwegian Journal of development of the International Science” is issued 12 times a year and is a scientific publication on topical problems of science.

Editor in chief – Karin Kristiansen (University of Oslo, Norway)

The assistant of the editor in chief – Olof Hansen

- James Smith (University of Birmingham, UK)
 - Kristian Nilsen (University Centre in Svalbard, Norway)
 - Arne Jensen (Norwegian University of Science and Technology, Norway)
 - Sander Svein (University of Tromsø, Norway)
 - Lena Meyer (University of Gothenburg, Sweden)
 - Hans Rasmussen (University of Southern Denmark, Denmark)
 - Chantal Girard (ESC Rennes School of Business, France)
 - Ann Claes (University of Groningen, Netherlands)
 - Ingrid Karlsen (University of Oslo, Norway)
 - Terje Gruterson (Norwegian Institute of Public Health, Norway)
 - Sander Langfjord (University Hospital, Norway)
 - Fredrik Mardosas (Oslo and Akershus University College, Norway)
 - Emil Berger (Ministry of Agriculture and Food, Norway)
 - Sofie Olsen (BioFokus, Norway)
 - Rolf Ulrich Becker (University of Duisburg-Essen, Germany)
 - Lutz Jäncke (University of Zürich, Switzerland)
 - Elizabeth Davies (University of Glasgow, UK)
 - Chan Jiang (Peking University, China)
- and other independent experts

1000 copies

Norwegian Journal of development of the International Science

Iduns gate 4A, 0178, Oslo, Norway

email: publish@njd-iscience.com

site: <http://www.njd-iscience.com>